

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

УШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ДО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1972

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

**УШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1972**

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С.И.Базовский

СПОСОБЫ ПОДТВЕРДИТЕЛЬНОГО ЦИТИРОВАНИЯ В РАННИХ ПЕРСИДСКИХ СЛОВАРЯХ

Персидская письменная культура Средневековья в основной своей части состояла из поэтических произведений; это следует поставить в прямую связь с ранним и богатым развитием лексикографической традиции. Авторами первых толковых словарей выступали как правило поэты. Словари составлялись, как это нередко отмечается в авторских предисловиях к фархангам, — в помощь для чтения и понимания поэтических текстов, с их сложной традиционной образностью. Составители адресовали свои лексиконы также поэтам, как пособие для овладения лексическим богатством персидского языка, глубокими полисемантическими и образными возможностями персидской лексики.

Подтвердительные иллюстративные цитаты на словоупотребление характерны для персидских толковых словарей, начиная с самых ранних. Можно предположить, что документирование того или иного толкования осмысленно не стихом из диванов самых известных поэтов — признанных авторитетов — было своего рода сформулированным правилом для ранних персидских лексикографов. Так, Асади Туси, — автор одного из первых по времени персидских фархангов (XI в.) — пишет в предисловии, что сам его, поэт, просил составить словарь так, "чтобы к каждому слову было подтверждение из стихов персидских поэтов, байт или два"¹.

Персидские лексикографы XI-XV вв. цитируют как правило - и почти исключительно - стихи, цитаты из произведений современников - редкое явление в этих словарях. Однако иногда составители фархангов иллюстрируют то или иное словоупотребление собственными стихами, как это можно видеть на примере "Дугат-и фурс" (напр. *اسدی مصیبت گوید در گرشاسف نامه*)². Намс-и Фахри в "Мийар-и Дхамани" приводит в качестве примеров собственные достаточно длинные касмды. Автор словаря "Сихах ад-фурс", Мухаммад Нахчивени, цитирует стихи своего отца, поэта.

Иллюстративные стихи - как правило байт, иногда мисра', редко - рубай целиком или фрагмент в несколько байтов - приводятся в словарях указанием имени их автора и вводятся следующими формулами:

رودکی گفته است
عنصری گوید
شهید گفت
فرضی راست
فردوسی فرماید

Иногда составители отмечают название цитируемого сочинения, напр. в "Сихах ад-фурс":³

فردوسی در آخر شاهنامه گفت
خواجو کرمانی در سام نامه گفت

Включение стихотворных примеров, с указанием имени поэта, иногда и названия произведения, придает исключительную ценность персидским лексикографическим сочинениям, так как именно фарханги, как показала наука, оказались в ряде случаев единственными источниками, сохранившими тексты утраченных литературных произведений наиболее раннего этапа развития поэзии на ново-персидском языке. Литературоведы (П.Хори, Саид Нафиси, Е.Э.Бертельс и др.) успешно использовали персидские фарханги при собирании и восстановлении литературного наследия, дошедшего до нашего времени лишь частично, таких крупных поэтов, как Шахид Бахжи, Рудаки, 'Уисури, Ам'ак и др.

Метод подтвердительного цитирования персидских стихов в словарях показал себя весьма ценным и для исследования языка. Приведение подтвердительных цитат, документирующих пример того или иного употребления слова, дает возможность проследить наиболее отчетливо смысловые и стилистические оттенки толкуемого слова в его литературном контексте, особенно в редком, не всегда явном, метафорическом, инсказательном контексте.

Вместе с тем, цитирование отрывочных, вырванных из стихотворений, бейтов нередко приводило при переписывании к искажению текста стиха. Цитата выпадала или подменялась другой, произвольно приписывалась другому автору или просто теряла авторство. Так, иногда иллюстративные стихи приводятся в анонимной форме: "Поэт сказал" *شاعر گفت*

На одном из способов цитирования в ранних фархангах следует остановиться более подробно.

Одним из ранних персидских фархангов, где подтвердительных цитат особенно много, является словарь "Дугат-наме-йи Кадар-хан", составленный в Индии в 1406 г.⁴ В словаре документируется литературным употреблением чуть ли не каждое из толкуемых слов, причем в ряде случаев к одной и той же вокабуле приводятся два примера, из разных поэтов, что само по себе достаточно редкое явление для фархангов. Цитируются свыше семидесяти поэтов, названных составителем по именам. Больше других цитируется Низами (196 ссылок); много цитат также из Рудеки (64 бейта), Фирдауси (59 бейтов), Унсури (41 бейт), Абу Шукура (33 бейта) и др. Многочисленные стихотворные цитаты вводятся следующей формулой: *بزرگی فرماید* или *بزرگی گوید*. Такого рода ссылки принадлежат к числу самых частых в данном словаре: цитат под этим именем около ста.

Литературным цитатам из "Дугат-наме-йи Кадар-хан" посвящена специальная статья Ш.Хусейнаде и Р.Хашима. При перечислении цитируемых в словаре поэтов авторы приводят и имя Бузурги⁵. Вместе с тем, о поэте, столь обильно цитируемом в данном фарханге, не удалось найти никаких упоминаний в работах, посвященных персоязычной литературе рассматриваемой эпохи. К тому же и сама форма имени - *بزرگی* - вызывает некоторое сомнение.

В результате сравнительного изучения ряда фархангов нам удалось установить, что многие из бейтов, которые в словаре "Даниш-наме-йи Кадар-хан" даны со ссылкой *بزرگی گوید*, в действительности принадлежат авторству многих известных поэтов, относящихся к разным эпохам, литературным кругам, разным даже по характеру творчества. Авторство нижеследующих бейтов установлено по словарю "Дугат-и Фурс", где эти же цитаты приведены с указанием имени поэта:

Рук. "Даниш-наме", л.11а :

چند دهی وعده دروغ همی چند چند فروشی بخیره با من سروا

Этот бейт принадлежит поэту Урмузди (см. "Дугат-фурс", стр.56);

л.31а:

ای آنکه عاشقی بغم اندر غمی شده دامن بیا بدامن فلج بر فلکن

Автором этого бейта является Мааруфи Балхи ("Дугат-и фурс", с стр. 18);

л.82б:

زن چو این بشنید شد خاموش بود کفشگر کانا و مردی لوش بود

Бейт принадлежит Тайяну ("Дугат-и фурс", стр. 74);

л.85б:

آن جنش زگردنش بیا و بخته گوئی خیکمیت پر از باد بیا و بخته از بار

Бейт принадлежит Лабیبی ("Дугат-и фурс", стр.71);

л.91а:

تسکنت نیست گراز کینچ چشم من سرفست بی چو سرخ بود اشک سرخ باشد کینچ

Бейт принадлежит Абу Намбу Харави ("Дугат-и фурс", стр.83);

л.102а:

آن زن از دکان فرود آمد چو باد پس فلز رنگش بدست اندر نهاد

Бейт принадлежит Рудаки ("Дугат-и фурс", стр.52);

л.103б:

یا زندهم یا کندم ریش پاک یا دهمم کار دیکی بر کلان

Бейт принадлежит Хакаку ("Дугат-и фурс", стр. 115);

л.106б:

ترسم چشمت رسد که سخت خطیری چونکه نیندند خرنک بگلور

Бейт принадлежит Манджяку Термези ("Дугат-и фурс", стр.95);

л.119а:

سخنگوی گشتی سلیمانف کرد نفوشاک بودی مسلمانف کرد

л.187б:

و زان پس که بد کرد بگذاشتم بدو بر سیاسته نینداشتم

Бейты принадлежат Абу Нукуру Балхи ("Дугат-и фурс", стр.91 и 59);

л.131б:

بتا نگارا از چشم بد ترس و مکن چرا ناری با خود همیشه چشم بنام

Бейт принадлежит Нахиду Балхи ("Дугат-и фурс", стр.134);

л.148б:

خواهی بشارش ده خواهی بگزاره خواهیش بشاهین زن خواهی بگرستون

Бейт принадлежит поэту по имени Зарникетаб ("Дугат-и фурс", стр. 161);

В "Диване" Минучихри Дамгани (стр.53)⁷ обнаруживается следующий бейт:

Это дает основание считать, что раннего поэта с именем Бузурги не существовало. Автор словаря "Данишنامه" цитировал по памяти известные ему стихи без указания точного имени поэта; Бузурги в этом случае означает: "Некий великий" или "Некий предшественник".

Подобная же неточность проникла в специальную литературу в связи с другим, аналогичным, способом цитирования. Так, в том же словаре "Данишنامه" несколько стихотворных цитат вводятся словами: *تایل گوید* (л. 986); равным образом цитируются стихи и в словаре "Зафаргуша". (л. 126). Ошибочное чтение привело Н.Хусейнзаде и Р.Ханима к тому, что они упомянули в числе поэтов, цитированных в "Данишنامه", поэта с именем Кабил⁸. В действительности, при ясном написании *تایل* - это слово надо понимать как "поэт" (буквально "говорящий"); следовательно, и в этом случае имеет место анонимная ссылка на неопознанный по авторству стих. При сравнении стихов, цитированных подобным образом, в ряде случаев можно установить их действительного автора. Так, следующий байт из словаря "Зафаргуша" (л. 126):

این بیج درخت است که می نارد بار بید و پده و سرو و سفیدار و چنار
принадлежит Рудеки (см. "Дугат-наме-йи Диххуда", стр. 135)⁹.

1) لغت فارس اسدی طوسی بکوشش دبیرسیاقی، تهران، ۱۳۳۶، ص. شش.

2) لغت فارس، ص. ۲۵.

3) صحاح الفرس محمد نجفوانی با اهتمام طاعتی، تهران، ۱۳۴۱، ص. ۴۷، ص. ۷۲.

4) О рук. этого словаря см.: Н.Хусейнзаде и Р.Ханима, "Данишنامه Кадархон" ва ахъимияти он дар омуктани мероси адабии мо ва осори Рудеки", - Сухансарои Панчрӯд", Сталинбад, 1958, стр. 64-83.

5) Ук. статья, стр. 82.

6) Ук. изд. لغت فارس.

7) دیوان منوچهری دامغانی بکوشش دبیرسیاقی، تهران، ۱۳۳۷، ص. ۵۴.

8) Н. Хусейнзаде и Р. Ханим, ук. статья, стр. 83.

9)

نقشه د فخر، جلد پ - پلاته، تهران، ۱۳۲۸، ص. ۱۳۵

Ю.Е. Борцевский

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ КОСМОГРАФИЧЕСКОЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: УЧЕТ И КЛАССИФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛА

Космографические и географические сочинения на персидском языке, создававшиеся на протяжении десяти веков (X—XX вв.), составили обширную область персидской литературы, оказавшую большое влияние на культуру Ирана и ряда сопредельных стран. Некоторые памятники этой литературы опубликованы, имеется ряд критических изданий и переводов на европейские и русский языки, однако подавляющее большинство их все еще в рукописях. Несмотря на наличие ряда научных статей и обзоров, посвященных географическим произведениям, создание научной истории этой литературы — одна из предстоящих задач иранистики. Совершенно очевидно, что приступить к выполнению этой задачи можно уже сейчас: исследователь-иранист располагает для этого достаточным материалом. Вопрос заключается в другом: позволяет ли современное состояние изученности подлежащего осмыслению материала надеяться на то, что подлинно научная история данной области персидской литературы может быть создана без проведения ряда предварительных работ? Настоящая заметка является попыткой ответить на этот вопрос.

I. Учет материала.

На первый взгляд здесь все благополучно: космографические и географические сочинения включены покойным Ч.А.Стори в его известный свод (издавался с 1927 по 1958 г.). Однако, в связи с публикацией ряда текстов и, в особенности, изданием десятков новых каталогов, представленная этим справочником картина далеко не полна. Набираемый сейчас дополнительный русский перевод первых 432 стр. книги Стори вырос до 1500 стр. (без указате-

лей!) за счет включения около 900 неучтенных ранее сочинений и данных о приблизительно 5000 рукописей. По предварительным сведениям можно предположить, что проработка только опубликованных каталогов и т.п. должна пополнить географические разделы справочника приблизительно сотней новых сочинений - довольно значительный процент от их общего уже известного числа. К этому надо добавить, что многие коллекции все еще не описаны и рукописные хранилища таят в себе много неожиданностей.

Таким образом, в настоящее время никому не известен точный объем даже того материала, сведения о котором опубликованы; в связи с этим, основанное на справочнике Стори представление о репертуаре рассматриваемой литературы, истории ее развития, соотношения жанров различных произведений и т.п. уже во многом не соответствует действительности.

II. Географические разделы в сочинениях другой тематики

Известно, что такие разделы имеются не только в исторических произведениях (начиная с "Муджмаи ат-таварих"), энциклопедиях общего и специального характера, биографических трудах и т.п., но и в сочинениях на наш взгляд весьма далеких от географии, например, в сборниках рассказов ("Джавами ад-хикайят" Ауфи и др.). Очевидно, что при создании истории персидской географической литературы это обстоятельство должно учитываться: следовательно, предстоит еще выделить такие сочинения.

III. Систематизация материала

Ч.А.Стори выделил из массы космографических и географических сочинений лишь описания посольств, паломничеств ко святым местам и путешествий, основная же их часть расположена им в простом "хронологическом порядке", не принимающем во внимание ни место создания сочинения, ни его жанр.

Известно, что персоязычные сочинения находятся в русле общего развития мусульманской географической литературы и до определенного исторического периода их с некоторой долей условности можно рассматривать как некий "обще-иранский фонд". Однако, такой подход, очевидно, неоправдан для послемонгольского периода и здесь уже придется выделить из этого "общего фонда" среднеазиатские, индийские и афганские космографические и географические сочинения на персидском языке. Эта работа не сделана до сих пор.

В персональной географической литературе представлены почти все жанры, характерные для арабской географической литературы: многие из них хорошо известны, однако четкая их классификация до сих пор не разработана. Разработка ее представляет определенные трудности, в связи с многоплановым, синкретичным характером средневековых сочинений. Многие географические сочинения содержат большие исторические, биографические, автобиографические и др. разделы; в географическом словаре можно натолкнуться на обширный экскурс о толковании снов, а первая, насколько можно судить, история государства Российского на персидском языке содержится в описании одного путешествия частного лица. Однако, для создания истории географической литературы необходимо систематизировать материал и создать наиболее емкую его классификацию.

Представляемая ниже предварительная схема ее может быть взята за основу обсуждения такой классификации.

IV. Предварительная схема классификации материала

A. Космографическая литература.

Составляющие ее произведения – по сути дела своеобразные энциклопедии, призванные описать и объяснить всю созданную творцом вселенную, начиная от неподвижных и подвижных небесных сфер и кончая населяющими ее многочисленными представителями "нечистой" силы. Географический материал является необходимым компонентом космографий, но занимает в них часто не больше места, чем разделы, которые мы назвали бы астрономическими, минералогическими, ботаническими, этнографическими и т.д. Оценивать произведения этого жанра только на основании их географической части невозможно, они должны быть отделены от собственно географической литературы и требуют более широкого подхода.

Б. Географическая литература.

1. Математическая география. Таблицы расстояний.

2. Описательная география.

а) Сочинения, основанные на географических картах: объяснительные записки к картам мира; так называемый "атлас ислама".

б) Описания известного мира, не связанные с картами.

в) Региональная география: описания отдельных стран, провинций, районов, городов и т.п., как основанные на географических картах, так и не связанные с ними.

г) Описания отдельных сооружений, архитектурных памятников и т.п.

3. Статистическая география: так называемые "китабче", или реестры населения, взимаемых налогов, возделываемых культур и т.п.

4. Географические словари.

5. Отчеты о путешествиях: паломничества ко святым местам, посольства, административные и инспекционные поездки, странствия частных лиц.

6. Европейская географическая литература в персидских переводах.

У. Космографические и географические сочинения как памятники иранской литературы

Космографические и географические сочинения должны рассматриваться как научная средневековая литература и, очевидно, подход к ней историка будет в основном определяться этим ее характером. Однако, работа историка осложняется тем, что многие произведения являются одновременно и памятниками иранской литературы, причем они сознательно создавались как таковые. Автор одной из космографий, например, сообщает, что друзья, которым очень понравились его занимательные рассказы, убедили его свести их в книгу: в данном случае мы имеем дело с занимательным чтением, в какой-то мере выполнявшем роль современной научной (и не очень научной) фантастики. Многие произведения характеризуются высокохудожественным стилем и языком. В частности, это характерно для ряда описаний путешествий. В курсах истории персидской литературы общим местом стало утверждение, что дневники путешествий Насир ад-Дин шаха (XIX в.) оказали большое влияние на развитие художественной прозы. Новые материалы показывают, что весьма популярны были описания ряда путешествий, совершенных еще до рождения этого шаха и "опрошение" новой персидской прозы в определенной мере обязано и им.

Заключение

1. История персоязычной космографической и географической литературы может быть основана только на изучении конкретных памятников этой литературы и всего круга связанных с ними научных работ. В настоящее время имеются все возможности для того, чтобы приступить к подготовке такой работы.

2. Однако, эта работа должна вестись параллельно с созданием нового свода памятников данной литературы. Такой свод может быть создан на основе справочника Стори, дополненного и переработанного в соответствии с принципами, изложенными в статье Д.Э.Брегеля и автора данной заметки "О создании био-библиографического свода истории персидско-таджикской литературы", НАА, 1970, № 3, с.104-119.

3. В ДО ИВ АН СССР имеются все возможности для того, чтобы подготовить такую работу, имеющую самостоятельное и международное значение.

Е.И.Васильева

ОБ ОДНОЙ РОДОСЛОВНОЙ ПРАВИТЕЛЕЙ КУРДСКОГО ПЛЕМЕНИ ДУМБУЛИ

Сто лет назад, в 1287-1288/1870-71 - 1871-72 гг. в Кашане было написано историко-географическое сочинение, посвященной области Кашан в Иранском Азербайджане, под названием "Мират ад-Кашан" или "Тарих-и Кашан"¹. Это сочинение кроме подробного географического обзора области Кашан содержит раздел с описанием истории знатных семейств Кашана. Особое внимание автор "Тарих-и Кашан" Абдаррахим Калантар Зарраби (литературный псевдоним Сухайль-и Кашани - "Кашанская звезда Каланд") уделяет собственному роду Зарраби, ответственному некогда за управление курдского племени думбули (стр. 320-379).

Сведения, сообщаемые автором по истории рода думбулийских правителей, зачастую носят легендарный характер несмотря на то, что он ссылается на известные авторитетные источники. Но в той части, где Абдаррахим Зарраби обращается к истории семейства Зарраби, несомненно много ценного и оригинального.

‘Абдаррахим Калантар останавливается на вопросе о происхождении названия племени думбули и считает, что оно связано с названием горы в районе Дярбекира и древней крепости на вершине этой горы. Гора Думбул по словам автора отличалась особой неприступностью и была как бы высечена из одной глыбы гранита. Именно на этой горе, согласно преданию, заимствованному автором из “Зафар-наме”, в правление легендарного царя Кей-Кауса построили могучую крепость, резиденцию государя. В крепости Думбул, по другому преданию, в гранитных колодцах спрятали свои сокровища тирен Зах-хак.

Изложенная довольно подробно история правящего рода думбулийских правителей при первом ознакомлении поражает обилием имен и дат, но это большое число точных дат и наличие четкая беспрерывная преемственность власти (неизменно от отца к сыну) невольно настораживает. При более тщательном изучении сведений ‘Абдаррахима Зарраби, при их проверке и сопоставлении с некоторыми из источников, на которые он ссылается, выясняется, что большую долю в них занимает фантазия и вымысел автора. Автором руководит желание украсить родословную думбулийских правителей славными и знаменитыми именами государей и полководцев прошлого. “Хотя сейчас мы / думбулийцы / - рабы надшахов, мы / были / надшахами на заре /цивилизации/” - заявляет ‘Абдаррахим Зарраби (стр. 327). Руководствуясь этой идеей, он возводит генеалогию думбулийских эмиров к Хусраву Ануширвану.

‘Абдаррахим Зарраби не оригинален в своем желании найти корень своего родословного древа в Сасанидской династии. Курдские историки Шараф-хан Бидлиси, автор “Шараф-наме”, и Хусрав Бани-Ардалан, составивший историю курдского правящего рода Бани-Ардалан, тоже считали себя отпрысками рода Кесарей (Сасанидов)². Но Шараф-хан Бидлиси и Хусрав Бани-Ардалан ссылаются при этом на устную традицию, а автор “Тарих-и Каман” утверждает всерьез и порицает тех, которые “возможно, ... по неразумению и неосведомленности рассмеются и попрекнут - мол, сочинитель этой книги при выяснении своей генеалогии и родословной допустил преувеличение и отнесся к этому несерьезно” (стр. 327).

К числу прародителей думбулийских эмиров ‘Абдаррахим Зарраби отнес и представителя могущественной иранской фамилии Бармакидов, которые занимали пост везиров при Аббасидских халифах, -

Нахлу б. Кубада Бармаки. По-видимому, автор имеет в виду Нахлу б. Дза'фара, служившего везиром при халифе Харун ар-Рашиде в 170/786 - 193/809 гг. Согласно "Тарих-и Кашан" Нахля хан в 45/665-66 - 132/749-50 гг. и от Хусрева Акуширвана его отделяло не более ста лет. Очевидно, что автора совершенно не заботит точность сообщаемых им сведений и согласованность дат.

Преемниками Нахли Бармекида у 'Абдаррахима Зерраби выступают шесть персонажей, которые по его словам "владели Курдистаном, Ираном, Азербайджаном и Арменией". Такого государственного образования во главе с выходцами из рода думбули не существовало. Знаменитый Салахаддин, основатель династии Айюбидов в Египте, также отнесен автором к предкам думбулийских правителей, хотя общеизвестно, что Салахаддин принадлежал к курдскому племени раванд. Указывая годы жизни султана Салахаддина, 'Абдаррахим допускает ошибку почти на столетие. Ясно, что и эту эпоху, и историю султана Салахаддина автор представлял себе довольно смутно.

Подобные сомнения вызывает и достоверность истории последующих представителей этой династии. Даже сомнясь на источники, автор умудряется показать их сведения до неузнаваемости. В качестве примера приведем рассказ 'Абдаррахима Зерраби об эмире Шейх Ахмад-беке, подкрепляемый ссылками на "Шараф-наме" и "Зафар-наме" Шарафаддина 'Али Йезди. Шараф-хан Бидмиси упоминает Шейх Ахмад-бека первым из думбулийских эмиров, а его выдвижение датирует временем султанов Ак-Койунлу, т.е. второй половиной XV в. По словам Шараф-хана он добился успехов на службе у Белобараных султанов, и ему было поручено управление частью области Хаккари. В "Зафар-наме" о Шейх Ахмад-беке не сообщается ничего и не может сообщаться, поскольку труд Йезди был составлен в 1424 г. И отсылая читателя к двум упомянутым сочинениям, 'Абдаррахим Зерраби утверждает, что Шейх Ахмад-бек "был правителем всего Курдистана, Азербайджана и Армении", хан в 832/1428-29 - 877/1472-73 гг. и правил последние 15 лет (указанных дат нет ни в "Шараф-наме", ни в "Зафар-наме"). Более того, автор "Тарих-и Кашан" отождествляет Шейх Ахмад-бека с упоминаемым в "Шараф-наме" и "Зафар-наме" правителем Хаккари 'Изаддин Широм, современником эмира Тимура (1370-1405). Таким образом, очевидно полное смещение эпох и исторических персонажей. Весьма сомнителен и рассказ о "герои-

ческом сражении" приемника Нейх Ахмад-бека эмира Бахлула (в "Шараф-наме" он именуется Нейх Бахлулом) с турецким султаном Мехмедом Фатихом и о блистательной победе над последним.

Такие же сомнения вызывает достоверность истории последующих правителей из рода думбули. Любопытно привести рассказ 'Абдаррахима Зарраби об эмире Хаджи-хане б. эмире Вади-хане (Шараф-хан Бидлис и называет его Хаджи-беком): "После смерти отца он добился независимости (автор относит правление Хаджи-хана к первой половине XV в.)... Султанов Рума, что послужили причиной запустения тех горных районов, он ни на час не оставлял в покое и под конец их всех уничтожил (?), а с государством Ирана заключил союз и ... положил начало определению границы между Ираном и Турцией. Верный слуга эмира Хаджи-хана насыпал себе в сапоги иранской земли, заехал на несколько стоянок на территорию Турции, ... высыпал землю и поклонялся, что стоит на иранской земле. Там и определили ирано-турецкую границу. И после того между двумя государствами водворился мир..." Кроме имени эмира все в этом рассказе является вымыслом автора. Согласно "Шараф-наме", на которое 'Абдаррахим Зарраби ссылается, Хаджи-бек (Хаджи-ханом он не мог именоваться, поскольку эмиры племени думбули только при шахе 'Аббасе I получили ханское звание, до этого они довольствовались титулом бека) жил при шахе Тахмасбе (1524-1576) и никакого участия в определении границы между Ираном и Турцией принимать не мог, т.к. турецко-иранское разграничение имело место гораздо позднее.

Назар б. Султан 'Али, возгласивший согласно "Шараф-наме" имя думбули во второй половине XVI в., превратился у 'Абдаррахима Зарраби (со "ссылкой" на Шараф-хана) в эмира Назар 'Али-хана жившего в 832/1428-29 - 872/1467-68 гг.

Последующие пять думбулийских эмиров, чье правление по "Тарих-и Кашан" приходится на конец XV-XVI вв., в "Шараф-наме" не упоминаются. Шараф-хан приводит другие имена. И можно с уверенностью утверждать, что из двух этих авторов далек от истины 'Абдаррахим Зарраби. Например, известный думбулийский эмир Сулейман-хан (Садман-хан или Слеман-хан), имя которого встречается в списке эмиров 1628 г. в "Тарих-и 'Адамара-йи 'Аббаси" Искандар-бека Мунши, согласно "Тарих-и Кашан" правил в 913/1507-08 -

995/1586-87 гг. и превратился в героя Чалдыранской битвы 1514 г., закончившейся по словам автора разгромом турок (?).

Однако по мере приближения автора к событиям своего времени степень достоверности его сведений, по-видимому, возрастает, хотя они нуждаются в уточнении и проверке по другим сочинениям. Любопытно сообщение 'Абдаррахима Зарраби о враждебной позиции глав племени думбули в отношении Надира и курде Карим-хана Зенда. Курдские князья Арделана и думбулийские эмиры выступили против Зендов и оказали деятельную поддержку Каджарам в их борьбе за престол. Автор воячески подчеркивает эту помощь и выражает самые верноподданнические чувства к каджарским государям (стр. 364-365). Заверения 'Абдаррахима в верности думбулийцев Каджарам в какой-то степени вызваны, по-видимому, переходом в начале XIX в. на службу русскому царю представителя думбулийской династии Джа'фар-Кули-хана Думбули.

Интерес для исследователя представляют сведения 'Абдаррахима Зарраби о кашанской ветви думбулийских эмиров, поименованной Зарраби-Думбули. Такое название закрепилось за ними, по словам автора, в начале XVII в. Думбулийский эмир Гийас-бек б. 'Али-хан, возглавлявший сефевидское войско при шахе 'Аббасе II, в 1085/1674-75 г. отстранился от должности сардара и получил от шаха на правах тимула несколько деревень и монетный двор (зарраб-хане) в Кашане. "Его слабые потомки" и были названы населением Кашана племенем зарраби.

'Абдаррахим перечисляет представителей семейства Зарраби, начиная с правнука эмира Гийас-бека - Ака Мухаммеда. Весьма любопытна ветвь кашанских думбули, которую составляют потомки четвертого сына Ака Мухаммеда - Мухаммад-шаха. Начиная с Фатх 'Али-хана (поэтический псевдоним Саба - "Юность") им принадлежало почетное звание Царя-поэтов и должность придворного одописца. Фатх 'Али-хан находился при дворе в царствование Ага Мухаммад-шаха (1779-1797) и Фатх 'Али-шаха (1797-1834) и был по словам 'Абдаррахмана Зарраби самым влиятельным человеком в свое время. Он написал и преподнес шахам более 300 тысяч бейтов. Царями поэтов именовались сын Фатх 'Али-хана Мухаммад Хусайн-хан (поэтический псевдоним 'Андалиб - "Соловей") и его сын Мирза Махмуд-хан, современник автора.

Историю эмиров Зарраби-Думбули любопытно проследить в сравнении с историей других курдских династий. Большая часть курдских княжеств в Иране и Турции к середине XIX в. утратила свою самостоятельность, а потомки некогда могущественных правителей зачастую ввели подушное существование. Семейство Зарраби-Думбули смогло сохранить влияние и близость ко двору.

Таким образом, очерк 'Абдаррахима Зарраби содержит и легенды, и грубые искажения, и оригинальные сведения о кашанской ветви племени думбули, которых нет в других сочинениях. При том небольшом числе источников, которыми располагает исследователь истории курдов, труд 'Абдаррахима Зарраби тоже заслуживает внимания и изучения.

1) Сочинение издано дважды в Тегеране под названием "Тарих-и Кашан" (История Кашана).
تاریخ کاشان تألیف عبد الرحیم کلانتر
ضرابی (سهیل کاشانی) بانضمام یادداشتهای ... بکوشش
ایرج افشار ، چاپ دوم ، تهران ۱۳۴۱

О нем см.: C.A.Storey, Persian literature. L. 1935, p.350;
Ch.Rieu, Supplement to the Catalogue of the Persian manuscripts
in the British Museum. L. 1895, p. 67, 68.

2) Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси, Шараф-наме. Том I. Пер., пред. и прим. Е.И.Васильевой. М. 1967, стр. 406; руж. Национальной библиотеки Пархва "Тарих-и Бани-Ардакан", л. 46.

Я.Б.Грунтфест

СТРУКТУРА МАИНСКИХ ПОСВЯТИТЕЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ

Важность анализа формуляра вжноарабских надписей для их реального и грамматического понимания уже давно общепризнана. Однако, до настоящего времени внимание обращалось преимущественно на частные формулы. С точки зрения общей структуры текста исследовались лишь сабейские посвятельные надписи. Формуляру полученных результаты, М.Хефнер в Handbuch der Orientalistik (Bd. III, 1954, 321-2) выделяет для посвятельных надписей

следующие четыре раздела: 1. собственно посвящение; характерный элемент - глагол *hqdū* (*sqdū*) "посвящать", 2. мотивировка посвящения, составляющая сферу прошлого (*Vorgeschichte*) к первому разделу; основной вводящий элемент - *hmdm/bqdt* "в благодарность за то, что", 3. пожелание (*Wunschformel*) - сфера будущего: вводящий элемент *w-l* "и чтобы", 4. финальная инвокация по формуле *b- ...* "во имя ..."

Эта схема рассматривается М.Хефнер как универсальная для всех южноарабских посвятительных текстов. Между тем майнские посвятительные надписи не вполне соответствуют описанному формуляру. Хотя численно они значительно уступают сабейским, количество их все же достаточно велико и их структурные особенности четко прослеживаются на достаточном текстовом материале. Эти обстоятельства требуют выделения майнских посвятительных надписей в особую группу.

Наиболее существенным отличием майнского посвятительного формуляра от сабейского является полное отсутствие пожелательно-го (точнее - целевого) раздела. Начальный и заключительный разделы в сабейских и майнских текстах в общих чертах идентичны. Раздел, соответствующий сабейской мотивировке, в большинстве майнских посвятительных надписей представлен, но имеет несколько иное строение и содержание.

Основная часть майнской посвятительной надписи заключает, таким образом, три раздела:

1. посвящение,
2. описательно-мотивировочная часть,
3. финальная инвокация.

Далее надпись может сопровождаться еще двумя разделами, не относящимися к собственно посвятительному формуляру и встречающимися в текстах самого различного содержания: передачей надписи под покровительство божества и датировкой.

Посвящение в майнских надписях строится по тому же грамматическому типу, что и в сабейских, и включает имя посвятителя - подлежащее, глагол - сказуемое и два прямых объекта - предмет посвящения и его адресата. Основной глагол посвящения - *śl*. В некоторых текстах он сопровождается также глаголом *sqdū*, представляющим майнскую диалектную параллель к сабейскому *hqdū*,

введенную в маниский формуляр, по всей видимости, под влиянием сабейских текстов (ср. A.F.L. Beeston, Grammar, p. 10).

Объектом посвящения в маниских текстах почти всегда являются строительные сооружения. Вследствие этого в ряде надписей в посвящение проникли строительные глаголы: RES 2774 $\acute{\text{a}}\text{l}'/\text{wbny}/\text{/wsqdu}$ "посвятил и построил и посвятил", RES 2980 $\acute{\text{a}}\text{l}'/\text{wbny}/\text{/wabd\acute{a}}$ "посвятил и построил и обновил" и т.д.

Посвятительный раздел иногда осложняется дополнительной частной формулой, указывающей на материальный источник посвящения, например RES 2771 $\text{bfr}'/\text{fr}'\text{s}/\text{w}'\acute{\text{a}}\text{r}'/\acute{\text{a}}\text{r}'\text{g}$ "с помощью налога, который он собрал, и десятины, которую он выискал".

Вторая часть маниской посвятительной надписи грамматически строится в виде цепи синтагм на уровне предложений, вводимых оборотом (w) uwm "(и) когда". В этот раздел могут включаться сообщения двух типов: описание ритуальных действий и упоминание о каких-либо важных событиях в жизни жертвователя (отправление общественной должности, благополучное завершение путешествия, возведение сооружений и т.п.).

Нейтральный характер вводящего элемента uwm "когда" несколько затрудняет установление характера связи между событиями, описанными во втором разделе и в посвящении. Сам по себе uwm представляет имя, транспонированное в союз с относительно широким временным значением ("день" > "в день того-то" > "когда"), uwm выражает лишь одновременность или последовательность действий и лишен причинного или какого-либо другого подчинительного значения. Однако, специфика содержания посвятительных надписей и соотношение смысла отдельных их разделов приводят к заключению, что в этих текстах uwm не контексту следует воспринимать иначе. В том случае, если uwm во втором разделе вводит описание ритуальных действий, речь по всей видимости идет об обрядах, сопровождавших церемонии посвящения объекта божеству. uwm при этом выражает одновременность с оттенком образа действия. Если же речь идет о событиях из жизни жертвователя, то хотя это непосредственно и не высказано — они скорее всего являлись причиной посвящения. Тогда uwm соответствует сфере прошлого и подучает причинный оттенок.

Соответственно, второй раздел, если он содержит оба вида uwm , имеет смешанное значение и двойную временную сферу. Та-

кие разделы находим в надписях RES 2774, 2929, 2952, 2962, 3535. В ряде надписей, однако, *uwā* вводит только ритуальный раздел (RES 2778, 2789, 2975, 3401) или реальный (RES 3012). Некоторые надписи вообще не имеют описательно-мотивировочного раздела (RES 2973, 2976, 3327 и др.).

Клятва встречается в большинстве майнских посвятельных надписей и не отличается от соответствующих себейских формул. Постановка под защиту (*wrtd* ...) и детировка (*bywāh* ...) также обычны для южноаравских текстов в целом.

Приводим основную схему одной из крупнейших майнских посвятельных надписей.

RES 2774, Ma'in.

I. Посвящение.

*'lmm/bn/'mkrb/dhd'r/ ... śl'/wbhy/wsqny/'ttr/dqbdm/wwdm/
/wnkrhm/kl/t'ly/wtzwr/sdt/shfm/wsdtt/mhfat/bgn'/hgrn/qrnw/..*

Алман сын 'Амкароба из рода Хаг'ар ... посвятил и построил и посвятил 'Астару зу-Кабду и Вадду и Накраду все галлерей и упоры шести валов и шести башен в стене города Карнеу ...

Источник посвящения:

bkbwdt /duns/'ttr/dqbd/wbfr'hy/fr'/k'l'ltn/wbd/m'd/bn/ydhs
посредством податей (сбор которых) возложил на него 'Астар зу-Кабд, и налогов, которые он собрал для богов, и того, что он внес от себя.

II. Описание ритуала.

ywm/whb [/mt'] y/wd/wdbh/'ttr/dqbd /wwd/'dbhm /b'hdrn/'h/
поднеся Вадду воскурения и принеся 'Астару зу-Кабду и Вадду пятнадцать жертв в притворе

quasi - мотивировка:

*wywm/stb/'byd' /yt' /mlk/m'n/wmswd/m'n/bn/mšwd/mm' n/k' lmm/
/t'mn/wšr' / ...*

и когда поручил 'Абйеда' Йесе' царь Ма'ина и Совет Ма'ина по решению Высокого Совета 'Алману управление и взимание (податей) ...

Н. Финальная инвокация.

ʔ'ḫṯr/ʔḫqd/wb/ ...

Во имя 'Астара Шеркана и во имя ...

IV. Постановка под защиту.

wṛḫd / ...

И он поручил защите ...

Выше отмечалось, что полный набор формул имеют не все тексты. В противоположность этому, встречается также надпись в усложненной структуре; развитым текстом источника посвящения (RES 2778, 2980) или большим набором ритуальных и реальных разделов, перемежавшихся друг с другом (RES 2771, 2975).

Особо выделяется небольшая группа текстов из Мединет Харам, содержащая посвящение лиц богу Матабнатейну (RES 2742, 2743, 2745, 2749; ср. Höfner , Sabaeica II, S. 32). Эти тексты включают особый мотивировочный раздел, в котором инициатива посвящения возводится к божеству или обоженственному лицу. Вводящим элементом этого раздела служит ḫr'z "по повелению". Пример:

RES 2745.

I. Посвящение.

ḫḏkr' l/bn/bḫwd/ 'b/m' dn/d'hl/ 'kwy/ḫl' /mtbntyn/h' dn

Изкур'на сми Хухвадда, отец Ма'дана из рода 'Аквей посвятил Матабнатейну Ха'адана

II. Мотивировка.

ḫr'z/yd'smh

по повелению Иада'самаха

III. Финальная инвокация.

wb/mtbntyn/wb/wd

и во имя Матабнатейна и во имя Вадда

IV. Датировка.

bywm/ydḫḏalk/wb'ḫṯr

во дни Измурмалика и Би'астара.

Аналогичный формуляр имеет сабейские надписи из той же области CIN 510, 513, 514, 515, 516. Ср. также RES 2740, 2924.

То обстоятельство, что тексты с формулой ḫr'z на сабейском и маниском диалектах встречаются почти исключительно на территории Мединет Харам, подтверждает заключение Бистона об особом

языковым характере этой местности (Граммат., стр. 8-9). К этому следует добавить, что в определенный период времени в районе Харема был в употреблении и своеобразный эпиграфический стиль.

В целом маньчжурский посвященный формуляр по уровню своего развития соответствует относительно ранним сабейским формам.

М.И.Демидова

ДУНЬХУАНСКИЕ СВИТКИ ТИБЕТСКОГО ПЕРИОДА (80-е гг. УИ в. - 40-е гг. IX в.)

В дуньхуанских коллекциях Китая, Англии, Франции, СССР, Японии и Индии хранится более тысячи рукописей периода тибетского правления в Дуньхуане. Это книги на китайском и тибетском языках, имеющие форму свитка, книги-листа, "потхи", "гармоники" и тетради. Содержание книг разнообразно. Нам интересуют китайские книги-свитки с текстами буддийских произведений.

Дуньхуанский фонд Института востоковедения АН СССР содержит свыше трехсот китайских свитков 80-х гг. УИ в. - 40-х гг. IX в., которые описаны в печатном и карточном каталогах собрания. Большинство из них - рукописи переводных буддийских произведений и комментариев на тексты Трипитаки.

Из сравнения свитков нашей коллекции с аналогичными материалами из других дуньхуанских собраний мы получаем представление о внешнем виде свитка того времени, об особенностях датировки и указания места переписки рукописи, о центрах книгописания и лицах, принимавших тогда участие в переписке и проверке списков буддийских произведений.

Характерной особенностью свитков тибетского периода является то, что их тексты написаны деревянным или тростниковым пером и графически отличаются иероглифами с жесткими переходами к линиям разных направлений. Отобрав по этому признаку свитки из нашей коллекции, мы смогли сопоставить их данные, важные для палеографического исследования рукописей. Так бумага основных типов плотная желтая, коричневая и серая толщиной 0,08 - 0,14 мм.

с сеткой 4-5 линий на см. Эти сорта бумаги указаны в статье Л.Н.Меньшикова "О датировке рукописей из Дуньхуана". Для тибетского периода на материале других дуньхуанских коллекций те же данные отмечают Л.Джайлз, Фудзэда Акира и Чэнь Цзи-синь.

Многие из полностью сохранившихся свитков изучаемого периода состоят из большого количества листов. Протяженность их бумажной ленты нередко достигает 8-12 м. Листы свитков не имеют стандартного размера. Линии графления на рукописях тонкие либо несколько грубоватые. Почерк кэй, крупный и мелкий. Иногда знаки, написанные деревянным пером, обведены дважды для имитации под кисть. Для письма употребляется черная тушь. Исправления в тексте книг сделаны, главным образом, красной или коричневой тушью.

Обложкой служит первый лист рассматриваемых рукописей, сделанный из более плотной желтой или серой бумаги. Образцы обложек изучаемых свитков нередко снабжены цветной тесьмой для завязывания свернутого свитка. Тесьма приклеена к лучинке, вклеенной в левый край обложки, которая не только предохраняла книгу от порчи, но и выполняла информационную функцию. На обложке указывали титр произведения и номер его цзяни (свитка). Строка внешнего титра, идущая сверху вниз, помещалась в верхнем левом углу обложки. Несколько ниже записывали номер связки, в которую входил данный свиток. Это была библиотечная помета, фиксировавшая номер единицы хранения книг, которой являлась 袂 "чи" - связка или комплект свитков.

На некоторых обложках в их нижней части есть пометы, состоящие из одного или двух знаков. В пометах представлены сокращенные названия буддийских монастырей в Дуньхуане. Расшифровка таких помет на дуньхуанских рукописях дана в работах Л.Джайлза, Ябуки Кэйки, Фудзэда Акиры и Чэнь Цзи-луна. В них указаны пометы: 蓮 "дянь" - "Монастырь Ляньтай", 土 "ту", - "Монастырь Цзинту", 界 "цзе" - "Монастырь Саньцзе", 恩 "энь" - "Монастырь Баоэнь", 脩 "сю" - "Монастырь Линсю" и т.д.

В нашей коллекции зарегистрировано более тридцати свитков с пометами буддийских монастырей, которые в тибетский период имели крупные библиотеки.

Помимо кратких помет, на свитках того времени ставили печати. Это печати книгохранилищ монастырей Саньцзе, Цзинту, Ляньтай и Баоэнь. Изучению названных печатей много внимания уделили Чэнь Цзи-лун, Фудзэда Акира и Л.И.Чугуевский. Фудзэда Акира

в работе "Дуньхуанские рукописи" отметил, что палеографические данные свитков с печатями библиотек монастырей Баоэнь, Цзинту и Саньцзе дают основание полагать, что рукописи были переписаны в IX в. В дополнение к перечню у Чэнь Цзю-дуне и Фудзиэды Акиры, Л.И.Чугуевский в нашей коллекции выделял группу рукописей с печатью книгохранилища монастыря Ляньтай. Можно установить, что печати черной тушью на рукописях тибетского периода ("Книгохранилище монастыря Саньцзе", "Печать книгохранилища монастыря Цзинту" и "Книгохранилище монастыря Ляньтай") ставились одновременно с окончанием переписки рукописей, т.к. консистенция туши их оттисков совпадает с консистенцией туши знаков текста и подписи переписчика. Стоят они в конце свитка около подписи переписчика или конечного титра и на обложке, удостоверяя место переписки текста. Это значит, что переписка рукописей в то время выполнялась в самих монастырских библиотеках.

"Печать книгохранилища монастыря Баоэнь" ставилась на рукописях тибетского периода красной тушью. В тех книгах, где одновременно стоят печати монастыря Саньцзе и монастыря Баоэнь или печати монастыря Цзинту и монастыря Баоэнь, оттиски красной печати книгохранилища монастыря Баоэнь видны на стыке внутренней стороны обложки и первого листа текста, а также на последних строках прозаического или на конечном титре. Вероятнее всего, данная печать появилась позднее печатей книгохранилищ монастырей Саньцзе и Цзинту, после передачи рукописей в обитель Баоэнь. Скриптории буддийских монастырей Дуньхуана определяются, таким образом, как центры не только переписки, но и распространения рукописей.

Книги, переписанные в этих скрипториях, имеют колофоны. Некоторые из них датированы знаками китайского календарного цикла (60-летнего или двенадцатиричного).

Колофоны ряда свитков того времени позволяют выяснить круг лиц, занятых перепиской и правкой текстов в скрипториях Дуньхуана. Записи переписчика в конце рукописи очень кратки, часто ограничиваются лишь подписью. Последняя сопровождается пометой правщика текста, обычно сделанной красной тушью. Рукописи дуньхуанских коллекций сохранили более двухсот имен китайских писцов и правщиков текста, работавших в 80-е гг. Уш в. - 40-е гг. IX в. В свитках нашей коллекции можно видеть следующие имена перепис-

чиков и корректоров: 王文宗 Ван Вань-цзун (Ф-190), 翟文才 Ди Вань-цэй (Ф-13), 李曙 Ли Шу и 談藝 Тань-и (Ф-146), 呂日樂 Ли Ян-синь (Дх-1577), 正因 Чжэнь-инь (Дх-661), 索閣 Со-кунь (Дх-505), 僧善誠 Сэн Шань-чэн (Ф-41), 虛寂 Сюй-цзи (Ф-159), 法達 Фа-да (Ф-3), 曹日新 Цао Жи-синь и 法緣 Фа-уань (Ф-244), 張要 Чжан Яо (Дх-2104).

Названные выше имена встречаются в рукописях тибетского периода, хранящихся в дунхуанских коллекциях Китая, Англии и Франции, исключая Сэн Шань-чэна, Тань-и, Фа-да и Цао Жи-синя.

Переписанные и откорректированные указанными лицами рукописи представлены в нашем собрании текстами двух буддийских произведений: "大般若波羅蜜多經" "Да бохо боломидо цзин" и "大乘無量壽經" "Да чэн у лян шюу цзин".

Таким образом, по свиткам тибетского периода можно установить места переписки книг и имена лиц, работавших над этими рукописями, а также круг (очень узкий) переписываемых текстов.

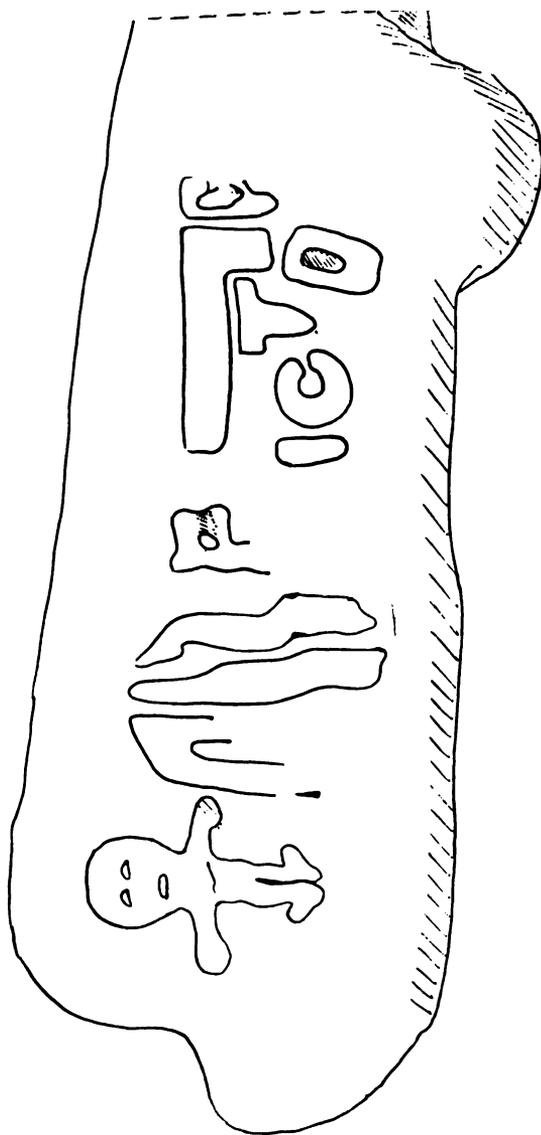
И.М. Дунаевская

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ РАЙОНА НАХИЧЕВАНИ (предварительное сообщение)

Летом 1971 г. Адмиса Ножиров обнаружил в районе Нахичевани надпись на большой каменной глыбе (см. прорисовку автора).

Еще не сделаны ни эстампы надписи, ни ее фотографии в различных ракурсах с указанием масштаба. Не имеющейся любительской фотографии, любезно предоставленной нам А.Ножировым, достаточно, чтобы сказать, что из всех известных эпиграфических письменностей надпись более всего напоминает хеттскую иероглифику.

В пользу такого оближения говорит сочетание нескольких признаков: 1) нанесение надписи на грубо обработанную поверхность очень крупного камня (приблизительные размеры камня, судя по траве, которая видна на фотографии, не меньше 1 м. в длину и полуметра в ширину и в толщину); 2) очень большие размеры знаков, а, главное, их выпуклая форма

Иероглифическая надпись из района Нахчевани (прорисовка)

м а ; 3) конфигурация отдельных знаков; 4) наличие знака [C], не встречающегося ни в одной письменности, кроме хеттской иероглифической, где он образует лигатуры с другими знаками, но чаще выступает как словоразделитель.

Сегодня мы еще не можем предложить чтения публикуемой надписи, т.к. возникают трудности при попытке отождествления отдельных знаков с конкретными хеттскими иероглифами - здесь могут сказываться территориальная разобщенность и отдаление во времени, не говоря о том, что пока нет оснований для суждения о языке нахичеванской надписи - им совершенно не обязательно должен быть лувийский, на котором написаны так называемые хеттские иероглифические надписи I тыс. до н.э.: термин "хеттская иероглифика" и вообще и в данном случае подразумевает рисуночную словеснослововую письменность Малой Азии и северной Сирии II и I тыс. до н.э., не определяя ее языка.

Одной надписи для дешифровки и для интерпретации мало. Однако, по сообщению А.Шюкюрова, на месте находки данной надписи имеются и другие надписи того же типа. Это вселяет надежду на то, что со временем все они смогут быть прочитаны. И чем больше их окажется, тем значительнее будут шансы в них разобраться.

Если подтвердится, что письменность Нахичеванской надписи действительно является хеттской иероглифической, то это окажется особенно интересным, так как памятники такого рода на территории СССР еще не обнаруживались и самый факт находки позволил бы сделать выводы, очень важные для истории и истории культуры хеттов и сопредельных с ними древних народов Кавказа.

С.Г.Кляшторный

РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ХЕМЧИКБООМА

Вторая терраса в устье р. Хемчик, на его левом берегу, омываемая с востока Енисеем, с севера и северо-запада прикрыта высокими скалами Хемчикбоома (тувинское боом "обрыв горного хребта над рекой", см. А.А.Пальмбах. Тувино-русский словарь. М., 1955. стр. 103). На террасе, под самыми скалами, расположен

большой курганный могильник кыргызского времени (IX-XII вв.). Было естественно предположить здесь наличие кыргызской петроглифики и поиски ее увенчались успехом. На скальных выходах над могильником были найдены кыргызские тамги, среди которых обнаружился и первая руническая надпись (ХБ I): слово qut "дух, душа; счастье, благодать, религиозное воздаяние" (подробнее см.: A. Bombaci. Qutluǰ bolǰun ! A contribution to the history of the concept of "fortune" among the Turks -UAI, vol. 36, 1965, pp. 284-291; vol. 38, 1966, pp. 13-43).

Недалеке от курганов, почти на самом берегу Енисея, внутри квадратной каменной оградки (I x I м), ориентированной сторонами по странам света, лежал другой памятник - сложенная стела. Оградка была раскопана, но ожидаемых следов золы, костей барана или какого-либо инвентаря обнаружено не было. Стела оказалась расколотой на два куска; впрочем был еще и третий фрагмент, что видно по характеру скола в верхней части стелы, но обнаружить его не удалось. Общая длина сохранившихся кусков стелы 0,9 м., ширина 0,5 - 0,35 м., толщина 0,1 м. На одной из лицевых поверхностей стелы имеется трехстрочная руническая надпись из девятиста сохранившихся знаков, а на одной из боковых граней нанесено еще три знака (ХБ II). Хотя часть знаков на лицевой поверхности разрушена, сохранность надписи, выполненной обычной для енисейки дуктой, удовлетворительна. Между начальными частями первой и второй строки прочерчена тамга. По своему хабиту она совпадает с тремя из пяти тамг на скале, близ ХБ I, и, по классификации Л.Р. Кызласова, относится к шестой группе древнекыргызских тамг Тувы. Этот тип тамги характерен для Чаахольской группы памятников и позволяет датировать надпись второй половиной IX - X вв.

Тамга:

Текст: (1) b^äg ä1/č1/ aš ara äg kiš1 bškm^äd¹m

oγ1^γm^γä b^äg¹mkä bškm^äd/im/ ...

(2) ...y j^äg¹mi j^äg^γmda ünfüld¹m ä1¹mkä

bšk/mädim/ ...

(3) q^äd^äš^ä š^är... (I знак) m bškm^äd¹m š^äkä a..r..m

(adyrlydum?) .. š^ärti...

Надпись на боковой грани: uq^ä1t

Перевод: (1) /Я/ Бег Эльчи. Среди (своих) друзей я не насла-
дился мужами-героями и женами, я не наследился моими детьми и
моими бегами...

(2) В свои двадцать лет я был проколот /копьем/ насквозь. Я не
наследился своим элем...

(3) Я не наслаждался своими родичами, своими мужами-героями.
Со своими старшими сестрами (тетками?) я расстался... был...
Надпись на боковой грани: Вразумляй /этим/!

Замечания: в I-ой и 3-й строках не всегда оформлен датель-
ный падеж, которым управляют глаголы $\text{b}\delta\text{k}=\text{}$ и $\text{a}\text{d}\text{u}\text{g}\text{y}\text{l}=\text{}$, что,
впрочем, отмечено и в некоторых других памятниках (И.А.Бетма-
нов. Язык ошесейских памятников древнетюркской письменности.
Фрунзе, 1959, стр. 106). Глагол $\text{b}\delta\text{b}\text{l}$ "пробивать отверстие,
протыкать, сверлить" (Махмуд Кашгарский, I, 174; III, 395) в руни-
ческой письменности зарегистрирован впервые. Впервые встречается
и имя героя надписи - Бег Эльчи.

Вблизи каменной оградки был найден фрагмент стелы с трех-
строчной рунической надписью (ХБ III), который, однако, не совме-
щался с ХБ II и не является его частью.

Текст: (1) ...l $\text{a}\text{d}\text{y}\text{r}\text{y}\text{l}\text{d}\text{y}\text{m}$ $\text{b}\delta\text{k}\text{m}\text{a}\text{i}\text{m}$...

(2) ... aim ...

(3) ... /q/ $\text{un}\delta^{\text{u}}\text{j}\text{m}\text{q}\text{a}$ $\text{a}\text{d}\text{y}\text{r}\text{y}\text{l}\text{d}\text{y}\text{m}$...

Перевод: (1) ... я расстался, не насладился...

(2) ... с моими сотоварищами...

(3) ... с моими князьями я расстался...

Изучение Хемчикбоомского петроглифо-эпиграфического комп-
лекса, осуществляемое параллельно раскопкам курганного могиль-
ника, только начато. Однако, оно представляется весьма перспек-
тивным как для проблем датировки объектов кыргызского времени,
в том числе и рунических памятников, так и для истории древней
культуры Тувы.

ТРУД МУХАММАД-КАЗИМА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ДАГЕСТАНА

В настоящее время работами ряда востоковедов (В. В. Бартольд, Л. Локхарт, П. П. Иванов, Н. Д. Миклухо-Маклай, И. П. Петрушевский и др.) со всей очевидностью установлено, что Наме-йи 'Аламара-йи Надири, трехтомное сочинение мервского вазира Мухаммад-Казима является ценным источником по изучению многих стран и районов Среднего Востока первой половины XVIII в. (Иран, Ирак, Закавказье, Средняя Азия, Афганистан, Индия). Однако значение этого труда как источника по истории Дагестана почти еще не выяснено. Все, что мы знаем об этом, пока сводится к сравнительно немногим сведениям о Дагестане, заимствованным из труда Мухаммад-Казима, которые приводятся в работах общего характера (монография о Надир-шахе Л. Локхарта и известные "Очерки" И. П. Петрушевского об Азербайджане и Армении).

Между тем, труд Мухаммад-Казима содержит богатый и разнообразный материал, позволяющий осветить ряд сторон жизни Дагестана первой половины XVIII в. Настоящая заметка имеет целью дать краткий обзор этого материала.

В первом томе мы находим сведения о Дагестане в четырех главах. В них освещаются следующие события: захват власти в Ширване дагестанскими феодалами во главе с Хаджи-Даудом и Сурхаем (Т. I, л. 33 а), первый и второй походы Надира в Дагестан, борьба народов Дагестана с войсками Надира, 1734-36 гг. (Т. I, лл. 279 а - 279 б, 280 а - 286 б).

Во втором томе Дагестану посвящено двенадцать глав. В них рассказывается о следующих событиях: поход Ибрахим-хана (брата Надир-шаха) на Дагестан, разгром его войска дагестанцами, гибель Ибрахим-хана в 1736 г. (Т. II, лл. 169а-178б, Т. II, л. 290б, 294а-301б, 301б-304б), военные действия Надира и его военачальников против Дагестана, ожесточенное сопротивление народов Дагестана завоевателям в 1741-1743 гг., неспособность войск Надира подчинить Дагестан и т. д. (лл. 301б-304б, 304б-309б, 309б-312б, 315б-317б).

Сведения о Дагестане в третьем томе ограничиваются всего тремя главами; в них рассказывается еще об одном походе Надира против восставших дагестанцев и о борьбе дагестанцев в союзе с самозванцем, известным под именем Сам-мирза II, против Надир-шаха (лл. II4а, I28б-132б).

Как можно видеть по приведенным здесь данным, наибольшее количество сведений о Дагестане приходится на первые два тома труда Мухаммад-Казима. Обстоятельство это очень важное, поскольку первый и второй тома (как было установлено Н.Д.Минухо-Маклаем) в отличие от третьего тома были написаны Мухаммад-Казимом вполне самостоятельно, без использования "Тарих-и Надир", знаменитого труда официального историка Надир-шаха Махди-хана Астарабата. Следовательно, сведения о Дагестане, приводимые в этих томах, приобретают значение первоисточника. Конечно, не все сведения, сообщаемые Мухаммад-Казимом о Дагестане и дагестанцах, одинаково важны и точны. Однако, оценивая в целом рассказы автора о событиях, связанных с Дагестаном, нельзя не заметить, что они содержат большое число фактов и деталей, имеющих первостепенное значение для характеристики Дагестана первой половины XVIII в.

Это прежде всего следует сказать о приводимых Мухаммад-Казимом фактах, показывающих (конечно, вопреки воле самого автора) с большой выразительностью борьбу дагестанских народов против Надира и бессилие Надира в этой борьбе. Все, что мы знаем о жизни Мухаммад-Казима, свидетельствует, что он писал свой труд в Мерве, т.е. в районе очень далеком от Дагестана. Естественно, возникает вопрос, откуда у Мухаммад-Казима могли взяться столь подробные сведения о Дагестане и в какой мере можно доверять этим сведениям? О многих событиях, связанных с Дагестаном, о которых сообщается во втором томе, Мухаммад-Казим писал по своим личным воспоминаниям. Известно, что он был участником похода Ибрахим-хана на Дагестан, на первом этапе этого похода. Однако подавляющее большинство сведений о Дагестане, приводимых Мухаммад-Казимом, он никак не мог почерпнуть из своих личных наблюдений, поскольку его пребывание в Дагестане было лишь эпизодом в его жизни и то очень кратковременным. Источники этих сведений нам пока не вполне ясны, так как Мухаммад-Казим обычно не указывает, откуда он заимствует тот или иной материал. Все же

некоторые соображения на этот счет высказать можно. Так, автор, повествуя о тех или других событиях, ссылается на рассказчиков (рави) или доверенных лиц (Т.І, л.366, т.ІІ, л.3196, т.ІІІ, л.1286). Кроме того, Мухаммад-Казим в ряде случаев довольно подробно сообщает о содержании некоторых документов (Т.ІІ, л.3216). Это позволяет заключить, что Мухаммад-Казим при написании глав, посвященных Дагестану, использовал устную информацию участников событий, а также имел в своем распоряжении некоторые официальные документы. Первому обстоятельству удивляться не приходится, поскольку хорасанские войска Надира принимали активное участие в борьбе с дагестанцами. Следовательно, Мухаммад-Казим имел полную возможность встречаться со многими участниками войн в Дагестане.

Все сказанное позволяет охарактеризовать труд Мухаммад-Казима, как ценный источник по истории Дагестана первой половины ХУІІІ в.

Примечание: нумерация листов дается по факсимильному изданию: Мухаммад-Казим, "Наме-йи Аламар-йи Надири". Издание текста, предисловие и общая редакция Н.Д.Миклухо-Маклая. Т.І-ІІІ, М., 1960-1966.

А.М.Куликова

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О ПЕРВОМ ЯПОНЦЕ В РОССИИ

Один из спорных вопросов истории отечественного востоковедения ХУІІІ века заключается в том, какую дату считать началом организации преподавания японского языка в России. Решение этого вопроса, в свою очередь, связано с выяснением судьбы первого японца, попавшего в пределы русского государства в самом конце ХУІІІ века.

В литературе имеются сведения, что в 1697-1698 годах на побережье Камчатки в результате кораблекрушения попал японец по имени Денбей. В декабре 1701 года он был привезен в Москву, представлен Петру І, и с 20 января 1702 года ему было установлено государственное содержание (по 5 копеек в день). В апреле того же года Денбей был приписан к Артиллерийскому приказу для обучения русскому языку и для использования его впоследствии в качестве преподавателя японского языка.

Эти данные, повторяющиеся в ряде работ, восходят к статьям П.Иванова (Распоряжения Петра Великого об обучении в России японскому языку - "Вестник Имп. Русского Географического общества", 1853, ч.УИ, отд.УИ, стр. 4-5), А.Сгибнева (Об обучении в России японскому языку - "Морской сборник", т.ХСІХ, 1868, № 12, отд. /Ц/, стр. 55-61) и Н.Н.Оглоблина (Первый японец в России 1701-1705 - "Русская старина", т.72, 1891, окт.-дек., стр.11-24). В названных статьях впервые было приведено содержание петровских указов по рассматриваемой теме. Однако ссылки на источники или отсутствуют или устарели настолько, что не позволяют проверить достоверность фактов. Место нахождения подлинников рескриптов о японце Денбее до последнего времени не известно. В 1904 году историк русского востоковедения В.В.Бартольд, имея в виду отсутствие источников, писал, что в его распоряжении нет "никаких данных ни о пребывании Денбея в Москве или Петербурге, ни о его преподавательской деятельности" и что не ясно "был ли Денбей вообще привезен в Европейскую Россию" (В.В.Бартольд, Обзор деятельности факультета 1855-1905 - "Материалы для истории факультета восточных языков", т.ІУ, 1909, стр. 3).

В настоящее время в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) нами обнаружен документ, носящий следующее название: "Указ о выдаче жалования иноземцу Денбее" (ЦГАДА, ф.214, оп.5, ед.хр. 756, л.2). Документ датируется /7/ октября 1704 года. В нем говорится, что "по указу великого государя и по помете на выписке думного дьяка Андрея Андреевича Винибса прошлого же году генваря" велено выдавать жалованье присланному в Москву из Якутска "взятому в камчатской земле японского государства иноземцу Денбее по 10 денег на день и тех кормовых денег доведца ему дать на август да на сентябрь месяцы нынешнего году три рубли десять денег".

Это первое архивное свидетельство, доказывающее несомненное существование на государственной службе японца Денбея. По словам рассматриваемого указа, он попал в Россию в районе Камчатки, затем был в Якутске, откуда его доставили в Москву. Его судьбой лично интересовался Петр I. Более того, можно говорить о введении в научный оборот двух не известных ранее указов: приведенного выше и того, что в нем упоминается. Последний указ был издан, как явствует из текста, "прошлого же году генваря", т.е. в

январе 1703 года. (Число, очевидно, 20, что совпадает с датой указа предыдущего года по тому же вопросу о размере содержания Денбей). Если известие о выплате Денбей в 1702 году 5 копеек в день считать верным, то с начала 1703 года размер "кормовых денбей" ему был увеличен в 2 раза. Теперь он составлял 10 копеек в день. Очевидно, это объясняется тем, что Денбей исправно выполнял свои обязательства.

Указы 1701-1705 годов, на которые сослались авторы названных выше статей и те два указа, содержание которых приведено в данном сообщении, доказывают, что Петр I среди равносторонних государственных занятий в течение длительного периода следил за делом о "японском иеземце". Все это наводит на мысль, что Денбей в эти годы получал жалованье за определенные занятия и что впоследствии ему готовилось какое-то специальное назначение. Действительно выучился он русскому языку и стал ли преподавать японский - уточнить это обстоятельство, возможно, помогут дальнейшие розыскания в архивах.

В.В. Кушев

УНИКАЛЬНАЯ АФГАНСКАЯ РУКОПИСЬ ИЗ СОБРАНИЯ
МАТЕНАДАРАНА
(к биографии неизвестного афганского поэта)

При сравнительно небольшом общем количестве сочинений на афганском языке до начала XX века и представляющих их рукописей каждый вновь обнаруженный манускрипт, новое сочинение, ставшее известным науке, - это ослепительный вклад в сокровищницу письменной культуры афганского народа, еще одна страница ее истории.

Почти все рукописи на языке пашто, имеющиеся в Советском Союзе, хранятся в Ленинграде, в рукописном отделе Института востоковедения. Здесь есть несколько редких и уникальных манускриптов, среди которых - список дивана поэта II половины XVIII века 'Абд ар-Рахима Хотака Кандахари. Эта интересная рукопись (стихи Рахима отсутствуют даже в самых богатых в мире коллекциях Афганистана и Великобритании) лишь недавно была введена в научный обиход.

Известны еще две афганские рукописи, находящиеся в нашей стране. Ташкентский диван стихов первого правителя независимого афганского государства, популярного поэта Ахмад-шаха Дурраний ценней художественными достоинствами рукописи и тем, что она была изготовлена при жизни автора, однако сам этот диван широко распространен в списках. Совсем по-иному интересна другая рукопись — два сборника стихов из собрания Матенадарана —, о которой в 1964 году написал видевший ее афганский филолог Абдулла Бахтешай, но за короткое время ознакомления с ней он смог установить лишь имя автора стихов, названия обложки его диванов, входящих в список, и дать ее внешнее описание. Это, возможно, уникальная рукопись произведений поэта, имя которого вообще не было известно исследователям афганской литературы. Рукописный отдел ИВ получил микрофильм рукописи, и более детальное изучение его позволило обнаружить еще ряд фактов, дающих представление об авторе, о лицах, которые его окружали, о событиях, участником и свидетелем которых он был. Не ставя перед собой задачи литературоведческого анализа произведений, мы коснемся только этого материала.

Рукопись открывается персидским предисловием в прозе (лл. 146—18а), в котором автор прославляет бога за то, что тот даровал людям языки тэзи (арабский), дари и афгани и украсил жизнь поэзией, налагает историю составления как афганского собрания стихов, так и следующего за ним персидского куллията. Из слов автора становится известно, каким уважением пользовался в его время писательский труд (он жил, как мы увидим ниже, при первых шагах Дурраний, покровителях искусства и литературы) и несколько требователен был читатель, выясняется, как строго относился автор к своему творчеству, как серьезно изучал поэтическую науку. В предисловии приводится полная форма имени поэта — 'Али-Акбар ибн Касим-хан Оракшай, родом афганец, житель Тираха (Хайбер), здесь же афганский сборник назван "Гушман-и афгани", а персидский куллият озаглавлен "Шах-и шахан" (по первому месневи в честь Баха ад-дина Шах-Накибанды). Предисловие к куллияту (лл. 78б—81б) сообщает, что 'Али-Акбар стал суфием ордена накибандия и его духовным наставником был хваджа Шах-Абд-ар-Рахим по прозвищу Шах-Каман.

Афганский сборник состоит из газелей, касид и рубай, которые не имеют принятого для диванов расположения стихов в алфавитном

порядке рифм. Многие стреницы и части страниц оставлены чистыми, на полях имеются варианты бейтов и поправки такого характера, что их можно приписать автору. Это согласуется со словами в предисловии о том, что поэт оставил написанные в вности стихи на "рассыпанных листах", а потом объединил в сборник (маджмӯ'а), и позволяет предположить, что список является автографом.

Тахаллус поэта - Акбар. Афганский сборник стихов поэта с таким же тахаллусом хранится в Британском музее, а периодский сборник некоего Акбара - в Азиатском обществе Бенгалии. По ряду признаков можно было бы отождествить этих поэтов с 'Али-Акбаром Оракзеєм, но приведенные в каталогах отдельные строки не обнаруживаются в манускрипте из Метенадарана, не совпадают и некоторые другие факты. Не исключено, что это могут быть сборники других стихов поэта.

Сами произведения Акбара являются источником разнообразных сведений о нем. Все восемь касид афганского дивана автобиографичны, а некоторые из них весьма любопытны еще и тем, что в них излагаются, хотя и отрывочно и тенденциозно, современные автору события, характеризуются исторические личности, называются населенные пункты, которые посетил поэт, и другие географические детерминаты.

В первой касиде (лл. 586-596, 20аб, 47аб: перебиты), рассказывающей о судьбе Нәдир-шәха Афшәра и выражающей отношение к нему поэта, содержатся любопытные строки, которые дают возможность определить время рождения Акбара с ошибкой не более 5-6 лет: он сообщает, что родился в годы царствования Нәдир-шәха (1736-1747).

Наиболее интересна самая длинная, восьмая касида (лл. 62а-69б, 149 бейтов). Она посвящена политическим событиям, интригам, сражениям, в которых принимал участие поэт. Он провел несколько лет в Кашмире, когда наместником Ахмед-шәха (1747-1773) там был Нур ад-дин Попалзей (правил там с 1762), общался со многими высокопоставленными лицами и, судя по стихам, именно там изучал поэтику и стал суфием. Вынужденный уехать, он долго стремился обратно и снова попал в Кашмир при содействии принца Султән-Махмұда, второго сына Тимур-шәха (1773-1793), отправившись около 1774 с вооруженным отрядом против мятежного наместника Амир-хәна Джавәншера. Действуя совместно с войском Хәджи Карымдәд-хәна Попалзая, он проявил, по его собственным словам, воинское искусство и доб-

лесть. Амйр-хън в 1190/1776 (дате в стихах) был пленен, заместником в Кашмире стал Хъджи Карймдъд-хън, по свидетельству многих источников, жестокий деспот. Спустя некоторое время, в результате клеветы и интриг против Акбара ему пришлось покинуть Кашмир, долго скитаться и жить в бедности; но после того ему еще довелось в течение восьми месяцев служить у Карймдъд-хъна. Немилость к себе он объясняет промисками врагов и в конце касиды называет заместника "добрым сардаром". Однако третья (л. 29аб, фрагмент) и шестая (51б-53а) по порядку касиды отражают те настроения, которые владела Акбаром в годы изгнания: он говорит о жестокости Карймдъд-хъна, о его несправедливости даже по отношению к друзьям и близким. Во втором из этих стихотворений он рисует картину бедствий, которые обрушились на мир, тирании и притеснений и дает портрет деспота (не называя его по имени), который "принимает облик муллы с неправедными четками в руках, скрывает пороки за голубой чадмой, прячет за пазухой меч, сохраняя святость на челе". Это мог быть и Азъд-хън, сын Карймдъд-хъна, сменивший его на посту заместника и превосходивший отца в жестокости и произволе.

В четвертой по порядку касиде (л. 31б-35б) поэт, находящийся в изгнании, обращаясь к ветру, посылает его в путешествие по родным местам. Здесь любопытны встречающиеся там и оим названия селений, в которых прежде бывал поэт, имена его родных и друзей. Вместе с ветром он мысленно покидает Лакхнау и мимо пунтунов Катхера достигает Сирхинда, где встречается с неким Му'иззаллахом, спешит в Пенджаб и посещает дома друзей, наслаждаясь в их обществе чтением стихов. Переправившись через Джелем, он идет к Ротасу, охотится там на турачей, гуляет в садах Хасен-Абдада, совершает паломничество к гробнице Мйън-Йахйа в Аттоке, посещает Хайрабад и останавливается в Сарее, чтобы встретиться с сардаром Сарафръз-хъном, помолиться на могиле Хъджи-Ахуна, узнать о знакомых. Затем - Наухехра и прогулка по Майре с муллою Са'йдом. Наконец, Тирах, родные поэту места: Шахбад, деревня Минал-Умар и очень дорогой Акбару Дар ал-Амен в Цамкани, где живут "мйън-съахиб", "младший мйън" и Мухаммадй-съахиб (возможно, учителя Акбара). Оттуда тропа вдоль арника ведет домой, и если дома никого нет, то надо спешить в Котли, на дороге в Пенавар, чтобы встретиться со всей родней, отцом, рассказать о себе, обойти все селение, повидать Мир-Хасана, Шех-Меху, Ахмед-джана, Нураддеха.

После Тираха - прямой путь в горный Кохс̄ар , через ущелье Гандааб - в Бара, в деревню Азин к С̄ахис-Му'аззам-ш̄аху, в селения Манзи, Шахот, Манавар, на горы Кунда и Ландука, с вершин которых открывается вид на хребты и долины. Очевидно, что родным селением Акбара было Котли, где жили его родители, а его собственный дом находился в Цамкени.

Седьмая касыда (лл. 57а-58б) рисует привлекательный образ сардара Мурад-х̄ана; может быть речь идет о наместнике в Дооба. Пятая по порядку (48а-49б) - скорбное и очень поэтическое оплакивание Хушхад-х̄ана Хатака, "признанного поэта всех афганцев".

В персидском диване, помимо стихотворений обычных жанров, имеется много юмористических и пародийных стихов и прозаических рассказов-путок (мут̄а'иб̄ат) , среди которых выделяется пародия на историческую хронику (лл. 139б-145б).

В конце рукописи перед черновиками прозаических мут̄а'иб̄ат находятся девятнадцать миниатур. Многие из них иллюстрируют стихи Акбара, на них изображен он сам: то со своим пиром, то во главе войска, с друзьями, танцовщицами. Акбар обозначен подписями с его именем или просто словом "ахбар" (презренный), обычно употребляемым авторами вместо личного местоимения "я"; ясно, что подпись была сделана самим поэтом. На чистых листах между рисунками имеются пояснения к ним с употреблением того же самого слова и той же рукой, что и весь диван (небрежный почерк черновиков тоже напоминает эту руку). Все это, нам кажется, подкрепляет предположение об автографе. Если это действительно так, то поэт был и каллиграфом (рукопись переписана красивым насталиком), а может быть, и художником.

Таковы весьма скато изложенные основные фактические сведения, извлеченные из прозаических единственной афганской рукописи Матенадарана. Она, вероятно, является и единственной в мире рукописью сочинений поэта, который в течение почти двух столетий оставался не известным своему народу. (Только в работе афганского историка Фуфалз̄ай "Тимур-ш̄ах Дурран̄и" в "Списке имен великих ханов, ученых, поэтов, писателей и духовных лиц, которые в эпоху Тимур-ш̄ахе имели племенное, народное и литературное влияние" (т. II, с. 420) приведено имя некоего 'Али-Акбар-х̄ана Оракз̄а'й без всякой информации о нем; трудно судить, скрывается за этим именем наш автор или другое лицо).

Литература

Абдулла Бехтани, Али-Акбер Апридай зу ды хага калами диван "Тулмак-и афган" (ж-л "Кабул", 1343 с.х., № 7/540); Авизудди Вакили Фуфелзан, Тимур-шах Дуррани, тт. I-II, Кабул, 1342 с.х.

Н.Д.Миклухо-Маклай

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ АНОНИМОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

В составленном Стори био-библиографическом своде персидской литературы для периода X-XIII вв. зарегистрировано 21 оригинальное (т.е. непереводаемое) космографическое и географическое сочинение. Это число следует уменьшить на единицу, поскольку Стори в одном случае по ошибке принял за особое сочинение не определенную в свое время рукопись хорошо известного произведения (см. Storey II, 138 № 202, ср. Миклухо-Маклай I, № 64). Пять сочинений, отмеченных Стори, мы здесь по различным причинам рассматривать не будем: о трех из них у нас нет достаточно достоверных сведений (Storey, II, 120, № 180, 142 № 201 и 146 № 219), одно сочинение не является типичным - оно представляет собой поэму на географический сюжет (Storey II, 138 № 201). И наконец, еще одно сочинение, а именно "Аджаиб ад-дунья (XIII в.)", пока нам известно лишь по одному фрагменту и по очень дефектной рукописи, у которой утеряно предисловие, начало и конец сочинения (Storey, II, 123-124 № 187 и Миклухо-Маклай I, № 16).

Таким образом, из указанных Стори 21 сочинения в поле нашего зрения остается 15 произведений. Все они дошли до нас в более или менее цельном виде и сохранили свои предисловия - обстоятельство очень важное, поскольку предисловие является тем местом, где авторы обычно указывали свое имя и название сочинения. Эти данные, т.е. имя и название сочинения, содержатся в предисловиях только восьми сочинений. Имя автора и название сочинения, указанные в некоторых рукописях вне текста предисловия и сочинения, мы в расчет не принимаем.

Имя автора и название содержат следующие сочинения: 1) Джехан-нама, автор Мухаммад ибн Наджиб Бакран (XIII в.); 2) Нузхат

ад-Кудуб, автор Хамдаллах Казвини (XIV в.); 3) Маджма' ад-Геранб, автор Султан Мухаммад ад-Залхи (XVI в.); 4) 'Аджанб ат-Табекат, автор Мухаммад Тахир ибн Абу-л-Касим (XVII в.); 5) Мухтасар-и Муфиди, автор Мухаммад Муфид ал-Назди (XVII в.); 6) Шудья-и Хайдар-и, автор Мухаммад Хайдар (XVII в.); 7) Бахджат ал-'Алам, автор Мехарат-хан Исфахани (XVII в.); 8) Ма'думат ал-Афак, автор Амин ад-дин хан ал-Хусейни ал-Харави (XVII в.) (Storey, II, 123 № 185, 129-131 № 190, 135-137 № 199, 138-139 № 205, 141 № 210, 141 № 211, 141-142 № 212, 142 № 213).

Предисловие к одному сочинению включает только имя автора - Абу-л-Хасан Са'ид ибн 'Али Джурджани. Сочинение это относится к XV в. и известно под названием (несомненно, не авторским) - Масалик ал-Мамалик (Storey II, 133-134 № 195). В предисловии к еще одному сочинению указано лишь название последнего - 'Аджанб ал-Махлукат ва Геранб ал-Мавджудат. Относится оно к XII в., автором его (установленным на основании данных другого источника) является Наджиб Хамадани (Storey, II, 121 № 183). Наконец, текст пяти сочинений и их предисловий не содержит ни имени автора, ни названия сочинения. Приводимые ниже названия этих сочинений и в двух случаях имена их авторов заимствованы из надписей, имевшихся в начале текста, или установлены по другим произведениям. Сочинения эти следующие: 1) знаменитый Худуд ал-'Алам (X в.); 2) Сувар ал-Акалим (XIV в.); 3) Джуграфийа-и Хафиз-и Абру (XV в.); 4) 'Аджанб ал-Буздан, автор 'Абд ал-'Али ибн Мухаммад Бирджанди (XVI в.); 5) Тухфет 'Айн ал-Хайат (XVI в.) (Storey II, 120 № 181, 131-132 № 191, 132-133 № 192, 135 № 197, 137 № 200).

Подводя итоги всему здесь изложенному, мы можем констатировать: имя автора и название сочинения (или одно из этих данных) отсутствует в тексте почти половины перечисленных выше произведений (в семи из пятнадцати). Как мы видим, количество сочинений, имевших пропуск указанных данных, слишком велико, чтобы можно было объяснить этот факт какими-либо причинами чисто случайного характера, например пропусками переписчиков или порчей текста. Действительно, нельзя себе представить, что почти в половине перечисленных здесь произведений был бы пропущен или же подвергся порче совершенно один и тот же текст, а именно тот, который содержал имя автора и название сочинения. К сказанному необходимо добавить еще и то, что известный нам текст этих сочинений не со-

держит каких-либо указаний на наличие в нем подобных пропусков и порчи. Вместе с тем у нас нет никаких оснований предполагать, что авторы могли выпускать в свет свои законченные произведения, не указывая в них их названия и своего имени. Более того, текст сочинений, о которых идет речь, не содержит даже малейших намеков на какие-либо обстоятельства, которые могли побудить их авторов скрывать свои имена.

Естественно, возникает вопрос, почему же в таком случае столь значительное количество сочинений предстает перед нами в анонимном и беститульном виде?

Думается, объяснение этой загадки нам дадут рукописи, в том числе и рукописи произведений, о которых здесь идет речь. На рукописях многих сочинений имеются надписи, содержащие чаще всего названия сочинений и значительно реже имена их авторов. Надписи эти помещаются обычно на лицевой стороне первого листа (титульный лист) или на оборотной стороне того же листа, непосредственно перед началом текста сочинения. В большинстве случаев надписи эти принадлежат переписчикам рукописей или их владельцам. Однако можно найти свидетельства тому, что обычно делать подобные надписи восходит к самим авторам. Указывая в таких надписях свои имена и названия сочинений, некоторые авторы, по-видимому, не считали нужным снова повторять их в предисловии или ограничивались тем, что указывали лишь свое имя или только одно название сочинения. Этим, надо полагать, и объясняется тот факт, что в предисловиях ко многим произведениям (как мы видели выше) отсутствуют имя автора и название сочинения или какое-либо одно из этих данных.

Теперь легко себе представить, какие все это могло иметь последствия. Надпись с указанием имени автора и названия сочинения, неходящаяся вне рамок основного текста сочинения и органически с ним не связанная, особо легко могла быть пропущена при переписке рукописи переписчиками. Если заключенные в ней данные затем не повторялись или повторялись лишь частично в предисловии к сочинению, то такой пропуск автоматически превращал последнее в анонимное или беститульное произведение.

При аналогичных обстоятельствах такая же трансформация, естественно, ожидала сочинение и в случае порчи в рукописи надписи с указанными данными.

Пропуск или порча надписи в рукописях могли бы и не иметь особо существенного значения, если бы не одно обстоятельство — достаточно безразличное отношение средневекового общества к личности автора. Конечно, нельзя распространять это положение на все категории авторов, но ко многим их категориям его, безусловно, отнести можно, в частности, например, к авторам исторических и географических трудов. В этой связи достаточно указать хотя бы на такой характерный факт: о подавляющем большинстве этих авторов (начиная нередко с их имен) мы знаем лишь только то, что они сами сообщают о себе в своих произведениях. Правда, о многих авторах мы находим сведения и в других источниках, в которых с той или иной целью были использованы их произведения. Однако суть дела это не меняет — подобные сведения почти о любом авторе, приводимые в источниках, обычно прямо или опосредственно в конечном счете восходят к его собственному произведению.

Если же в источниках подобная информация отсутствует, единственным свидетельством о самом существовании автора является его произведение. Надо заметить, что подобные случаи не так уж редки. Можно назвать ряд средневековых авторов (и в их числе получивших самую высокую оценку в науке), о которых мы ничего не знали бы, если бы до нас не дошли их произведения.

Это равнодушие средневекового общества к личности автора при наличии интереса к их произведениям (иначе они не сохранились бы) не могло не оказывать своего влияния и на переписчиков рукописей. Поэтому причину пропуска в рукописях надписей с именами авторов (о чем говорилось выше) едва ли можно сводить лишь к одной только небрежности переписчиков. При таком безразличном отношении общества к авторам переписчиков вряд ли мог слишком заботить вопрос о фиксации их имен, особенно если учесть, что речь идет об именах, стоящих в рукописях вне рамок основного текста сочинения.

В свете сказанного становится очевидным и то, почему пропуск в рукописи надписи с именем автора мог приобрести значение, далеко выходящее за рамки факта простой погрешности переписчика. Действительно, если подобный пропуск имел место в рукописи, ставшей протографом для всех последующих копий сочинения, это неизбежно должно было приводить и приводило к превращению уже не одного, какого-либо экземпляра сочинения, а сочинения как такового в

анонимное произведение. Можно назвать немало средневековых сочинений, которые постигла такая участь. Правда, не все они остались анонимными, авторов многих из них удалось установить. Все же целый ряд сочинений, в силу рассмотренных здесь причин ставших со временем анонимными, и до сих пор пребывают в том же состоянии. Так, из упомянутых выше 15 географических сочинений, дошедших до нас в более или менее цельном виде, мы все еще не можем назвать авторов трех произведений. О значении данного пробела для науки говорит не одно только это число, а в не меньшей степени и то, что среди анонимов находится такое произведение, как Худуд ад-Алем, т.е. старейший и ныне самый известный памятник средневековой географической литературы на персидском языке.

В заключение укажем, что пропуск авторского названия сочинения, помещенного вне рамок его текста, дал несколько иные результаты, чем аналогичный пропуск имени автора. Он, как правило, не обращал бесповоротно сочинение в беститульное произведение. Если какой-либо переписчик допускал подобный пропуск, то последующие переписчики или владельцы рукописи обычно не оставляли сочинение беститульным, а давали ему свое собственное название, исходя из его содержания или жанра. Этим, в частности, объясняется факт, почему одно и то же сочинение в рукописях и в источниках нередко фигурирует под самыми различными названиями. Вместе с тем факт легкости, с которой производилось подобное "крещение" сочинения, не может не поставить под сомнение подлинность (т.е. принадлежность автору) любого названия, указанного в рукописях вне рамок текста сочинения или же заимствованного из других произведений (исключение здесь, конечно, составляют названия в рукописях, являющихся автографами авторов).

Об удельном весе средневековых произведений, имеющих подобные названия, можно получить некоторое представление по следующему примеру: из 15 географических сочинений, о которых у нас шла речь, шесть сочинений имеют только такие названия.

Все эти моменты, связанные с отсутствием в тексте сочинения его названия, на первый взгляд имеют только формальное значение. Однако они в ряде случаев способны значительно осложнить работу исследователя и прежде всего - работу источниковедческого характера.

ПОЭМА "ЗАМБИЛЬФРОМ" В СОБРАНИИ КУРДСКИХ
РУКОПИСЕЙ ГПБ

Сказание о любви жены курдского эмира к молодому продавцу корзин ("Замбильфром"), пользующееся у курдов большой популярностью, широко распространено в целом ряде народных вариантов¹ и занимает видное место среди произведений богатого курдского фольклора.

Однако до недавнего времени считалось, что "Замбильфром" бытует только в фольклоре, и не было известно о существовании литературной обработки этого предания. Не упоминает о литературной версии в своих исследованиях и такие крупнейшие курдоведы как П.Лерх, Р.Леско, А.Суджади, Э.Заки, Т.Буа.

Поэма "Замбильфром" стала известна благодаря коллекции курдских рукописей, собранных русским консулом в Турции А.Д.Жебой. Почти девяносто лет пролежало это уникальное собрание в хранилище рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, оставаясь вне поля зрения ученых, пока в 1957 г. не вышло описание этих рукописей, среди которых и находятся шесть списков литературной версии "Замбильфром" на северном диалекте курдского языка².

Все имеющиеся рукописи поздние (XVIII-XIX вв.) и восходят к одной редакции. При сопоставлении их можно отметить лексические различия, неодинаковую полноту, перестановку четверостиший.

Поэма "Замбильфром" невелика по своим размерам. Критический текст, составленный по шести рукописям, насчитывает 240 строк.

Сюжет и композиция литературной параллели те же, что и народных вариантов. Но рамки действия в поэме несколько ограничены, и все события заканчиваются раньше, чем во многих фольклорных версиях.

По сравнению с вариантами народного сказания поэма отличается более сложным, красочным, обработанным языком и стилем, обилием арабизмов и фарсизмов, точным соблюдением размера и рифмы (она написана в форме четверостиший с тремя рифмующимися строками и сквозной рифмой четвертых строк на -etê, семи-восьмисложным силлабо-тоническим размером).

Кто же автор литературной версии "Замбильфром"?

А.Хаба приписывает авторство курдскому поэту XV в. Мела Бате, жившему в Турции³. Сам А.Хаба долгое время находился среди курдов, большую помощь в собирании рукописей оказал ему курдский ученый Махмуд Баязиди⁴. Можно полагать, что сведения, полученные А.Хабой от такого знатока курдской литературы, вполне достоверны. Мела Баязиди переписал одну из рукописей "Замбильфром" в 1856-66 гг. специально для А.Хабы. Принадлежность поэмы Мела Бате подтверждена и в описании восьми рукописей коллекции, составленном А.Хабой⁵, и в отчете Публичной библиотеки за 1868 г.⁶

До нас дошло очень мало сведений о жизни и творчестве Мела Бате. Их опять же мы находим у А.Хабы в статье о курдских поэтах⁷. Между тем среди произведений Мела Бате поэма о продавце корани в статье не упомянута. Думается, это произошло потому, что А.Хаба приобрел рукописи уже после выхода в свет своей работы, т.е. после 1860 г. (о чем свидетельствуют его письма, присланные из Турции в Петербург).

То обстоятельство, что все другие исследователи курдской литературы - Р.Леско, А.Суджади, Э.Заки, Т.Буа и другие, писавшие о творчестве Мела Бате, не называют в числе произведений поэта "Замбильфром", объясняется тем, что они основывались на статье А.Хабы и вся их информация ограничивалась этим источником.

Можно было бы согласиться с компетентным мнением собирателя рукописей и безоговорочно признать автором поэмы Мела Бате. Однако существуют некоторые причины, которые ставят под сомнение имя автора.

Если сопоставить эту поэму с дошедшими до нас произведениями Мела Бате - поэмой "Мавлуд", двумя газелями и двумя стихотворениями (диван до нас не дошел), то окажется, что она резко отличается от них как по стилю, так и по размеру. В противоположность изысканности и высокопарности перечисленных выше произведений Мела Бате язык "Замбильфром" максимально приближается к бытовой речи. Автора поэмы привлекает простота и ясность живого народного языка, его меткость и звучность. Далее. В конце всех произведений Мела Бате обычно имеется тахаллус, и они выдержаны в форме арабского аруза. В поэме "Замбильфром" мы не находим имени Мела Бате, и написана она силлабо-тоническим размером, свойственным народной курдской поэзии. Эти различия и порождают у нас сомнение: принадлежит ли поэма "Замбильфром" перу Мела Бате?

В последнем четверостишии поэмы в рукописях Курд 26, 36, 27 представлена следующая строка: *ای مین و حی خوش دفترا*
"О Мин и Хай, / обладатель / прекрасного дивана". Именем "Мин и Хай" обычно подписывал свои произведения Факи Тейран - известный курдский поэт XIV в. Однако два последних четверостишия, поэмы, написанные в возвышенной манере, несколько выпадают из обиходного простого стиля поэмы. К тому же в них нарушен размер, и две строки одного четверостишия полностью повторяют строки другого. По всей вероятности, обе эти строфы, отсутствующие в остальных рукописях, более позднего происхождения, внесенные в текст переписчиками.

Можно привести еще два известных нам случая приписывания поэмы "Замбильфрон" Факи Тейрану. В заглавии рукописи Курд 36 переписчик ставит вначале имя Бате, а затем Факи Тейрана. Но тут же А.Лабэ указывает на ошибку переписчика и подтверждает, что автор поэмы - Мела Бате. Такое приписывание авторства Факи Тейрану могло возникнуть не случайно, и прежде всего в связи с тем, что поэма "Замбильфрон" написана тем же размером, что и произведения Факи Тейрана (напр., "Шейх Сак'ан")⁸.

В фольклорном варианте сказания о продавце корзины, записанном курдским народным поэтом Атаре Паро⁹ в 1933 г. в Армении, началу стихотворной части, напоминающей литературную версию, предшествуют слова *Ji Reqîê Teuga (beft)*. Возможно, это - проявление широкой популярности Факи Тейрана, которой он и сейчас пользуется среди простого курдского народа. Факи Тейрану приписываются многие стихи, принадлежащие и не принадлежащие ему.

Автором поэмы "Замбильфрон" мог быть и поэт - последователь школы Факи Тейрана, подписывавший свои произведения его именем. "Особенность курдской средневековой литературы - наличие строго определенных как формой, так и тематикой литературных произведений, литературных школ, при слабой изученности памятников этой литературы - сильно затрудняет в некоторых случаях локализацию и установление авторства того или иного произведения, тем более, что часто последователи главы литературной школы подписывают свои работы тем же литературным псевдонимом, становящимся благодаря этому, так сказать, "маркой" школы, а не личным псевдонимом автора"¹⁰.

Таким образом, в настоящее время из-за недостатка материала вопрос об авторстве литературного варианта "Замбильфром" остается открытым.

По всей вероятности, один или несколько фольклорных вариантов легли в основу литературной обработки, осуществленной поэтом. В дальнейшем, по-видимому, поэма в передаче сказителей распространилась в народе, приобрела известность и любовь слушателей. Она легко запоминалась благодаря простому языку и малому объему. Но в процессе устного бытования поэма подверглась изменениям (дангбежи вносили свои интерполяции, вводили прозаические вставки). Было забыто и имя автора. В условиях сплошной неграмотности народа сказители явились основными хранителями и передатчиками не только произведений народного творчества, но и письменной литературы. Здесь наблюдается сложное взаимодействие фольклора и классической литературы.

Поэма "Замбильфром" стоит как бы особняком среди памятников средневековой курдской литературы. Это единственное известное нам произведение городской литературы. И с этой точки зрения поэма представляет особый интерес.

Популярность сказания, длительность его бытования, а также тот факт, что оно послужило основой для литературной обработки, свидетельствуют о ценности "Замбильфром" для истории курдской культуры.

1) Об истории изучения курдского народного сказания "Замбильфром" см. сб. "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока", VI, М., 1970, стр. 117-120.

2) Отчет Публичной библиотеки за 1868 г., СПб, 1869; М.Б.Руденко, Коллекция А.Д.Жаба (курдские рукописи), Труды Гос. публ. биб-ки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Л., 1957; М.Б.Руденко, Описание курдских рукописей ленинградских собраний, М., ИВЛ, 1961, стр. 36-40.

3) См.: Рук. ГПБ, шифры Курд 26, 27, 28, 29, 36, 45.

4) Меда Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М.Б.Руденко, М., ИВЛ, 1963.

5) Отдел рукописей ГПБ. А.Жаба. Описание восьми курдских рукописей, № 8.

- 6) Отчет ПБ за 1868 г., стр. 164.
- 7) A. Jaba, Recueil de notices et récits kourdes, St.-Fb., 1860, p. 8.
- 8) Факи Тейран, Шейх Сан'ан. Критический текст, перевод, примечания и предисловие М. Б. Руденко, М., Изд. "Наука", 1965.
- 9) Вариант любезно представлен в наше распоряжение Атаре Шаро.
- 10) О. Л. Вильчевский. Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии. Иранские языки, I, М.-Л., 1945, стр. 149-150.

М. А. Салахетдинова

К ДАТИРОВКЕ "ШАРАФ-НАМА-ЙИ ШАХИ" ХАФИЗ-И ТАНЫША

Хафиз-и Таныш точно не указал, когда он начал и завершил свой исторический труд "Шараф-нама-йи шахи". В предисловии к этому сочинению сообщается, что, когда Абдулла-хан завоевал Мавераннахр и сделал своей столицей Бухару, у 36 летнего Хафиз-и Таныша возникло желание составить историческое сочинение, посвященное этому хану^I.

Авторы, писавшие о творчестве Хафиз-и Таныша в последние годы, решили, что эти слова Хафиз-и Таныша относятся ко времени не ранее 991/1583 года (года официального восшествия на престол Абдулла-хана). Поскольку в предисловии к "Шараф-нама-йи шахи" приведена также хронограмма, в которой название сочинения (شرفنامه مشاهیر) по абджаду составляет 992, то сочли данную цифру за год, когда Хафиз-и Таныш начал писать свое сочинение. На основании такого утверждения, сделанного без оговорок, время рождения Хафиз-и Таныша было определено 956/1549 годом (полученным путем вычитания из 992 цифры 36). Принять за дату рождения Хафиз-и Таныша 1549 год можно было лишь, не заметив слова, имеющиеся в "Шараф-нама-йи шахи", о том, что по случаю восшествия на престол Искандар-хана (отца Абдулла-хана) в 1560г. Хафиз-и Таныш преподнес хану касыду, написанную им самим. Не

мог же он сделать это, будучи II летним ребенком (если бы он родился в 1549 году)².

Следовательно, Хафиз-и Танышу было 36 лет не в 992/1584 году, а намного раньше и сочинение свое он начал составлять раньше этой даты, но после завоевания Абдулла-ханом Мавераннахра.

Еще в 70-х годах X века хиджры (60-е годы XVI века) главные города Мавераннахра (Бухаре, Самарканд, Кермине, Карши и др.) были покорены Абдулле-ханом и им успешно отражены нападения врагов на отдельные районы его владений. Особенно большую победу он одержал над Самаркандом (конец 977/май-июнь 1569 года).

В 978/1570-71 гг. Абдулла-хан совершил поход на Белхскую область, захватил Анджой, после чего правители Шибиргана и Балха сдались хану без боя. По возвращении из этого похода в Бухару Абдулла-хан сместил прежнего управляющего диваном мирзу Валиджана джадaira, вместо которого он назначил образованного, проницательного человека казия Нур ад-дина Мухаммеда, которому он предоставил возможность решать все важные дела в ханстве, Бухарском вилайете и в своем дворе.

Успехи Абдулла-хана в походе на Белхскую область, назначение им нового управляющего диваном, расширение полномочий последнего - все это свидетельствует о таком росте могущества Абдулла-хана, к 978/1570-71 г., что некоторые авторы считают этот год началом правления Абдулла-хана. Так, автор известного сборника хронограмм "Тарих-и Ракими" (составленного в начале XVIII в. на основании сочинения, написанного в XVII веке), считая годом вступления на престол Абдулла-хана 978/1570-71 гг., пишет: "По истечении 38 лет / после рождения / восхваленный шаханшах величественно возложил на голову корону счастья. В благословенный час, не испытывая сомнения /в том, что/ не будет пристыжен, окруженный со всех сторон почетом и уважением, он утвердился на троне. Таким образом дату восшествия на престол привыкшего к счастью хана определили /словами / "Бурхан кушт" (убийство Бурхана), что составляет 978"³.

В словах "Бурхан кушт" (убийство Бурхана) содержится намек на то, что Абдулла-хан был причастен к убийству правителя Бухары Бурхан-султана (964/1557 г.). В "Шараф-наме-йи шахи" имеется рассказ о предательском убийстве Бурхан-султана одним из его уважаемых эмиров Мир Ака-бием куччи, но повествуется об этом со-

бытия так, как будто оно произошло без ведома Абдулла-хана. Это и понятно, ведь Хафиз-и Таныш писал свое сочинение для Абдулла-хана.

Возможно, что именно в 978/1570-71 г. Хафиз-и Танышу было 36 лет и он начал составлять свое сочинение об Абдулла-хана (в этом случае датой рождения его можно считать с большей уверенностью, хотя и не абсолютно точно, 942/1535-36 г.).

Первоначально Хафиз-и Таныш ставил перед собой скромную задачу: написать о рождении Абдулла-хана, о победах, одержанных ханом в ранний период жизни, о некоторых событиях, связанных с деятельностью его, о состоянии дел в Мавераннахре и в других странах, завоеванных ханом⁴. Сочинению, написанному в таком плане, по-видимому и было дано название "Футухат-и хани и ва ваки'ят-и сахибкирани" (Ханские победы и события, / в которых участвовал / обладатель очастливового сочетания светил). Это название сохранилось лишь в одном из известных нам списков труда Хафиз-и Таныша⁵.

Впоследствии Хафиз-и Таныш расширил план своего сочинения, он полагал составить его в двух томах, снабдить предисловием и заключением. В предисловии автор решил изложить родословную Абдулла-хана, привести цепь духовной преемственности Джуйбарских шейхов, в первом томе - описать политические события, в которых участвовал Абдулла-хан до вступления на престол (991/1583 г.), во втором томе - излагать события последующих лет, в заключении - рассказать о достоинствах Абдулла-хана, о знатных людях его времени, о постройках, воздвигнутых ханом.

Естественно, что такой план сочинения мог возникнуть у Хафиз-и Таныша только после восшествия на престол Абдулла-хана (991/1563 г.) (поскольку это событие нашло отражение в самом плане сочинения), вероятнее всего в 992/1584 году. И тогда 992 г.х., выраженный в хронограмме (заклученной в названии сочинения) будет обозначать время, когда Хафиз-и Таныш начал писать свое сочинение по данному расширенному плану. Для составления этого сочинения Хафиз-и Таныш прежде всего использовал записи, сделанные им ранее, "он привел их в порядок и переписал"⁶. Надо полагать, что у автора было значительное число таких записей, ибо он замечает, что "при переписывании их перестали видеть очи, не стало хара в душе". Следует предположить, что Хафиз-и Таныш

включил также в "Шараф-наме-йи шахи" свое сочинение об Абдуллахане, написанное по первоначальному плану (о рождении Абдуллахана и о его победах в первую пору жизни). О том, что такое сочинение Хафиз-и Таныша существовало еще в 992/1584 году, можно судить на основании слов его современника Мир Сайида Мухаммеда. Этот автор в своем произведении "Азкар ал-азкийа", написанном в 993-1585 году, воздает хвалу книге Хафиз-и Таныша, содержащей описание событий, в которых участвовал Абдулла-хан⁸, но не приводит названия книги. Здесь, по всей вероятности, подразумевается упомянутая книга Хафиз-и Таныша об Абдуллахане, а не "Шараф-наме-йи шахи", и даже не первый том, каким его предполагал написать автор (т.е. описание событий до 991/1583 г.), потому что в первом томе обозначена текущая дата -995/1586-87 г.) откуда следует, что он был завершен не раньше этого года.

Заключив I том "Шараф-наме-йи шахи", Хафиз-и Таныш приступил к составлению предполагаемого им второго тома сочинения. Однако, описав события до 997/1588-89 года, Хафиз-и Таныш, вопреки изложенному им самим плану, решил включить все написанное в I том и высказал свое намерение написать второй том сочинения. Когда он завершил описание событий до 997/1588-89 года и почему он не продолжил свой труд дальше, пока остается неизвестным.

Таким образом, нужно различать два периода работы Хафиз-и Таныша над его сочинением об Абдуллахане; началом первого периода можно считать конец 80-х годов X века хиджры (70-е годы XVI века), началом второго периода - 992/1584 год. Это последнее обстоятельство не учитывалось, что и привело к недостаточно обоснованным датировкам рождения Хафиз-и Таныша и написания его труда "Шараф-наме-йи шахи".

1) Список Института востоковедения АН Узбекской ССР, № 2207, л. 4а6.

2) См. об этом М.А.Салахетдинова, Хафиз-и Таныш и поэт Нахли. УП годичная сессия ДО ИВАН (Краткие сообщения), стр. 113.

3) Рукопись ИВ АН D 710, л.2376.

4) Рукопись ИВ АН D 86, л.5а.

5) Список республиканского фонда рукописей Азербайджанской ССР, д-345, л. 7а.
10090

- 6) Рукопись ИВ АН Д 88, л.9а.
 7) Там же.
 8) Б.Ахмедов, Қ.Муниров, Ҳофиз Таниш Бухорий, Ташкент, 1963, стр. 55.

Э.Н.Темкин

О ТОЛКОВАНИИ ТЕРМИНА DŪSANA В ТРАКТАТЕ БХАМАХИ
 "KĀVYĀLĀNKĀRA "

В тексте пятой главы трактата Бхамахи содержится определение термина индийской логики "dūṣana", которое почти дословно совпадает с определением, данным этому термину Дхармакирти. Это обстоятельство послужило основанием для К.Б.Патхака¹ утверждать, что Бхамаха цитирует Дхармакирти и, следовательно, он мог жить и работать только после Дхармакирти, т.е. не ранее 8 века н.э.²

У Бхамахи сказано:

"Dūṣanam nyūnatādy uktih "³, а у Дхармакирти: "Dūṣanāni nyūnatādy uktih "⁴.

Разница незначительная, и она состоит лишь в том, что термин "dūṣana" у Бхамахи стоит в ед. ч., а у Дхармакирти во множественном.

Прежде, чем подтвердить или оспаривать мнение К.Б.Патхака, необходимо разобраться в сущности самого определения. Между тем понимание его представляет некоторые трудности.

"Nyūnatā" может в равной степени означать и неполноту, и недостаточность, и погрешность. Ф.И.Щербатской выбирает первый вариант и переводит определение "опровержения" (= dūṣana) у Дхармакирти следующим образом: "to refute means to indicate the insufficiency and other (fallacies in an argument)"⁵. Таким образом, "ādī" он толкует как "other (fallacies in an argument)". Слова, заключенные в круглые скобки, он добавляет от себя. В своем первом, русском переводе трактата Дхармакирти Ф.И.Щербатской слово "ādī" оставил совсем без перевода: "Опровержение есть указание на недостаток доказательств"⁶. Здесь

слово "доказательств" также добавлено Ф.И.Шербатским, но не заключено в скобки.

Комментарий Дхармоттары специально не разъясняет значения "nyūnatā" и сложного слова "nyūnatādi", однако сам Дхармакирти предлагает синоним для "nyūnatādi": "ye pūrvam nyūnatādayaḥ sādhanadoṣā uktāsteṣāṃ udbhāvanāṃ dūṣaṇāṃ"⁷. Таким образом, nyūnatādayaḥ = sādhanadoṣā. Буквально фразе Дхармакирти можно перевести так: "nyūnatādayaḥ это sādhanadoṣā, о которых сказано выше. Их выявление и есть опровержение". Doṣa – это ошибка, погрешность, но что здесь означает sādhana? Этот термин имеет два значения: 1) силлогизм и 2) логическое основание⁸. Которое из этих двух значений уместно в разбираемом нами контексте?

В русском переводе "Nyūyabindu" Ф.И.Шербатской избирает второе значение: "Открыть же ошибки в логическом основании, о которых было говорено выше, т.е. найти недостаток в доказательстве (какого-нибудь положения), значит опровергнуть (это положение)..."⁹ Таким образом, для Ф.И.Шербатского здесь "nyūnatādayaḥ = ошибки в логическом основании = недостаток в доказательстве. Слова "ādi" или "ādayaḥ" по-прежнему остались и здесь без перевода.

В "Buddhist Logic" Ф.И.Шербатской изменил толкование и, соответственно, перевод разбираемой фразы Дхармакирти, убрав слова "в логическом основании" и не уточняя, о каких конкретных ошибках в таком случае идет речь. Между тем "Nyūyagraveśa" позволяет выяснить и уточнить значение терминов "nyūnatā" и "sādhana" в NB, III, 138-139 и, следовательно, значение "nyūnatā" в Rh., V, 28.

В NP сказано: "Sādhanadoṣodbhāvanāni dūṣaṇāni. Sādhanadoṣo nyūnatvam. Pakṣadoṣaḥ pratyakṣādiviruddhatvam. Hetudoso'siddhānaikāntikaviruddhatvam. Dṛṣṭāntadoṣaḥ sādhanadharmaidyasiddhatvam, т.е. опровержения – это выявление ошибок в "sādhana". "Nyūnatvam" = погрешность "sādhana": ошибочный тезис, например, противоречащий восприятию и т.д.; ошибочное логическое основание, т.е. недействительное, сомнительное, противоречивое; ошибочный пример, т.е. не имеющий общего с логическим основанием признака и т.д."¹⁰

Далее НР описывает ложные, псевдоопровержения в том же порядке, как и опровержения истинные, и именно здесь указывает, что означает термин "nyūnatva" (=nyūnatā). Первым псевдоопровержением НР называет "sādṛṣṭe sādhanē nyūnatvavacanam", т.е. заявление о погрешности силлогизма в целом¹¹.

Таким образом, из текста НР следует, что "nyūnatva (=nyūnatā)" - это термин, обозначающий погрешность, ошибочность силлогизма в целом, а "sādhanā" в данном у Джармакирти и Бхамехи определении "опровержения" (=dūṣaṇa), означает не логическое основание, а весь силлогизм со всеми его составными частями. "Nyūnaraveśavṛtti" подтверждает такое толкование. Там сказано: "sādhanadoṣo nyūnatvam. Sāmānyena viśeṣamāha"¹². "Nyūnaraveśavṛttipañjikā" разъясняет: "sādhanadoṣo nyūnatvam sāmānyena iti", т.е. словом "nyūnatva" обозначена погрешность силлогизма в целом". И далее: "viśeṣatastu pakṣadoṣodbhāvanam asiddhāvīruddhānaikāntikāḥ doṣodbhāvanam dr̥ṣṭāntadoṣodbhāvanam vā dūṣaṇam ity etad evā'ha", т.е. словом же "отдельное" обозначено выявление погрешного тезиса, недействительного и сомнительного логического основания и ошибочного примера¹³.

Теперь, когда стало очевидным, что "nyūnata" - это кратко, одним словом (sāmānyena) обозначенная погрешность силлогизма вообще, становится ясным, что "ādī" Бхамехи и Джармакирти должно обозначать погрешность отдельных (viśeṣa) членов силлогизма. У Бхамехи это может быть и ошибочный тезис, и ошибочное логическое основание, и неверный пример. Равным образом этот вывод может быть отнесен и к толкованию определения "опровержения", данного Джармакирти. И, таким образом, переводить это определение следует: "Опровержение - это высказывание как относительно погрешности силлогизма вообще, так и отдельных его членов"¹⁴.

Сопоставление определений "dūṣaṇa" у Бхамехи, Дигнаги, Шанкаресвамины и Джармакирти показывает, что они совершенно идентичны по существу и почти не отличаются по способу выражения.

У Бхамехи: "dūṣaṇam nyūnatādyuktiḥ"

У Дигнаги: "the refutation consists in showing that the formulation of a syllogism is defective etc"¹⁵

На санскрите это определение вполне адекватно можно было бы восстановить следующим образом: "dūṣaṇam nyūnatādyuktiḥ sādhanadoṣodbhāvanam".

У Шанкарасвамины: "sādhanaśodhbhāvanāni dūṣaṇāni.
Sādhanaśoḍo nyūnatvaṃ"¹⁶.

У Дхармакирти: "dūṣaṇāni nyūnatādyuktiḥ"¹⁷

Здесь важно также отметить, что текст Дхармакирти в НВ, III, 139 (см. стр.2) почти полностью совпадает с комментарием Дигнаги к НМ, XIX. Дигнага разъясняет, что его определение "dūṣaṇa" - "refers to the logical errors such as defective formulation etc. which have been already explained, that it is to the errors of the various members of a syllogism"¹⁸.

Приведенные сопоставления показывают, что определение "опровержения" у Дхармакирти и по форме, и по смыслу не является результатом его собственного творчества, а восходит к более раннему источнику, формулировкой которого пользовались и Дигнага, и Бхамаха, и Шанкарасвамин. Если при этом учитывать, что Бхамаха при изложении основных положений теории познания и логики Йогачаров, как правило, сначала приводит определения Васубандху, то вполне допустимо предположить, что и в данном случае он цитирует (так же как и Дхармакирти) определение "dūṣaṇa", сформулированное Васубандху.

Необходимо также иметь в виду, что по мере развития логики как самостоятельной дисциплины, по мере того, как она на пути от Васубандху к Дхармакирти все более освобождалась от разделов, более свойственных учению об искусстве вести полемику (vāda), чем собственно логике, тем меньше места в логических трактатах занимал раздел об "опровержениях". Если "vādaśāhī"¹⁹ Васубандху все еще главным образом трактат об искусстве вести спор и выигрывать в нем, то НМ - это уже значительный шаг вперед от "vāda" к логике, как инструменту установления истины. И если в НМ Дигнаги мы еще находим немало страниц, отведенных не только "dūṣaṇa", но и "dūṣaṇabhāṣa", то в НВ Дхармакирти этот раздел всего лишь небольшой реликт учения об искусстве спора. У Дхармакирти этому разделу отведено всего лишь четыре кариксы, которые вместе с лаконичными комментариями Дхармоттары не заполняют и одной страницы печатного текста против 20 печатных страниц в НМ. Естественно, поэтому, что ни Дхармакирти, а вслед за ним Дхармоттаре не разъясняют, что такое "nyūnatā" и "nyūnatādi". Это для них нечто давно установленное, традиционное, не требующее пояснений. Они отдадут этой традиции небольшую дань, и только.

К сказанному следует добавить, что ни Дигнага, ни Шанкара-свами, ни тем более Дхармакирти в своих определениях "dūṣaṇa" и разъяснениях к ним совсем не упоминают о "vāda", о споре, в то время как Бхамаха прямо связывает "опровержение" и, главное, силлогизм со спором, с полемикой, говоря, что hetu и dr̥ṣṭānta - "tan̥pūlatvāt kathāyah" ²⁰. При этом следует иметь в виду, что Бхамаха, как и Васубандху, в отличие от Дигнага и Дхармакирти, описывает трехчленный, а не двухчленный силлогизм ²¹.

Изложенные выше соображения позволяют предположить, что определение "dūṣaṇa" у Бхамачи восходит к Васубандху не только по смыслу, но и по способу выражения и, таким образом, мысль К.Б.Патхака о том, что Бхамаха следовал Дхармакирти, оказывается несостоятельной ²².

1) К.В. Pathak, Dharmakīrti and Bhāmahā, см. Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute, vol. 12, part IV, 1930-1931, стр. 385.

2) Там же, стр. 390-391; см. также S. Ch. Vidyābhūṣaṇa, A History of Indian Logic, Calcutta, 1921, стр. 305.

3) Bhāmahā, Kāvyaśālikāra, У, 28, издание К.Р. Trivedi; см. Bombay Sanskrit and Prakrit Series, LXV, Bombay, 1909, Appendix УШ (далее - Bh.).

В тексте К.Р. Trivedi во фразе "dūṣaṇanyūnatādyuktiḥ" содержится очевидная ошибка переписчиков рукописей, по недоразумению попавшая и в печатный текст. Следует: "dūṣaṇaṃ nyūnatādyuktiḥ", как это предложил в своем издании текста трактата Бхамачи Р.В. Shastri. См. Р.В. Shastri, Kāvyaśālikāra of Bhāmahā, Tanjore, 1927, стр. 91 (далее - Shastri). Возможно и "dūṣaṇāni nyūnatādyuktiḥ", как это мы находим у Дхармакирти (см. прим. № 4).

4) Nyūyābindu, Ш, 138, Bibliotheca Buddhica, УП, (далее - NB).

5) Th. Stacherbatsky, Buddhist Logic, vol. II, стр. 252 (далее - BL).

6) Ф.И. Шербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. I, СПб, 1903, стр. 190.

- 7) NB , III, 139.
- 8) The Nyāyamukha of Dignāga , English translation by G.Tucci , Heidelberg, 1930, стр. 5-6 (далее - NM); H.N.Randle , Fragments from Dignāga , L. , 1926, стр. 29.
- 9) Ф.И.Шербатовской, цит. соч., стр. 191.
- 10) Nyāya-praveśa , ed. by A.B.Dhruva , Baroda , 1930, 8.I-4 (далее - NP).
- 11) NP , 8.6; там же, стр. 103.
- 12) Nyāyapraveśavṛtti , ed. by A.B.Dhruva , Baroda , 1930, 37.6.
- 13) Nyāyapraveśavṛttipañjikā , ed. by H.B. Dhruva, Baroda , 1930, 80.24-25, 27; стр. 101-102.
- 14) Bh. , V, 28; NB , III, 138. Cp. G.Tucci , Notes on the Nyāyapraveśa by Śāṅkarasvāmin , JRAS , april , 1931, "Bhāmaha and Dignāga, Indian Antiquary, july, 1930, стр. 145; Musashi Tachikava, A Sixth - century manual of Indian Logic (translation of the Nyāya-praveśa), Journal of Indian Philosophy, vol. I, N 2, 1971, стр. 129; cp. тарка Shastry, стр. 91.
- 15) NM, стр. 53, XIX.
- 16) NP, 8.1-2.
- 17) NB, III.139.
- 18) NM, 53.
- 19) G.Tucci, The Vāda-vidhi, The Indian historical quarterly, vol. IV, N 4, 1928, стр. 636-636.
- 20) Bh., V, 28.
- 21) См. Bh., V, 12.
- 22) Cp. Bhāmaha , Nyāyāṅkārā, Kashi Saṅskṛit Series, Benares, 1928, B.N.Sharma, B.Āpādhyāya, Introduction, стр. 45.

ИМЕНА ЛЮДЕЙ, СВЯЗАННЫХ С КНИЖНЫМ ДЕЛОМ, В ТАНГУТСКОЙ
КОЛЛЕКЦИИ ЛО ИВ АН СССР

Рукописи и ксилографы тангутской коллекции ЛО ИВ АН донесли до нас некоторое количество имен людей, так или иначе связанных с книгой. Задача данной статьи — рассмотреть эти имена в связи с той ролью, которую их обладателями играли в развитии книжного дела у тангутов.

1) Переписчики.

Обычно имя переписчика тангутской рукописи оформляется словом "написавший". Оно может стоять как перед именем, так и после имени переписчика.

В тех случаях, когда дело идет о переписке одной из популярных сутр, имя переписчика оформляется оборотом "светлый (буков. "чистый") канон переписавший".

Иногда встречаются имена переписчиков текста для ксилографов. Тогда имя переписчика оформляется оборотом "лицо печати написавший".

Значительная часть переписчиков — монахи, о чем свидетельствуют их монашеские имена. Иногда прямо указывается, что переписчик — монах.

Среди переписчиков встречаются люди, носящие известные тангутские фамилии. Например, фамилия Вэймин (фамилия тангутских императоров) встречается среди переписчиков два раза¹. Встречается и фамилия Лян — фамилия некоторых тангутских императриц².

Из собственно хара-хотинских фамилий привлекает внимание фамилия Ахуа³, встречающаяся и среди донаторов (см. ниже).

2) Резчики досок.

Имя резчика досок для тангутского ксилографа оформляется словом "вырезавший" или более сложно: "резьбу досок произведший".

Большинство фамилий резчиков досок тангутские, по-видимому, принадлежащие мастерам-мирянам. Только один раз мы встречаем указание на то, что резчик был монахом⁴. В одном случае имя и фамилия резчика — безусловно китайские: Шань Син-чжэн".

3) Переводчики, редакторы, составители, авторы.

Терминов, оформляющих в тангутских книгах имя переводчика, довольно много: слово "перевел", стоящее после имени переводчика, "на тангутский язык перевел", "перевел и сопоставил", "по приказу перевел".

Поскольку большую часть тангутской коллекции составляет переводная буддийская литература, большинство переводчиков - монахи. Из них особенно популярен Дэ-хуй ("Добродетельный и мудрый")⁶. Его имя встречается и в китайской части коллекции.

Дэ-хуй - представитель Ланьшаньской школы переводчиков. Кроме Ланьшаня, в тангутских книгах упоминаются еще два центра перевода религиозной литературы - Дингуаншань⁷ и Юйньшань⁸.

Функцию редакторов иногда брали на себя императоры. Это часто обозначало не фактическую редактуру, а лишь то, что император содействовал выходу книги в свет. Среди рядовых редакторов фигурирует тот же Дэ-хуй.

На тангутском языке часто составлялись компиляции из иностранных авторов на определенные морально-этические темы. Среди составителей фигурирует тот же Дэ-хуй, некоторые другие монахи и некто Цао Дао-ля⁹, может быть, не духовное лицо.

Из светских авторов могут быть названы Гуля Маоцай¹⁰ и Вэймин Ва¹¹.

4) Донаторы.

Многие тангуты, как и все буддисты считавшие распространение религиозной литературы благочестивым делом, заказывали переписку или перепечатку буддийских сутр.

В тангутской коллекции можно встретить, в качестве донаторов, представителей администрации Хара-хото, где были обнаружены все составляющие собрание книги. В их числе - начальник перевода¹², и правитель Хара-хото¹³. Встречается среди донаторов и упоминавшаяся выше фамилия Ахуа. Фигурирует среди них и такое известное во всем тангутском государстве лицо, как императрица Ло-ши¹⁴.

5) Роль тангутских императоров в переводе редакций и распространении буддийской литературы

Тангутские императоры с первых этапов существования государства покровительствовали буддизму. Их власть порой приобретала даже черты теократической монархии. Эта приверженность к буддизму объясняет то обстоятельство, что тангутские владыки

поощряли перевод на тангутский язык и распространение среди подданных буддийской литературы.

Особенно выделялся в этом отношении император Жэнь-сяо (1140—1193 г.г.). Он более других способствовал просвещению. Его эпоху по справедливости можно назвать золотым веком тангутской культуры.

Жэнь-сяо известен и как переводчик, и как редактор многих буддийских сочинений собрания ЛО ИВ АН. Достаточно сказать, что его имя упоминается в книгах тангутской коллекции не менее трехсот раз.

Как было сказано выше, тангутские императоры не только переводили и редактировали буддийскую литературу, но и распространяли ее. Жена Жэнь-сяо, императрица Ло-ши, "почтительно раздвала" (тангутское выражение) некоторые религиозные произведения¹⁵. Упоминается в этой роли и сам Жэнь-сяо.

-
- 1) Тангутский фонд (в дальнейшем Т.ф.), № 4771, 4862.
 - 2) Т.ф., № 5149.
 - 3) Т.ф., № 731.
 - 4) Т.ф., № 705.
 - 5) Т.ф., 4736.
 - 6) Т.ф., №№ 2521, 2561, 2838, 4090, 4336, 4940, 4994, 5149, 5253, 6983.
 - 7) Т.ф., № 2848.
 - 8) Т.ф., № 7909.
 - 9) Т.ф., №№ 146, 616, 799, 3947.
 - 10) Т.ф., №№ 214—218, 685, 4777.
 - 11) Т.ф., № 4358.
 - 12) Т.ф., 368.
 - 13) Т.ф., 916.
 - 14) Т.ф., №№ 87, 150.
 - 15) Т.ф., № 693.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ
В ДУНЬХУАНЕ

Известно, что в средневековом Китае монастырь, особенно крупный, представлял собой большое и богатое поместье. Общие сведения об этом можно найти в описаниях (寺志) ряда монастырей, находившихся в районах Южного Китая. Описания эти, как правило, состоят из нескольких разделов, в которых довольно подробно отражены многосторонняя деятельность монастырей, в том числе и их имущественно-хозяйственное положение. Конкретных же данных о том, как и какие доходы извлекались монастырями от своего хозяйства, в названных описаниях нет. В этом плане большое значение приобретают документы, которые были найдены в Дуньхуане.

Известное представление о масштабах и разнообразии хозяйства местных монастырей можно получить из рукописи S-542 (806 или 818 гг.), которая хранится в коллекции Британского музея. В этом документе приводится перечень лиц, которые были заняты на тех или иных работах в имевшихся в Дуньхуанском уезде монастырях. Виды работ и профессий раскрыты в пометках, сделанных к каждой фамилии. Так, например, в монастыре Лунсинясы значатся "туаньтоу", "чэтоу",¹ штукатур, мельники, плотник, пастухи, сторож склада, мастер по выделке кож, садовник и прочие. В перечне профессий и должностей, имевшихся в других монастырях, мы находим мастеров по изготовлению бумаги, войлока, виноделов. Некоторые лица значатся на ремонте складских помещений, обмолаоте зерна, на сенокосе и т. д.

Многочисленные приходо-расходные записи и финансовые отчеты, а также контракты и заемные документы различных типов, отражающие ведение хозяйства в буддийских монастырях в Дуньхуане, наглядно показывают какие большие материальные ресурсы имелись у них в виде запасов пшеницы, проса, бобов, растительного масла, муки, тканей и т. д.

Монастырские хозяйства имели хорошо налаженную систему учета. Даже те фрагментарные сведения, которые сохранились в дуньхуанских документах, свидетельствуют о хорошо поставленной отчетности. Нужно заметить, что ответственность за монастырское имущество бы-

ле поставлена на должную высоту. Монахам, заведовавшим монастырским имуществом - "чанчжу сэнь"², продуктами и предметами обихода, строже всего запрещалось брать их даже во временное пользование.

Одним из основных типов хозяйственных документов были приходорасходные книги, журналы - "почули" (破除歷). В них на протяжении всего хозяйственного года фиксировалась любая хозяйственная операция. На основании подневных записей составлялись сводные ведомости, суммировавшие приход или расход за определенные промежутки времени. Они служили и основным документом для составления годовых отчетов, которые "чжисуй" (自歲)³ в течение первой декады первого месяца следующего года представляли на утверждение общего собрания монахов.

В хозяйственных документах дуньхуанских монастырей, относящихся к периоду Гуицзянь (вторая половина династии Тан и период Удай), нередко встречаются термины "ляньцзы" (梁子), "ляньху" (梁戶) и "лянькэ" (梁課), которых в других китайских источниках мы не находим. Проф. Наба Тосисада, изучивший подробно эти документы, считает, что термин "ляньцзы" - это сокращенное от "юляньцзы" (油梁子), названия устройства применявшегося для выработки масла, масловыжимальный пресс. Что касается "ляньху", то это лица, которые занимались его производством, обеспечивая хозяйственные нужды монастырей. По этим документам установлено, что, например, дуньхуанские монастыри Саньцзэсы, Цзинтусы, Аньгосы и другие передавали право на эксплуатацию оборудования для производства масла отдельным работавшим на их землях крестьянам. В некоторых случаях ляньху были связаны с монастырями другими отношениями. Предоставляя оборудование и неся расходы по его ремонту и содержанию, монастыри получали готовую продукцию, которую ляньху производил из своего сырья. Кроме того, монастыри давали право ляньху на реализацию какой-то части продукции среди населения, а часть прибыли, которую последний получал от продажи масла, должен был отдавать монастырю в виде налога - "лянькэ".

Некоторые документы содержат сведения о том, что кроме масловыжимальных прессов, в монастырских хозяйствах имелись еще и водяные мельницы, которые также сдавались в аренду и составляли еще один из надежных источников дохода. Так, например, интересным документом, который касается одной из монастырских мельниц, являет-

ся рукопись из фонда Пеллио (P-3207), датированная 886 г. Это отчет настоятельницы монастыря Аньгосы о ежедневных расходах. В нем говорится о расходах на ремонт плугов, починку жерновов, о расходах на обслуживающий персонал и т.п. Несколько документов, содержание которых связано с эксплуатацией мельниц сохранилось и в ленинградской коллекции (Дх-1443, Дх-1448 и др.). Кроме монастырей мельницы имелись и у отдельных землевладельцев. Косвенное упоминание об этом мы находим, например, в Дх-11068.

По аналогии с лянху, по-видимому, следует понимать и такие термины как "вэйху" (硨戶) - мельник и "цзюху" (酒戶) - винодел. Очевидно на тех же условиях монастыри передавали право на эксплуатацию своих мельничных и винодельческих хозяйств.

Какую-то долю доходов приносил монастырям и налоговый иммунитет, который служил магнитом для определенной части земледельцев. Обычно это были крестьяне, которые брали в аренду землю у своих односельчан, а для того, чтобы избежать государственных повинностей и налогов, они записывались в монастыри, получали монашеское имя и платили последнему монастырский налог - "сыка" (寺課). В дуньхуанских документах эта категория псевдомонахов, известная нам из нарративных источников под названием "вэйлянсэ" (偽濫僧), обозначается терминами "тяньдисэ" (田地僧), "дичжусэ" (地主僧) или "бэйсипсэ" (百姓僧).

Надо думать, что сам факт распространения влияния буддизма во всех слоях китайского общества тоже составлял важный и все возрастающий источник дохода. Так, например, среди дуньхуанских документов сохранилось много сведений, в которых зарегистрированы различного рода пожертвования, поступавшие от буддистов-мирян в форме дара, завещания и т.п. Немало средств стекалось в монастыри за непереносимое участие монахов-буддистов в заупокойных службах и погребальных церемониях, которые сопровождались чтением специальных "спасительных" сутр и молитв. Наконец, среди прочих статей этой части доходов монастырского хозяйства следует назвать щедрые дары, которые поступали от местных правителей и членов их семей, а также от богатых землевладельцев. Сохранились документальные свидетельства о том, что в форме дара дуньхуанские монастыри получали землю, дома и мельницы.

1) При монастырских поселениях все взрослое трудоспособное население было разбито на отдельные производственные группы -

"туань". Каждая такая группа насчитывала в своем составе до десяти и более человек. Возглавлялась она "туаньтоу" (團頭) - старшиной группы. Кроме туаньтоу была еще одна должность - "чэтоу" (車頭), который, по-видимому, нес ответственность за содержание и организацию транспортного хозяйства.

2) Все монастырское имущество, составлявшее собственность буддийских общин, собирательно обозначалось термином "сань бео у" (三寶物 - "вещи трех драгоценностей"). Под этим термином понимаются три вида ценностей, которые составили материальную базу буддийского учения и обеспечивали его распространение: "фо у" (佛物) - имущество от пагод и статуй Будды до разнообразных предметов, употреблявшихся при совершении служб и ритуальных жертвоприношений; "фа у" (法物) - предметы, необходимые для проповедования учения Будды, от одеяний монахов и сутр до различной утвари; и наконец, "сэн у" (僧物) - имущество самих монахов. В понятие "сэн у" в противоположность предметам, предназначенным для отправления исключительно культовой стороны буддизма, входят, в частности, продукты и средства производства, которые постоянно необходимы для обеспечения жизненных условий монахов, т.е. жилые помещения, различная хозяйственная утварь, поля и сады, зерно и скот, а также обслуживавшие монастыри и их хозяйство слуги. У китайских буддистов все это имущество обозначалось термином "чанчжу у" (常住物), буквально "постоянное имущество". Отсюда и такие термины как: "чанчжу тянь" - монастырская земля, "чанчжубу" - материал, ткани, "чанчжуну" - рабы, слуги, "чанчжу байсин" - монастырские крестьяне, крепостные, "чанчжу ню" - скот, "чанчжу чжуан" или "чанчжу чжуантянь" - монастырские поместья и т.д.

3) Административно-должностное лицо из монахов, назначавшихся поочередно на год для ведения общих дел монастырского хозяйства. Их функции, начиная с ведения учетной и финансовой документации, распространялись и на чисто хозяйственные вопросы, связанные с состоянием различного оборудования, утвари, строительством и ремонтом жилых и культовых помещений, контролем за организацией сельскохозяйственных работ и т.п.

ОБ ОДНОМ ИЗ ПЕРЕПИСЧИКОВ ЛИТОГРАФИРОВАННЫХ КНИГ

В издании литографированных книг в Иране принимали участие сотни переписчиков, среди которых было немало прекрасных мастеров своего дела. Этой работе некоторые из них посвятили всю свою жизнь. Одним из таких каллиграфов был Саййид Муртазā ал-Хусайнī ал-Барағāнī (Муртазā Барағāнī, Муртазā ал-Хусайнī, Мир Барағāнī).

Упоминание о Муртазā Барағāнī имеется в заметках Мухаммада Казвīнī, где говорится, что он был известным переписчиком печатных книг, выходивших в Бомбее и Тегеране, и что он был жив в 1339/1920-21 гг. (дата одного из изданий). Это и ремарка в VI т. Мешхедского каталога "наста'лик-и хуб" ("хороший насталик") - все, что написано об этом каллиграфе.

Работа Муртазā Барағāнī в литографировании продолжалась почти 50 лет: в промежутке между 1299-1347/1881-1929 гг. Последние известные нам издания, в которых он принимал участие - это напечатанная по заказу Министерства просвещения Ирана в 1306/1346/1927 г. в Бомбее школьная хрестоматия из серии "Лавāли ал-адаб" ("Жемчужины литературы"), переписанная Барағāнī в джумади I 1346/ноябре 1927 г., и "Дивāн" Сафī-Али-шаха, опубликованный в 1347/1928-29 гг.

Почерк Саййида Муртазā - мелкий красивый аккуратный насталик (нам не встретилось ни одного небрежно переписанного текста), наиболее выигрышно он выглядит в бомбейских изданиях, по технике литопечати неизменно превосходивших тегеранские. В упоминавшейся "Лавāли ал-адаб" почерк Муртазā Барағāнī безукоризнен, несмотря на почтенный возраст каллиграфа: ему в это время должно было быть много более 60 лет.

Точное количество переписанных Муртазā Барағāнī книг установить трудно, нам известно о существовании 61 издания с его участием, 43 книги из этого числа изучены автором этих строк.

Муртазā Барағāнī не был просто переписчиком с красивым каллиграфическим почерком. Он выступал в роли комментатора переписываемого текста, создателя публикаций и, наконец, автора.

Первые опыты Сайида Муртаза̄ относятся к 1299-1301/1881-84 гг., когда он переписал несколько сказок для дубочных изданий: "Гург ва рӯбӯх" и "Хайдар-бийк" в 1299/1881 г., "Ҳала сӯска" в 1300/1883 г., а также "Тухфат ал-мулӯк" в 1301/1883-84 г.г. В этих книжках еще не проявился талант Сайида Муртаза̄. Более серьезной работой каллиграфа была, как нам представляется, переписка для литопечати дивана Партоу Исфаханӣ (ум. между 1301-1304/1883-1887), опубликованного в 1304/1887 г. поэтом Самар ал-Ансарӣ, который подобно другим издателям, не упустил случая опубликовать зводно и свои собственные стихи. Книга была литографирована в государственной печатне, качество печати не очень высокое. В колофоне Сайид Муртаза̄ сообщает, что его, еще совсем молодого человека, заметил издатель дивана Самар ал-Ансарӣ. О последнем он говорит похвальные слова, но нам важно, что встреча каллиграфа и издателя произошла в Исфахане. В колофоне к "Шāх-нāма", литографированному в Бомбее в 1308-1315/1890-97 гг. печатней "Нāсирӣ", Муртаза̄ Барагāнӣ также отмечает, что тома I-II-III поэмы он переписал в Исфахане, из чего мы можем сделать вывод, что несколько лет Муртаза̄ Барагāнӣ жил в Исфахане и работал по заказам бомбейских литопечатен. В 1308-1312/1890-91 - 1894-95 гг. в Бомбее были опубликованы, кроме "Шāх-нāма", еще шесть книг, переписанных Барагāнӣ: биографии шейхитов Ахмада Ахсā'ӣ ("Шарх-и хāлāt-и Шейх Ахмад Ахсā'ӣ", 1310/1893 г.) и Мухаммад-Карим-хāна Кирмāнӣ ("Тазкират ал-аулийā", 1313/1895-96 гг.), бехантский трактат "Асрār-и гайбийя" (1310/1892-93 гг.), "Гулистāн" Са'дӣ (1310/1893 г.) и сочинения Абӯ-л-Хасана-мирзā Шайх ар-Ра'иса ("Мунтахаб-и нефīs", 1312/1894-95 гг. и "Иттихād-и ислам", б.г.).

В эти годы Муртаза̄ Барагāнӣ впервые выступает в роли издателя: он снабдил примечаниями и послесловием "Гулистāн", в содружестве с автором составил сборник стихов и прозы известного политического деятеля Шайх ар-Ра'иса под названием "Мунтахаб-и нефīs йā Дивāн-и Шейх ар-Ра'ис", к сборнику Муртаза̄ Барагāнӣ приложил написанную им биографию Шайх ар-Ра'иса. К позднее переписанной им работе шейха о современной роли ислама "Иттихād-и ислам" каллиграф в послесловии дал дополнение к биографии автора. Незадолго до смерти Шайх ар-Ра'иса (в 1919 г.) Муртаза̄ Барагāнӣ вернулся еще раз в 1335/1916 г. к его творчеству. В новом сбор-

нике переписчик объединил стихи, проповеди и ответы верующим Шайх ар-Ра'иса, и, кроме того, поместил впечатления и стихи о шейхе его современников (Вус'ут ад-Даула, Адйбе Пиндварй, Муллэ Дб'уда, Шурйда).

Возвращение к какому-либо произведению или к любимому автору - характерная черта Сеййида Муртазэ. Он три или четыре раза издавал "Гулистан" Са'дй, дважды обращался к дивану Сафй-'Али-шэха, своего старшего современника (поэт умер в 1316/1898-99г.), трижды, как мы видели, готовил произведения Шайх ар-Ра'иса.

Со второй половины 90-х годов XIX в. Сеййид Муртазэ Барэганй связан с тегеранскими литопечатнями. Переписанные им книги издавались в печатнях литографов Сеййида Муртазэ, наследника Мир-Бэкира, Мирзэ 'Али-Асгара, Машхадй Худдэда, 'Абд ар-Рахима, в 20-е годы XX в. - "Идми" и "Икбэл".

Тематика переписанного им материала широка: комментарий к Корану ("Байбн ас-са'адат", автор Муллэ Султэн-'Али, 1314/1896-97 г.) и сочинения по современному политическому проблематизму ("Теббэй' ал-истибад", Кавэкабй, 1326/1908 г. и "Хукук-и бейн ал-милал-и 'умушй", автор Сиддик Хазрет Мухаммед Музэхир, 1329-30/1911-12 гг.), арабское сочинение по фикху современного автора "Шафранджийа", 1320/1902-03), шиитские агиографические и теологические труды ("'Айн ал-ахсан" Исфандийара Пёрсй, 1320/1902-03 гг. и "Рисале-йи шараф" Шайхе Хашимй, 1321/1903-04 гг.) и сочинения по зороастризму перса Кайхусрава Кирманй ("А'ина-йи а'ин-и Маздаяснй", 1325/1907 г. и "Фурут-и Маздаяснй", 1327/1909 г.), диваны и поэмы ("Диван" Сафй-'Али-шэха, 1320/1904, 1347/1928-29 гг. и приписываемая 'Аттэру "Мазхар ал-'аджэ'иб", 1323/1905-06 гг.) и большое число учебников ("Китэб-и 'Али" Йахйи Даулетабдй, 1317/1899-90, "Тэрих-и мухтасар-и Йунан" Викторэ Дуруи, 1319-21/1901-03 гг., "Ус'ул-и 'илм-и хисэб" Мифтэх ал-Мулкэ, 1328/1910 г. и др.).

Продолжается издательская деятельность Муртазэ Барэганй. В 1322-23/1904-05 гг. он опубликовал популярное историческое сочинение "Му'джам фй ас'ар-и мулк ал-'аджам". Этот средневековый труд по традиции переписывался почерком шикасте, довольно трудным для понимания, Муртазэ Барэганй переписал его насталиком и снабдил огласовками и заметками на полях. Он снова издает "Гулистан", предназначая его для учебных целей. Из этого издания мы узнаем, что он сам составил учебник по каллиграфии "Бидайя-йи

Сейид" о почерках насх, насталик и шикасте и что скоро должен выйти из печати также им подготовленный букварь "Алифбэй" для начального обучения.

Со второго десятилетия XX в. и до конца жизни деятельность Муртазэ Барагэни связана почти исключительно с литографированием учебных пособий. Его легкий для чтения почерк был весьма кстати в такого рода изданиях. Нужно заметить также, что в этот период сузилась сфера применения литографии, которая все более вытесняется наборной печатью. Некоторые из переписанных Барагэни учебников литографируются в Бомбее, и эти издания позволяют нам полностью оценить талант этого выдающегося каллиграфа.

Кроме учебной литературы в последние годы жизни Муртазэ Барагэни переписал также; упоминавшийся сборник произведений Шайх ар-Ра'иса (1335/1916 г.), "Кимийэ-йи са'эдат" Газзали (1337/1918-19 гг.), "Нафсат ал-масдур", историческое сочинение XIII в. (переписано в 1341/1922 г., литографировано в 1307/1928 г.), "Диван" Сафий-Али-шаха (1307/1347/1928-29 гг.).

Дата смерти Сейида Муртазэ Барагэни неизвестна.

З.А.Осупова

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ НА ЮЖНОМ НАРЕЧИИ КУРДСКОГО ЯЗЫКА

Южное наречие курдского языка (сорани), охватывающее большую группу говоров курдов Ирака, мало изучено. Особое место в этой группе занимает сулеманийский диалект, легший в основу литературного языка Иракского Курдистана.

На южном наречии курдского языка, в его сулеманийском варианте, издана и продолжает издаваться богатейшая литература - сборники известных курдских поэтов, произведения художественной прозы и устного народного творчества, периодическая печать и научные исследования. Однако созданная на этом наречии литература по сей день для специалистов остается малодоступной.

В свете вышеизложенного представляется небезынтересным публикация образцов фольклорных текстов на южном наречии, собранных и изданных курдскими учеными в Ираке¹. Текст (в принятой курдоведе-

ми Бедирхановской транскрипции) и русский перевод публикуются впервые. Думается, что предлагаемый материал вызовет интерес не только у языковедов, но и у фольклористов.

I

1. Kabrayekî kurd jinêkî hebû. 2. Hemû car be darêkewe ber ebûwe ser-u-gwîlakî dayepiloğî w kabrayê hiç deretanêkî nebû. 3. Fikrî kirdewe biçête lay mela şkat lem jiney bika. 4. Melayek le gundekeyana bû çû bo lay. 5. Ke geştê ber qapî malî mela sey-rî kird le jûrewê zîrî-u-kute w mela hate derewe w destî girtû-we be seriyewe. 6. Ke çak temaşay kird tumez melajîn be qapqapê-kewe hatote wêzey mela w hemû ser-u-beçkî şkandûwe. 7. Kabra ke emey di lûs-u-barîk be şwênekey xoya geřayewe. 8. Lew katêda mela çawî pêkewt , bangî kird: "were biram bizanîm îşit çîye?" 9. Ewiş wutî: "qurban du'ay serî to, hiç îşim nebû". 10. Wutî: "nabê, be îş nît, ke hatûyt". 11. Wutî: "welle ewî rastî bê hâ-lîm şîr bû be dest jinekemewe, hemû car be dardestekê têr u pi-îim lê eda, wutim ba biçim lay mamosta, şkatî lê bikem, seyrim kird mamosta eme haliyetî, wutim ke wate ba bigerâmewe". 12. Me-la wutî: "biço pê bilê bew kawliye heqî niye be dardestek lêt bida, şer' efermê her heqî qapqapyan heye u hiçî tir". 13. Kab-ra wutî: "ke wate dek mubarek nebê "

II

1. Dû kabray kurd hebûn , yekêkyan Azadî naw bû, yekêkyan Şerzad. 2. Herdûkyan palewan u becerig bûn. 3. Be sepanî çûne lay kabrayekî tir. 4. Şewê eman lem diw xermanekewe nûstibun, kabray xawexermanîş lew diwewe , le niweşewa diz dête seryan. 5. Kabray xawexerman be aga dêt n nawêre deng bika. 6. Dest eka be wuêne kirdin, le ber xoyewe elê: parem bibwaye, jinekim bihênaye, dû kuîrim lê bibwaye, yekekim naw binaye Azad, yekekî Şerzad. 7. Ke egate Azad u Şerzadeke be qaimtir eylet . 8. Azad u Şerzad le xeweke raşperîin u dizekan egirin.

III

1. Askî negiraw ebexşê.
2. Be derzî bir helnakendrê.
3. Be destî xeliq mar egrê.

4. Berd le cêy xoy sengîne.
5. Berdî piçûk ser eşkênê.
6. Çake bike w bîde be dem awewe.
7. Dilî kes meyeşêne, ke yeşanî bêendişe mebe.
8. Dîro hêştî le dem derneçûwe loqe ekat,
9. Do ta neyjenî kere nadat.
10. Eger gul nît di rîkîş mebe.
11. Gom heta qûl bê mele y xoşe.
12. Hêlkey îmrô le cûçikî sibeynê baştire.
13. Heta hete 'alem birate.
14. Ta jîr birî kirdewe, şet le aw peşîyewe.
15. Hemû kesêk goştîxore her nawî gurg bednawe.
16. Lafaw le tîke-tîke peyda ebê.
17. Melayetî çî asane însan bûn çî girane.
18. Qerz kon ebê nafewtê.
19. Qedri mang nîye ta negate şew.
20. Şer bimşkenê nek rêwî bimxwat.

I

I. У одного курда была жена. 2. Она то и дело кидала ее на него с палкой и колотила его, и не было этому человеку никакого спасения. 3. Решил он пойти к мулле и пожаловаться ему на жену. 4. Был в их деревне один мulla, к нему и пошел он. 5. Подходя к воротам дома мulla, он /вдруг/ увидел, как изнутри /дома/, держась за голову, с грохотом выбегает мulla. 6. Вглядевшись хорошенько, он, к своему удивлению, /видит/: мullу настигает жена и, бросившись на него с деревянным башмаком, начинает нещадно бить его по голове и лицу. 7. При виде этого мужчина молча повернул обратно. 8. Но тут его заметил мulla и окликнул: "Братец, поди сюда, что тебе надобно?" 9. А тот отвечает: "Да нет, клянусь тобой, ничего мне не надо". 10. /Mulla/ говорит: "Нет, раз уж пришел, то видно не без дела". 11. /Тот/ отвечает: "Если уж говорить правду, то, ей богу, жизнь моя в руках жены стала просто невыносимой, она постоянно бьет меня палкой, /вот/ я и сказал /себе /: пойду-ка я к мulle и пожалуюсь на нее, /но/ увидев в каком положении сам учитель, я сказал /себе /: раз так, вернусь-ка я обратно". 12. Mulla сказал: "Пойди и скажи этой злосчастной, что она не в праве бить тебя палкой. Согласно шариату, им (т.е. женам) дозво-

лено /бить мужей/ только деревянным башмаком и ничем другим!"
13. Мужчине сказал: "Коди тек, да будь он проклят!"

II

1. Были два курда, одного из них звали Азад, другого из них - Шерзад. 2. Оба они были сильными и смелыми. 3. Пошли они в батраки к одному (в тексте: другому) человеку. 4. Как-то ночью, /когда/ они спали по одну сторону кучи обмолоченного зерна, а хозяин зерна - по другую, к ним в полночь подкрался вор. 5. Хозяин зерна просыпается, но сказать что-либо не решается. 6. /Тогда/ он начинает бормотать про себя: "Будь у меня деньги, привел бы я жену, родилось бы у меня два сына, одного я назвал бы Азад, а другого - Шерзад". 7. Дойдя до /слов/ "Азад и Шерзад", он прожужжит их /как можно/ громче. 8. Азад и Шерзад просыпаются и хватают вора.

III

1. Дарит непоиманную газель.
2. Иглой колодца не выкопаешь.
3. Камень тяжел /только/ на своем месте.
4. Ловит змея чужими руками.
5. Маленький камень голову прошибает.
6. Сделай добро и пусти по воде.
7. Не причиняй никому боли, а если причинил, знай меру.
8. Дождь еще не успел сорваться с уст, а уже пустилась вскачь.
9. Пахту не потрясеешь, масла не получишь.
10. Раз уж ты не роза, то не будь и колдочкой.
11. Чем глубже озеро, тем приятнее плавать в нем.
12. Сегодняшнее яйцо лучше завтрашнего цыпленка.
13. Пока ты богат весь мир тебе брат.
14. Пока умный думал, дурак реку переплыл.
15. Каждый ест мясо, но только волк слывет кровожедным.
16. Поток обрывается из капель.
17. Как легко быть ученым, /и/ как трудно быть человеком.
18. Долг стареет, но не исчезает.

19. Луна не имеет цены до наступления ночи.

20. Пусть /лучше/ сломит меня лев, чем съест мяса.

I) Тексты I и II взяты из сборника курдского фольклора, изданного в Багдаде известным курдским литературоведом А. Суджади (علاء الدين سجادی، رشتہ می مرواری، بہرگی دوووم، بہغراء، ۱۷۱-۱۷۰، ۱۹۵۸-۱۹۵۷)، текст II - из сборника курдских пословиц и поговорок, собранных и опубликованных курдским ученым-языковедом М. Халем (محمد خال، پەندی یتشینان، ۱۹۵۷، بہغراء، ۱۹۵۷).

И С Т О Р И Я

О. Д. Берлев

НЕ ЗАМЕЧЕННЫЙ ДО СИХ ПОР ФИНИКИЗМ В ОТЧЕТЕ ВЕНАМУНА О ПОЕЗДКЕ В ЕГИПТ

Наука вправе ожидать, что в языке знаменитого отчета Венамуна о поездке в Финикию в 24–26 годах царствования Рамсеса XI (ср. S. Donadoni, *Fonti indirette della storia egiziana*. Roma, 1963, стр. 52–55) обнаружатся следы долгого пребывания этого эмирсара правителя Верхнего Египта Херихора в самом центре финикийского мира. Однако до сих пор в богатом материале семитских (ханаанейских) слов и имен в отчете Венамуна не выявлено ничего специфически финикийского. Тем интереснее указать на первый и единственный пока несомненный финикизм.

Речь пойдет собственно об имени царя Библи, дважды зафиксированном Венамуном как $\text{ḫkrb}^{\text{c}}\text{r}$ (I, 16–17; I, 29). Уже первые исследователи отчета распознали в этом сочетании согласных ханаанейское имя известного образца zkr-N "вспомнил такой-то бог", что давало возможность осмыслить имя как $\text{ḫkr-b}^{\text{c}}\text{r}$ "вспомнил Ваал" и прочесть его как "Закарбаал". Это чтение, разумеется, не имело целью воссоздать звучание финикийского имени так, как его слышал Венамун, и в какой-то мере оно является условным. Тем не менее оно получило всеобщее, за единичными исключениями, и повсеместное признание и широко используется на протяжении последних 70 лет. Не будучи семитологом, я не стану касаться вопроса воссоздания подлинного звучания имени, но остановлюсь на одной специфически финикийской особенности консонантизма первого элемента имени — ḫkr .

Если бы этот элемент имел вид * $\underline{d}kr$, в истолковании имени по указанному выше образцу никто бы не уоумился. В данном же случае налицо оказывалось неполное соответствие между египетской записью имени и ее предполагаемым семитским прообразом. Семитский звонкий в начале имени оказывался приравненным к египетскому глухому. Это обстоятельство породило у некоторых сомнения в рассмотренной выше этимологии имени. Была предложена другая, увязывающая элемент $\underline{t}kr$ с этнонимом $\underline{t}kr$ (предположительно $sikeloi$ "онцилийцы"; литературу см. у В.В.Струве, Яфетический сборник VI, 1., 1950, стр. 96, прим. 2). Впрочем эта неудачная попытка только подчеркнула превосходство прежней этимологии, безупречной во всех отношениях, кроме несоответствия начальных спирантов.

Это несоответствие могло объясняться двойкой природой ханаанейского \underline{z} , вообразившего в себя, как это ясно из сравнения с арабским, и звуковое соответствие арабской буквы $\underline{z}h$ - \underline{z}_1 , и соответствие буквы $\underline{z}h'$ - \underline{z}_2 . Если \underline{z}_2 передавался в египетском всегда звонким (по происхождению; во времена Венамуна, очевидно, полувонким) \underline{d} , то \underline{z}_1 мог соответствовать египетскому глухому \underline{t} , нормально передававшему ханаанейское \underline{z} (ср. W.H.Worrell, *Coptic Sounds*, Ann Arbor, 1934, p. 48).

Как бы там ни было, причина несоответствия в другом. Собственно, загадка в том и состоит, что несоответствия нет. Глагол "вспоминать", "помнить" в финикийском языке начинается не звонким зубным спирантом, а соответствующими глухими: \underline{skr} (Ch.-F. Jean et J. Hofbijzer, *Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest*, Leiden, 1965, стр. 76-77). Из всех ханаанейских языков эта особенность свойственна одному финикийскому. Венамун, следовательно, должен был слышать имя царя Библа как $\underline{skr}-b^c1$, что никак иначе, кроме как $\underline{t}kr-b^c1$, он передать не мог. Стало быть, египетское \underline{t} соответствует в этом имени финикийскому \underline{s} . Налицо, таким образом, бесспорный финикизм.

В заключение хотелось бы указать на то, что если Венамун воспринимал имя царя как $\underline{skr}-b^c1$, то и нам следует соответственно исправить традиционное чтение имени царя, каким бы условным оно ни было.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЦЕНТРАЛИЗАТОРСКОЙ ПОЛИТИКИ, ПРОВОДИВШЕЙСЯ ДРЕВНЕКИТАЙСКИМИ ЦАРСТВАМИ В ПЕРИОД ЧУНЬЦЮ

Обострившийся в годы Чуньцю антагонизм обширных привилегированных семейно-родственных групп и центральной власти неоднократно побуждал последних прибегать к различным мерам, имевшим целью воспрепятствовать распространению внутри царств автономных территориальных образований, подчиненных "кланам".

Так, для ряда царств источники отмечают появление стабильной и четко регламентированной системы раздачи в кормление определенных административных районов под условием службы. Кормленник получал во владение доходы с этих районов, но, в отличие от главы "клановой" территории, пользовался своими правами временно, только на тот период, когда занимал определенную должность. Отсюда столь обычная для восточночжоуских летописных текстов формула: "отдал свои поселения и отказался от должности" или "отдал свои поселения и вернул печать", которая применялась в сообщениях об отставке крупных сановников высших царств. Сохранились данные о том, что в период Чуньцю размеры таких кормлений строго соответствовали положению чиновника в административной иерархии. В ряде случаев отношения "местных владетелей" к переданным им территориям не ограничивались присвоением дохода, ранее причитавшегося правителю. Пожалоование территории могло быть связано и с передачей публичной власти над людьми, жившими на ней. Об этом свидетельствует текст дарственной грамоты на колоколе "Ну И чжун"

叔夷鐘, отлитом в царстве Ци в сер. VI в. до н.э.:
"Я дарю тебе столичную область /владения/ Ли, а также X и Y, в них 300 сяней.¹ Я приказываю тебе управлять /владением/ Ли и принять его в виде пожалования, четыре тысячи работников будут в твоём распоряжении ... Я дарю тебе коней и колесницы, военное снаряжение и оружие, а также 350 семей зависимых лю² на /владения/ Ли, чтобы ты начал оборонительные мероприятия". Владение Ли, как было установлено современными исследователями идентично известному по летописным данным владению Лей, аннексированному царством Ци в 567 г. до н.э. Уступая вновь присоединенную

область своему сановнику, циский царь; как об этом свидетельствует текст грамоты, передавал ему полномочия по управлению ее населением. Поскольку в грамоте детально говорится лишь о количестве людей разных категорий зависимости, поступивших в распоряжение Шу И, создается впечатление, что в такого рода пожалованиях на первом месте стояла передача власти над людьми. Между назначенным царем "местным владетелем" и населением переданной ему во временное управление и владение территории устанавливались отношения подданства, подвластности. Реализуя эти отношения "местный владетель" получал натуральный или денежный доход, который на фактически, на по форме не отличался от государственного налога. Поскольку в период Чуньцзо объектом царских пожалований служили определенные комплексы прав и полномочий, которыми сам царь располагал по отношению к своим подданным, в качестве кормления могли выступать не только административные районы, но и любые поступления царского фиска. Так, летописники упоминают о передаче приближенным циского и сунского правителей тех сборов и податей, которыми облагались торговцы на рынках и проезжающие через таможенные заставы.

Следует отметить, что ко второй половине периода Чуньцзо в кругах, поддерживавших централизаторские тенденции, проявившиеся в политической жизни разных царств, складывается убеждение в необходимости всемерно ограничивать и жестко регламентировать передачу в кормление территорий и подданных. Источники этого времени полны известий о спорадических мерах верховной администрации царств против "клановых" территорий, принимавших часто форму прямых отторжений. С сер. VI в. до н.э. появляются данные, указывающие на то, что борьба с политическим влиянием "кланов" на местах становится в разных царствах элементом регулярной административной практики. Так, в царстве Чжэн наступление на привилегии "кланов" осуществлялись в связи с государственными нововведениями в области землепользования. В летописной записи о первом этапе реформ, относящейся к 563 г. до н.э., сказано: "Вначале Цзы-сы установил /межевые/ каналы на полях, кланы Сы, Ду, Хоу и Цзы-ши утратили поля" (Цзо-чжуань, 10-ый год Сян-гуна). Неясно, в чем заключался смысл проведения новых межевых каналов. Но если иметь в виду те перемены, которые происходили тогда в аграрном строе других царств, вполне обоснованным будет предположение, что за нововведением Цзы-сы скрывалось уничтожение больших государственных полей, переданных некогда во владение "кланам" и обрабатывав-

шихся с помощью государственной барщины. Значительным своеобразием отличались методы борьбы с политической автономией "кленов" в царстве Цзинь. К сер. VI в. до н.э. в государственной жизни страны все большую роль начинают играть основные семьи, не связанные родством с правящим домом. Политический вес членов этих семейств определялся только занимаемой должностью, а благосостояние зависело от размеров служебных кормлений. Длительные распри между разными группировками наследственных обладателей высших административных постов в царстве Цзинь привели к почти поголовному истреблению или изгнанию многих родовитых "кленов" и "кленов", основанных представителями правящего дома. Тем не менее, "кленовые" территории занимали еще довольно значительную часть царства Цзинь. По данным летописного рассказа о посольстве в царство Чу цзиньских сановников Хань Ци и Шу Сяна в 537 г. до н.э., в царстве Цзинь, где основной массив земель был организован в соответствии со стабильной системой территориально-административных областей - сяней, имелись и не входившие в эту систему районы, подчиненные "кланам" (Цао чуань, 5-ый год Чжао-гуна). Однако такое положение сохранялось недолго. По словам летописи, "Осенью (514 г. до н.э.) умер Хань Сянь-цзы и управление /царством Цзинь/ перешло к Вэй Сянь-цзы. Он разделил поля клана Ци на семь сяней, а поля клана Ян-шэ разделил на 3 сяня" (Цао чуань, 28-ой год Чжао-гуна). Таким образом, "кленовые" территории государственным актом были присоединены к основному массиву земель царства Цзинь. Перевод территорий в разряд обычных административных единиц означал очевидно не только изъятие сидевшего на них населения из под власти "кленов", но и вообще перемену их социально-политического статуса. Сяни, впервые упоминаемые как элемент территориально-административной организации царства Цзинь в 627 г. до н.э., сначала учреждались на вновь присоединенных землях, но впоследствии система сяней охватила все царство. Сяни могли быть объектами царских пожалований и кормлений представителей царской администрации. Однако даже в том случае, если эта территориально-административная область передавалась кому-либо в кормление, административную власть в ней осуществлял царский управитель - дайфу 大夫. Иногда кормленщик и управитель могли, по-видимому, соединяться в одном лице. Но как бы там ни было, сяня в царстве Цзинь всегда был стабильной частью общей системы государственной организации и постоянно выходил под непосредствен-

ным контролем высшей административной власти. Повинностное население царьских сянй трудилось на общецарских работах, а выставленные сянйи военные отряды входили в качестве регулярных формирований в общецарскую армию.

1) Сянй ~~сянй~~ - название территориально-административной области, появившееся в памятниках периода Чуньцзя.

Я.В.Васильков

К РЕКОНСТРУКЦИИ РИТУАЛЬНО-МАГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ЦАРЯ В АРХАИЧЕСКОЙ ИНДИИ

Как известно, в брахманском ритуале царю отводилась пассивная роль "заказчика" (уајаmāna); он представлялся лицом вполне "мирским" и занимавшим подчиненное положение по отношению к брахманам - "земным богам". Основывавшийся на ортодоксально-брахманских текстах Л.Грей, суммируя сведения о функциях и статусе древнеиндийских царей, писал: "Ничего, даже отдаленно напоминающего фигуру царя-жреца мы не находим в арийской Индии"¹.

Однако, и в брахманских текстах подчас встречается противоречие этой картине признания "божественности" царя: он "восседает на троне Индры", в нем "воплощены 8 /богов-/ хранителей мира" (Ману, 5.93,96). Очевидно, впрочем, брахманская тенденция перевести уподобление царя Индре в условный плен: царю рекомендуется лишь "вести образ жизни,.... достойный Индры...и других богов" (Ману, 9.303,304; ср. Марк.пур., 27.21-26).

Тем не менее, описания "царских" обрядов, сохранившиеся в древнейших текстах брахманской традиции, свидетельствуют о том, что некогда мифологическая связь царя с Индрой носила вполне конкретный характер. В Айтарейя-брахмане (7.14) недвусмысленно указывается, что ритуал царского посвящения имел своей моделью мифический обряд помазания Индры на небесное царство. Царь после посвящения считался воплощением божеств стран света и, в первую очередь, их главы - Индры². В Ригведе имеются сведения о существовании другого "царского" обряда, имевшего целью стимуляцию плодородия; при этом обряде царь также воспроизводил действия Индры:

убийство им демона засухи Вритри и оплодотворение бесплодных жен демона (то есть, земля) ³.

Царь, таким образом, мыслился частичным воплощением и магическим двойником "небесного царя". Функция царя в общественном ритуале, очевидно, должна была соответствовать основной мифологической функции Индры, предводителя клана богов, состоявшей в магическом обеспечении благополучия коллектива в двух аспектах: 1) военном, 2) в смысле плодородия.

В памятниках древнеиндийской эпической традиции можно выделить ряд мотивов, свидетельствующих о том, что в архаической Индии плодородие земли мыслилось прямо зависящим от личности и ритуальной деятельности царя.

"Хорошее царствование" в эпосе всегда характеризуется тем, что Парджанья (Индра) "в срок" проливает дождь, то есть, муссон приходит своевременно (Мбх. I.587 ; 62.10; 102.2; 127.18,19,21; 2.30.2,5; Рам., 7.70.10; Марк.пур., II9,16), земля родит обильные урожаи. В царствование "хорошего царя" не бывает засухи (Марк.пур. 109.7). Исконная форма данного мотива отражена эпическим афоризмом, гласящим, что в стране, где нет царя, нет и дождя (Мбх., I.99.40), Парджанья не орошает землю (Рам., 2.67.9). Уход царя вызывает засуху, дождь проливается только по его возвращении (Мбх., I.163.14,15,18); другая причина засухи - узурпация престола и изгнание законного царя; по восстановлении справедливости Индра проливает дождь (Вишну-пур., 4.3.13,14; 4.20). В ряде случаев авторами эпоса вполне осознается зависимость выпадения осадков от ритуальной деятельности царя: засуха происходит по некоему упущению царя (очевидно, в ритуале; Рам., I.9.8); подданные во время засухи требуют от царя, чтобы он заставил бога пролить дождь (Джатаки, № 276, 526); царь вынуждает бога пролить дождь во время засухи (Мбх., 3.126.39).

Следовательно, в архаической Индии существовал институт "сакрального царя", характерный для ряда первобытных земледельческих обществ. Эпические материалы проливают свет и на конкретный характер магических действий "сакрального царя". В эпосе царям предписывается прежде всего приверженность "тапасу", т.е. особой аскетической практике (определенно не-брахманского происхождения), основные элементы которой: стояние на одной ноге, воздевание рук к небу и пр., - легко интерпретируются в смысле магии плодородия. Заме-

тим, что и Индра в Ригведе (см., напр., IO.I67.I) осуществляет свои функции посредством "тапаса". В джатаке (№ 276) для того, чтобы вызвать дождь, царю рекомендуется пролежать несколько дней без движения. Можно также предположить, что цари практиковали эротическую магию (Индра - супруг Ситы-борозды, оплодотворитель Земли семенем-дождем; царь - супруг Земли, но также и царицы). На мифологической идее тождества воды и семени основаны и обряды царской пахоты (история рождения Ситы; пахота отца Будды; царская пахота золотым плугом при авшамедхе). В некоторых сюжетах древнеиндийского эпоса, как и позднейшего сказочного фольклора, эротическая магия вызывания дождя осуществляется женщинами царской семьи, что имеет многочисленные этнографические аналогии.

Следует упомянуть еще один царский ритуал, учреждение которого Махабхарата (I.57.I7-27) относит ко временам мифического царя Упаричары и который совершался индийскими правителями вплоть до 17-го века н.э. Это ежегодное "президиентство Индры", сопровождавшееся водружением высокого шеста "для почитания Шакри". Цели ритуала соответствовали функциям Индры: 1/ - военный успех, 2/ - обилие дождей⁴.

Некоторые сюжеты и мотивы древнеиндийского эпоса дают основания предполагать первоначально временный, сменный характер власти "сакрального царя". Представляется, в частности, весьма вероятным, что показ трагического характера смены власти по законам этого древнего института составляет идейную первооснову центрального сюжета Махабхараты.

Отметим особую группу эпико-пуранических сказаний, впервые выделенную Дж.Мьюэром, который усматривал в их содержании отражение соперничества брахманов с кшатриями⁵. Сюда входит сказание о "первом царе" Вене, умерщвленном брахманами за колуство и беззаконие. Преступление Вены состоит в том, что он запрещает брахманам приносить жертвы богам, требуя почитания собственной персоны, в которой, по его словам, воплощены все боги, то есть, выдвигает в противовес брахманским претензиям основное положение концепции "сакрального царя". Уничтожив Вену, брахманы делают царем послушного их воле Притху; последний полностью соответствует брахманскому идеалу правителя; в обязанности его входит лишь ведение войн с внешними врагами, осуществление карательной функции внутри государства, организация и финансирование брахманских

жертвоприношений, покровительство брахманам и щедрая оплата их услуг.

Подобные тексты дают основания полагать, что борьба брахманов с кшатриями велась, в основном, за монополию на ритуал, обеспечивавшую идеологическое главенство в древнеиндийском обществе.

-
- 1) L.H.Gray. "King (Indian)". - Encyclopaedia of Religion and Ethics, ed. by J.Hastings, vol.7, Edinbrough, 1914, p.720.
 - 2) E.W.Hopkins. The Divinity of Kings. - Journal of the American Oriental Society, vol. 51(1931), pp.309-312.
 - 3) M.Spagnoli. The symbolic meaning of the club in the iconography of the Kusāna kings. - East and West, N.S., vol.17, NN 3-4, 1967, pp.261-262.
 - 4) A. Chattopadhyaya. Spring festival and the festival of Indra in the Kathāsaritsāgara, - Journal of the Oriental Institute, Baroda, vol. 17, No 2, Dec. 1967, pp. 140-141.
 - 5) J.Muir. Original Sanskrit Texts..., 1-st ed., pt.1, London, 1858, pp.58-174.

М.В.Воробьев

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МАНЬЧУРИЯ В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1917-1970)

Интерес к маньчжурскому средневековью возник в нашей стране задолго до 1917 года в связи с предисторией маньчжурской династии в Китае (1644-1911), поддерживаемая исследователями прошлого соседней Сибири и только на рубеже XX в. в процессе строительства КВЖД, приобрел самостоятельное значение. Три источника этого интереса послужили исходными пунктами формирования трех направлений в исследованиях.¹

Представителей первого направления - китаистов-историков - интересовали узловые вопросы политической и социальной истории Китая, но эти вопросы решались в самом Китае, а не в Маньчжурии (Дунбэе). История средневековой Маньчжурии нашла известное отражение в общих историях Китая, во всеобщих историях, в тематичес-

ких китаеведных сборниках. К.Хариский в "Китае с древнейших времен..." (Хаб., 1927) коснулся истории Маньчжурии в главе под многозначительным названием "Три века борьбы с инородцами". В "Лекциях по истории Китая. Средние века" (М.-Л., 1940) Г.С.Кара-Мурзы и в работе Л.И.Думана (об. "Китай", М.-Л., 1940) истории Маньчжурии уделяется больше внимания и без тенденциозности, свойственной Харискому. Во "Всемирной истории" (т.Ш, М., 1957) Н.И.Конрад, а в "Истории стран зарубежного Востока в средние века" (М., 1957) и в "Истории стран Азии и Африки в средние века" (М., 1968) Л.В.Симоновская дает общие сведения об обществе и культуре аборигенов Маньчжурии. Сборник "Китай, Япония" (М., 1961) содержит статью С.Л.Тихвинского о связях Китая с Маньчжурией в УП-ХШ вв. В сборнике "Татаро-монголы в Азии и в Европе" (М., 1970) помещена насыщенная фактами статья Г.В.Мелихова о Маньчжурии при монголах. Следующий период - Маньчжурия при династии Мин - освещен в двух статьях - Г.В.Мелихова и Н.П.Свистуновой в сборнике "Китай и соседи..." (М., 1970). Наконец, сборник "Маньчжурское владичество в Китае" (М., 1966) открывается тремя статьями, посвященными маньчжурам в ХУІ-ХУІІ вв. (Г.В.Мелихов, В.С.Мясников). Эти статьи в сборниках перекидывают мостик к работам третьего направления.

В статьях по этнографии, антропологии Китая содержатся ценные сведения об этнической истории народностей Маньчжурии ("Народы Восточной Азии", М.-Л., 1957), о процессе расообразования на территории Маньчжурии (Н.Н.Чебоксаров).

Работы представителей первого направления (за исключением новейших работ) касались маньчжурского средневековья либо вскользь либо исключительно для освещения темных сторон истории Китая. Все силы китаеведов-историков были прикованы к собственно Китаю. Специфика маньчжурского средневековья требовала знаний соответствующих разделов истории и культуры Сибири, а характер источников - знакомства со специальными историческими дисциплинами, которыми историки-китаисты не всегда владели.

В работах второго направления - в обобщающих статьях В.К. Арсеньева, А.В.Гребенникова, З.Н.Матвеева (20-е годы) по истории Дальневосточного края - история средних веков Маньчжурии излагается бегло и мимолетно, что обусловлено краеведческими интересами авторов. В работах 50-60-х годов исследовательская сторона господствует над мимолетной. Несмотря на отдельные

неточности в изложении и в использовании материалов в "Дальнем прошлом Приморья" А.П.Окладникова (Влд., 1959), на схематичность соответствующих параграфов "Очерков истории СССР. Период феодализма IX-XV вв." (М., 1953 - А.П.Окладников, Н.П.Шастине), на отсутствие единого принципа при написании глав "Истории Сибири" (т. I, II, 1968 - А.П.Деревянко, Е.И.Кычанов, В.Е.Ларичев, Э.В.Навкунов), в результате чего в одних разделах центр изложения переносится в Приморье, а в других - в Маньчжурию, - в этих работах впервые предлагается обобщенная картина исторических процессов, протекавших в Маньчжурии на больших отрезках средневековья. Крен в пользу изложения истории Сибири и Приморья, как в распределении текста, так и в акцентировании событий, обусловлен задачами этих сочинений.

Специальные исследования различных сторон и периодов истории культуры тунгусо-маньчжурских народностей отличаются глубокой научной разработкой и, как правило, содержат ценную информацию по палеоэтнографии Маньчжурии. Это прежде всего "Народы Сибири" (М.-Л., 1956), а также "Гольды Амурские..." И.А.Лопатина (Влд., 1922), "Гиляки..." Л.Я.Штернберга (Хаб., 1933), "Родовой строй и религия ульчей" А.М.Золотарева (Хаб., 1939), "Этническая антропология... Дальнего Востока" М.Г.Левина (М., 1958), "Орнамент народов Сибири..." С.В.Иванова (М.-Л., 1963) и многие другие исследования. Археологические экскурсии в маньчжурское средневековье приобрели серьезное научное значение в последние 10-15 лет в результате оживления археологических исследований на Советском Дальнем Востоке. Свод сведений о Маньчжурии I-X вв. содержится в книге Э.В.Навкунова "Государство Бохай..." (Л., 1968). Последующим, X-XIII векам, посвящена полупопулярная работа В.Е.Ларичева ("Тайна каменной черепашки", Новосибирск, 1966).

Второе направление оказалось у нас наиболее продуктивным. Ведущее место в нем заняли представители вспомогательных исторических дисциплин, так как именно им принадлежит основная заслуга в изучении Сибири из-за бедности последней письменными источниками. Несмотря на то, что эти исследователи не всегда владели восточными языками, обычно не бывали в Маньчжурии, их вклад в изучение средневековой Маньчжурии значителен.

Третье направление - изучение Маньчжурии, в т.ч. и средневековой, как самостоятельная область научных исследований, -

примерно до 1950 г. представлено, главным образом, сочинениями русских сотрудников научных и культурных организаций Маньчжурии, группировавшихся на базе КВМД, Общества изучения Маньчжурского края, Харбинского музея, Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов и др. Состав членов этих организаций был весьма пестрым и непостоянным, а характер деятельности этих организаций зависел от положения на КВМД. По иронии судьбы именно эта группа оказалась в условиях объективно наиболее благоприятных для изучения Маньчжурии, в т.ч. средневековой: они многие годы жили в этой области и вели здесь непосредственные наблюдения. Они трудились в области создания очерков и перевода источников, обследования памятников материальной культуры, сбора нумизматического материала, антропологических и этнографических наблюдений. Отсутствие специальной подготовки у многих из них не позволило им пойти дальше публикаций кратких отчетов о проделанной работе (исключение составляют труды этнографа С.М.Широкогорова, вышедшие однако на английском языке). Отрыв от научной жизни на родине привел к тому, что их работы часто значительно отличались от выходящих в СССР в методическом отношении. Вернувшись на родину некоторые из них продолжили свои изыскания (А.Г.Малаякин, В.С.Стариков).

Если не считать изолированной сводки Э.Н.Матвеева "Бохай" (Влд., 1929), исследования третьего направления в массе своей стали появляться в СССР лишь в последние 10-15 лет. Они начались с переводов и изданий (а также с переизданий) фрагментов из китайских летописей: "Собрание сведений о народах, обитавших в Восточной Азии..." в 3-х томах (М-Л., 1950-1953), "Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии" (Чебоксары, 1960) Н.Я.Бичурина, "Китайские известия о народах Южной Сибири..." (М-Л., 1961) Н.В.Клишера, "Чжурчэни в XI в." Е.И. Кичанова ("Сиб. археолог. сб.", Новосибирск, 1966). К этому направлению примыкают разделы "Истории Сибири", посвященные Бохай (Э.В.Шавкунов) и Маньчжурии в XIII-XVI вв. (Е.И. Кичанов), некоторые статьи из тематических сборников (2 и I-ое направления). Позднее средневековье представлено также работами маньчжуристки Е.П.Лебедевой и нумизмата Н.В.Ивочкиной.

Относительная неразвитость третьего направления, несмотря на пограничное с нами расположение Маньчжурии, есть следствие известной недооценки того обстоятельства, что Маньчжурия всегда представляла из себя самостоятельный культурно-этнический ареал. Неустойчивость и даже спорадическое отсутствие политических обра-

зований являлось для некоторых ученых признаком периферийности, несамостоятельности, "второстепенности" ареала. Упомянутые русские исследователи в Маньчжурии оказались бессильны сломать эту традицию из-за своей методологической неподготовленности. Перелом намечался лишь в последние 15-20 лет.

Результаты, достигнутые по каждому из трех направлений, различны в двух отношениях: по абсолютным, качественным и количественным показателям и по предпочтительной профилирующей тематике. Абсолютная научная ценность разработок маньчжурского средневековья в известной мере предопределялась соответствием методики исследователей конкретному историческому положению ареала. Профилирующая проблематика, естественно, определялась специализацией ученых - весьма отличной у представителей трех направлений (с учетом личной отнесенности авторов иногда к двум направлениям). Поэтому в трудах ученых первого направления, закономерно интересовавшихся прежде всего Китаем, маньчжурское средневековье иногда выглядит обедненным, несамостоятельным. Исследователи второго направления ближе подошли к мысли, что Маньчжурия и многие южные районы Сибири в прошлом были тесно связаны в культурном и этническом отношении. Но разрабатывая в основном историю Сибири, они зачастую ограничивались привлечением маньчжурского материала для иллюстрации сибирского. Лишь приверженцы третьего направления, начавшие познание Маньчжурии, как таковой, оказались на пути, методически наиболее перспективном, и именно они в будущем поднимут маньчжуроведение на должную высоту.

В заключение следует констатировать, что в итоге усилий представителей всех трех направлений изучение средневековой Маньчжурии в СССР после 1917 г. дало конкретные ценные результаты. Установление характера культурных связей между Маньчжурией и прилегающими районами Сибири в средние века является заслугой советских ученых, так же как и разработка отдельных вопросов истории Маньчжурии. Однако изучение Маньчжурии, в т.ч. средневековой, еще не сложилось у нас в самостоятельную область востоковедения, равно по значению алтаистике, тюркологии, монголистике (ибо понятие "маньчжурологии", как известно, имеет у нас более узкое значение, не выходящее за рамки изучения языка и литературы собственно маньчжур ХУП-ХІХ веков). Этот пробел должен быть восполнен в ближайши годы.

¹⁾ В обзоре отмечаются лишь важнейшие работы их представляющие.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОСМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
(тридцатые годы XIX века)

С тридцатых годов XIX в. начался новый этап в истории османской дипломатии. В этот период султанское правительство вступило в тесное взаимодействие с европейской дипломатией, учредив посольства¹.

Основной причиной, приведшей Махмуда II к необходимости завязать постоянные двусторонние дипломатические отношения с европейскими государствами и использовать дипломатические каналы для достижения политических целей явилась слабость Османской империи и ее, ставшая явной, зависимость от европейских государств². Повидимому, еще до организации постоянных посольств султанское правительство было в какой-то мере осведомлено о взаимных противоречиях и соперничестве европейских держав по отношению к Османской империи, которыми оно намеревалось воспользоваться.

В принятии Османской империи в европейскую дипломатическую систему стали заинтересованы и европейские государства, которые к тому времени получили основания полагать, что Османская империя, нуждающаяся в их поддержке в таких вопросах как например борьба султана с Мехмедом Али, может стать послушным орудием их воли. Посольства давали им дополнительную возможность оказывать нужное воздействие на султанское правительство.

В эти годы Османская империя вела напряженную борьбу с восставшим папой Египта Мехмедом Али, стремившемся к независимости. Общественное мнение европейских стран, в особенности Франции, было на стороне Мехмеда Али. Султан Махмуд понимал, что сможет одержать победу над своим вассалом лишь при условии поддержки или по меньшей мере нейтралитета европейских государств. Первой задачей турецкой дипломатии, поэтому, являлась борьба с влиянием Мехмеда Али в европейских государствах, привлечение на свою сторону как правительственных кругов, так и общественного мнения. Вторая задача османской дипломатии состояла в намерении вырвать из рук Франции оккупированный ею в 1830 г. Алжир и вернуть его в состав Османской империи³.

Посольства были основаны в Париже и Лондоне (1834) /Каунар, 63-64/, в Вене (1835), в Тегеране (1849). Дипломатические миссии были основаны в Берлине (1837), в Афинах (1840), в Стокгольме (1854), Петербурге (1857), Турине (1857), Брюсселе (1857), Вашингтоне (1867), /Mugewitz, 457/.

Турецкие дипломаты должны были усвоить принципы и методы европейской дипломатической системы.

Практическая деятельность, общение и переговоры с государственными деятелями Европы были, очевидно, единственной школой турецких дипломатов⁴. Европейские государственные деятели пользовались беседами с турецкими послами, чтобы оказать на них соответствующее впечатление, представить в выгодном свете намерения своей страны и в невыгодном - других стран. В процессе этих бесед турецкие дипломаты знакомились с закулисными сторонами дипломатических интриг. Их собеседники не только предупреждали их о некоторых грозных Османской империи осложнениях и опасностях, но часто сознательно их преувеличивали ради собственных интересов, не скупившись на советы, как следует вести себя и что отвечать в случае, если последуют такие-то и такие-то упреки в адрес османского правительства со стороны других держав. /Каунар, 84-91/.

Турецкое правительство старалось использовать соперничество европейских держав за влияние в Османской империи. После окончания Крымской войны, когда влияние России в Османской империи было уничтожено "многие государственные люди Турции, и может быть большинство их, ...сильно желали возвращения противовеса русской дипломатии"⁵.

Действия турецкого правительства до оккупации Алжира французами и после нее являются примером, демонстрирующим уровень компетентности турецкого правительства Махмуда II в правилах европейских дипломатических взаимоотношений: незнание их этим правительством до 30-х годов XIX века и успехи в усвоении и применении их турецкой дипломатией впоследствии.

Алжир был захвачен французами в 1830 году не только благодаря слабости османского государства, но и благодаря дипломатической ошибке, допущенной турецким правительством, которая послужила удачным поводом для оккупации. Ошибка заключалась в том, что на ноту Франции, потребовавшей у османского правительства принятия мер против алжирского дая, флот которого занимался разбоями в Средиземном море, диван ответил, что это да не

его дело. "Этим он очевидно хотел сказать, что обиженное государство может само искать свое право. Но когда это повело к завоеванию регентства франциев, тут только вдруг поняли государственные люди Турции, что сделали важную ошибку, отказавшись без всякого вознаграждения от политического права, и потом нотами и посольствами тальберийскому кабинету тщетно старались ее поправить". /Розен, I, с.243-244/.

Первым турецким послом в Париже был Мустафа Решид, впоследствии занимавший посты министра иностранных дел и великого везира, автор знаменитого Гольхашейского хатта 1839 г., вскоре прославившийся как способнейший турецкий дипломат. Ему и поручено было исправить эту ошибку. Он действовал умно и энергично, использовал все имеющиеся в его распоряжении возможности, но не смог добиться успеха /Каунар, 65-66, 72/, как и нужно было ожидать, имея ввиду тяжелое в то время положение Османской империи, с которой Франция не хотела считаться, и значительную зависимость Османской империи от Франции в разрешении египетского кризиса.

Если обратиться к дляхе, врученной Мустафой Решидом султану Махмуду в 1837 г., с описанием бесед, которые он вел с европейскими государственными деятелями /Каунар, 84-93/, то станет ясно, какой высокой компетентности в международных делах достигла турецкая дипломатия к тому времени. Содержание дляхи свидетельствует, что турецкие дипломаты были в курсе всех хитросплетений европейской политики, касающихся их страны. Описывая в дляхе международные отношения той поры, Мустафа Решид, например, утверждал, что дружба Австрии по отношению к России неискренна, так как Австрия боится усиления России. Он предвидел, что в случае всеобщей войны Австрия не будет союзницей России /Каунар, 87/. Это предсказание подтвердилось во время Крымской войны⁶.

В 30-х годах XIX в. османская дипломатия оформилась как самостоятельный институт в правительственной системе. В 1836 г. было образовано министерство иностранных дел во главе с министром. До этого времени в османском правительстве был лишь консультант по иностранным делам, которым являлся реисулькюттаб, имевший, помимо этой, множество других обязанностей.⁷ Из канцелярии амеда был выделен, по предложению министра иностранных дел Мустафы Решида, специальный отдел, ведавший только иностранными делами (в конце 1837-1838 году), тогда как до этого в ведении канцелярии амеда

была часть дел, относящихся к внутригосударственным проблемам.
/Каунар ,107-110/.

Факт формального выделения в составе османского государственного аппарата министерства иностранных дел и иностранного отдела канцелярии амеда являлся не актом пустого подрежательства европейскому государственному устройству, а имел под собою твердую почву реальных изменений в системе османской дипломатии и свидетельствовал о повышении ее значения в государственной деятельности.

1) J.C.Hurewitz , *The Europeanization of Ottoman diplomacy : the conversion from unilateralism to reciprocity* ,1835-1870, - Труды XXV МКВ, т.П, М., 1963, с.454-460. Сокращение: Hurewitz... Несколько более расширенный вариант этой статьи см. в "Belleten" , cilt 25, Ankara , 1961, № 99, с.455-466.

2) Первые турецкие посольства, основанные при Селиме III (1789-1807) функционировали до начала греческого восстания, то есть до 1821 года. Их деятельность, повидимому, не имела успеха по причинам, которые еще требуют изучения . /Hurewitz ,455/..

3) E.Каунар , *Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat* ,Ankara , 1954, с.63. Сокращение: Каунар...

4) Остается неизвестным, в какой мере мог быть полезен и использовался турками дипломатический опыт греков-фанариотов. В литературе встречаются отдельные замечания о том, что греки-фанариоты были советчиками, например, Мустафы Решида. См. по этому поводу замечание Палаузова: С.Палаузов, Мустафа Решид паша, - СПб.ведомости, 1858, № 14. То же, отд. отт., с.5.

5) Д.Г.Розен., *История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году*, СПб.,1872, ч.2, с.258. Сокращение: Розен, I,П...

Мустафа Решид в период своего пребывания в Париже в качестве посла также стремился использовать соперничество держав в Османской империи. См. например, Каунар ,70-71.

6) E.В.Тарле, *Крымская война*, изд. II, М.-Л., 1950, т.I, с.9,251.

7) C.V.Findley, *The legacy of tradition to reform; origins of the Ottoman foreign ministry*, - *International journal of Middle East studies*, London, 1970, vol. 1, No.4, с.334-337.

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ ЯПОНЦЕВ О РУССКОМ
НАРОДНИЧЕСТВЕ

Первоначальное знакомство японцев с освободительным движением России относится к 70–80 гг. прошлого века. Тогда Япония только что прошла через незавершенную буржуазную революцию Мэйдзи (1868 г.), переживала колосу осовремениванья–европеизации. После долгих лет изоляции она испытывала жадный интерес к западному миру.

Революция Мэйдзи проходила под флагом возвращения власти императору, но очень скоро молодая японская буржуазия стала воспринимать абсолютистское правление как тормоз прогресса. В стремлении расширить свое собственное влияние на дела государства либеральная буржуазия объединилась в движение "за свободу и права народа" (Дзю минкэн ундо). Детой его оформления считается 1881 г., когда была создана Либеральная партия (Дзюто) и основан ряд газет, отстаивавших лозунги движения. Главными целями было введение конституции и учреждение парламента. В борьбе за свои политические цели буржуазия использует недовольство крестьян новым курсом индустриализации, повышением налогов; крестьянские выступления в Нагоя (1884 г.), Ибараки (1885 г.), Сидзуока (1886 г.) направляются лидерами Дзю минкэн ундо.

Идеологи движения пристально изучают соответствующие примеры на Западе. Переводятся работы английских социологов (в 1881 г. Мацусима Такэси переводит сочинение Спенсера "Об общественном равенстве") и французских просветителей (в 1882 г. Накаэ Томии переводит "Общественный договор" Руссо), становятся известны книги республиканских политических деятелей Литтона и Дизреэли, даже романы Дюма и В. Скотта воспринимаются как источники познания Запада, его духа свободы, предпринимательства, инициативы.

В эти годы рождается новый жанр японской литературы, т. е. политическая повесть (сэйдзи сэсэцу). Их авторы отчасти на базе переводных книг, отчасти с помощью фантазии изображали идеальный образ правления, политических героев нового времени. Известные сочинения Яно Фумио "Прекрасная повесть об управлении государством" (Кэйкоку бидан, 1883) и "Новое общество" (Синсякай,

1899) рисовали государство всеобщего благоденствия, достигнутого с помощью парламентаризма¹.

Тогда-то и начинает проявляться интерес к освободительным тенденциям в соседней России. В печати, связанной с Дзю микиэн ундо, появляются сообщения о "нигилистах", как именовали тогда народников и всех русских, причастных к революционному направлению. Газета "Кайнай симпо" в 1878 г. опубликовала сообщение из Петербурга об убийстве генерала Мезенцова². Газета "Хоти" в 1879 г. печатает заметку о "лидере русских нигилистов Чубарове"³.

"Токио нити-нити" печатает перевод одной из брошюр Л. Гартмана (1850-1913), активиста "Народной Воли", который готовил покушение на царский поезд, после чего вынужден был покинуть пределы родины⁴. Та же газета публикует в 1881 г. статью о "целях нигилизма" по материалам "Автобиографии" Бекунина. В 1882 г. японский читатель смог познакомиться с отрывком из романа Тургенева "Отцы и дети", повествовавшим о "нигилизме"; отрывок был взят из английского журнала "Фортнайтли ревю", который наряду с "Найтинг сэнчури" был тогда популярным в Японии источником знакомства о Западом.

"Удивительные рассказы об истреблении нигилистов" ("Кемуту тайдзи кидэн", 1882) были написаны политическим беллетристом Кавасима Тюноске по мотивам романа французского автора Поля Вернье "La chasse aux Nihilistes".

В 1884 г. газета "Дзюто" печатала повесть "Тайны подполья" ("Титэй-но химицу"). Ее автором был ошибочно назван П. Давров, которому принадлежало предисловие. На самом же деле это была книга Степняка-Кравчинского "Подпольная Россия". Представитель блестящей плеяды революционеров 70-х годов, как характеризовал его Ленин⁵, Степняк-Кравчинский (1851-1896) в 1878 г. после убийства Мезенцова бежал за границу и долгие годы провел в эмиграции. "Подпольная Россия", первоначально написанная Степняком по-итальянски, в 1882 г. была переведена на английский, и уже в таком виде кто-то из японских просветителей, ездивших в то время в Европу, привез ее в Японию. Из этой книги японцы впервые подробно узнали о народническом движении - о кружке чайковцев, о Нечаеве, С. Перовской, Желябове, В. Засулич, о покушении на Третьякова, Александра II, о побеге П. Кропоткина из Петропавловской крепости.

Переводчиком "Подпольной России" был Миясаки Мурэ (1855-1889), член Либеральной партии, сотрудник газет "Дзюто", "Дзю

симбун", "Коти симбун". Ему принадлежал ряд политических повестей: "Победная песнь свободы" (Дзю-но катидоки, 1882), "Слезы брэнного мира" (Укме-но намида, 1883), "Кровавые цветы" (Тисио-но хана, 1884), некоторые были написаны по мотивам европейских авторов. В "Подпольной России" для него была важна не столько информация о русских делах, сколько близкая политическая тематика. Характерный для тех лет перевод-пересказ в ряде случаев значительно отклонялся от подлинника, содержал разъяснения-аналогии, применительные к японским условиям, добавлял "занимательности" (так, С.Перовская изображалась роковой красавицей)⁶.

Идеи русского народничества казались созвучными участником Дзю минкэн ундо. Японским противником абсолютизма импонировало разоблачение русского самодержавия. Акты мести тиранам России выглядели в их изложении как предупреждение тем представителям японских властей, которые пренебрегали интересами своих подданных. Читая про неведомый Трубецкой бастион, японцы думали о политических мучениках в отечественных застенках (сам Миясаки некакуне Мэй-дзи подвергался тюремному заключению).

Под прямым влиянием народников-террористов в 1884 г. возникает замысел антимонархического мятежа. Группа из 16 человек во главе с Томацу Сэйан поднялась на гору Кабасан (префектура Ибаракки), раскинула там лагерь и начала испытывать взрывчатые устройства. Томацу заявил: "Мы должны брать пример с русских нигилистов и идти в революционных рядах с оружием в руках". Воспыхи пламени на горе Кабасан привлекли внимание окрестных жителей, а вслед затем и полиции. Все 16 человек после упорного сопротивления были схвачены и казнены.

Левое крыло Дзю минкэн ундо, наряду с идеями французской революции, испытало влияние русского народничества. У его идеологов находило отклик утверждение естественного права земледельца на обрабатываемую землю, стремление к развитию местной, областной автономии в нику тирании центрального правительства и т.п., хотя конечная цель народников приближалась к построению общества на социалистических началах, программа же японских либералов исчерпывалась требованием конституционных свобод.

Направленность либерального движения против священной особы императора, а в особенности связь с крестьянством вызвала серьезное беспокойство в правящих кругах. В 1887 г. правительство приняло закон "Об охране порядка" (Хоан дзерэй), по которому наиболее радикально настроенных участников Дзю минкэн ундо, всего 570 человек, выслали из Токио. Движение было обескровлено и пошло на спад. Отголоски влияния народнической идеологии проявлялись в японском освободительном движении и позже - во взглядах демократов-социалистов 900-х гг. (хэймин ундо).

1) См. Н.И.Копрад "Первый этап японской буржуазной литературы" сб. "Проблемы литературы Востока", т.1, Л.,1932.

2) Террористический акт против петербургского шефа жандармов совершил в 1878 г. Степняк-Кравчинский.

3) С.Ф.Чубаров (1845-1879), народник-семидесятник. В 1869г. ездил в США для организации трудовой команды. Участвовал в революционных демонстрациях, организовывал побег политзаключенных (напр., Войнарельского). Казнен в Одессе.

4) От выдачи русскому правительству Л.Гартмана спасла кампания протеста во французской печати, которую возглавил В.Гюго. В дальнейшем Гартман жил в Европе; по свидетельству современников, был одним из самых желанных гостей в доме Маркса.

5) В.И.Ленин. Сочинения, т.1, стр. 164,246.

6) См. Янагида Идзуми "Исследование политической повести" ("Сайдзи сёсэцу кэнкю") т.1, Токио, Сэнсюся, 1967, стр.175-181.

7) См. "Очерки новой истории Японии" М., ИВЛ, 1958, стр.277.

Примечание: имя вожака Кабесан-дзикэн ошибочно прочитано в этом исследовании как "Фукумацу Масаясу", его звали Томацу Сэйян.

Е.И.Кычанов

ЧТО ТАКОЕ "НОВЫЕ ЗАКОНЫ" ?

В общих описаниях тангутского собрания рукописей и ксилографов ЛО ИВАН не раз упоминались "Новые законы", "Новые законы года свиньи (или вепря)¹", "Новые законы года обезьяны эпохи Гуан-дин"².

И до сих пор оставалось неясным, идет ли речь о разных памятниках или об одном и том же под разными названиями? Каково содержание памятника? Проведенное в последний год более детальное обследование всех сохранившихся экземпляров памятника, известных только в рукописи, позволяет дать ответ на поставленные вопросы.

Объективные причины разнообразия наименований памятника состоят в том, что у подавляющего большинства рукописных книг с его текстом не сохранились или плохо сохранились титульные листы. Книги разноформатны, а тексты переписаны разными почерками. Количество глав памятника, включенных в одну книгу, также неодинаково. Сохранившиеся названия глав то "Новые законы", то "Новые законы года свиньи" при отсутствии общего и до сих пор неясного нам заглавия вынуждали длительное время предполагать, что перед нами, возможно, две разных памятника. Нужны были детальное обследование текстов и тщательная их сверка, чтобы убедиться, что это один и тот же памятник под разными названиями. При этом обнаружилось и то, что не замечали ранее. Рукопись инв. № 2842 имеет на обложке заглавие "Новые законы года свиньи", гл. XII, а на обороте листа, перед началом текста "Новые законы", гл. XII. Рукопись инв. № 5591 на обложке рядом имеет сразу два заглавия: "Новые законы", гл. XVI и "Новые законы года свиньи", гл. XVI. Экземпляры памятника под инв. № 8183 и 2622 имеют заглавие "Новые законы года свиньи", а под инв. № 749 "Новые законы". Однако сверка содержания этих книг убеждает нас в том, что перед нами один и тот же памятник. То же полное совпадение текстов при различном их наименовании мы обнаруживаем и в книгах под инв. № 5591 и 2819. Следовательно, перед нами один и тот же памятник, фигурирующий под двумя различными наименованиями, одно из которых - "Новые законы года свиньи", возможно, было полным его названием.

Логично предположить, что "Новые законы", раз они "новые" были составлены после "Измененного и заново утвержденного свода законов /девиза царствования/ Небесное процветание /II49-II69/". После II69 г. год свиньи по двенадцатилетнему животному циклу приходился на II79, II91, I203, I215, I226 и I237 гг. и любой из них, кроме I237 г., так как тангутское государство погибло в I227 г., мог предположительно быть годом завершения составления или обнаружения "Новых законов". Сделать необходимые уточнения нам помогают имеющиеся на некоторых рукописях даты переписки. Все они отно-

сятся к девизу царствования Гуан-дин и ко времени после 1215 г. Рукопись под инв. № 827 имеет дату "год мыши, первый месяц", "Гуан-дин, год мыши, первый месяц", что соответствует 21 января - 18 февраля 1216 г. Рукопись инв. № 2819 имеет дату переписки "Гуан-дин, год змеи, пятый месяц, девятый день", т.е. 31 мая 1221 г. Инв. № 2842 датирована "Гуан-дин, год змеи, седьмой месяц, 14-й день", т.е. 30 июля 1221 г. Следовательно, год свиньи, в котором были составлены или опубликованы "Новые законы", несомненно приходился на 1215 г. В Эдвине "Новые законы" поступили с запозданием и начали переписываться, насколько нам пока известно, с 1216 г. Что касается упоминаемых Н.А.Невским "Новых законов", датированных годом обезьяны девиза царствования Гуан-дин /1212 г./, то рукописи с этой датой ни в известных нам списках памятника, ни в записях в инвентарной книге тангутского фонда Ю ИВАН, сделанных в 30-х гг. лично Н.А.Невским, не обнаружено. Однако откуда же взялась эта дата?

Год обезьяны девиза царствования Гуан-дин несколько раз упоминается в тексте главы УШ-ой "Новых законов". "В год обезьяны девиза царствования Гуан-дин /1212 г./ в предместьях / столицы / вспыхнул сильный пожар. Обнародованные ранее государевы указы были отменены и значительно были увеличены награды за донос / о виновниках возникновения пожаров / и наказания / таковым/"³. Все меры наказания были увеличены на одну степень.⁴ И далее, в этой же главе мы читаем: "Если до вступления в силу "Новых законов", до 23-го дня третьего месяца года обезьяны девиза царствования Гуан-дин /26 апреля 1212 г./ женщина еще не вошла в семью мужа, то претендовать /на возмещение средств /, выделенных / женихом/ на угощение, /в случае, если брачный контракт не состоялся/, а /должностным лицам/ принимать такие претензии, запрещается"⁵. Итак, значит "Новые законы" вступили в силу с 26 апреля 1212 г., года обезьяны. Следовательно, Н.А.Невский читал текст законов и потому указал на эту дату, правда, без каких-либо пояснений. Введение каких-то изменений в тангутское законодательство в 1212 в. неслучайно. Летом 1211 г. после очередного вторжения монголов, едва не овладевших столицей Ся, у тангутов сменился государь. Место Ань-цзюаня занял Цаунь-сян, который, по-видимому, и начал свою деятельность с каких-то нововведений, одним из которых и было введение в силу "Новых законов"

Видимо, "Новые законы" были введены в силу с 26 апреля 1212 г., а опубликованы в 1215 г., году свињи по двенадцатилетнему животному циклу и потому названы "Новыми законами года свињи". Только так мы пока в состоянии объяснить трехлетнее расхождение в датах между тем днем, с которого следовало руководствоваться "Новыми законами" и датой в их наименовании. Возможно, по "Новым законам" рекомендовалось наказывать за те преступления, которые были совершены после 26 апреля 1212 г., хотя они и были раскрыты в 1215 г. и позднее.

Были ли "Новые законы года свињи" самостоятельным новым сводом законов тангутского государства, каковым, например, был "Измененный и заково утвержденный свод законов /девиза царствования/ Небесное процветание", или только дополнениями и изменениями к последнему? Прочтение текста "Новых законов" показывает, что перед нами действительно не самостоятельный свод законов, пришедший на смену старому, а дополнения и изменения к нему, накопившиеся за полвека после его введения в действие в середине XII в. Деление на главы у сохранившейся части "Свода законов" и "Новых законов" совпадает. Совпадает и рубрикация разделов в главах. Те разделы в сводах законов, к которым нет изменений и дополнений, в "Новых законах" отсутствуют. И, наконец, это подтверждается содержанием статей "Новых законов". Например, в статье I-ой, гл. III "Новых законов" говорится: "В "Своде законов" указано, что /лицу/, неучаствовавшему в сговоре об ограблении, но принявшему /краденое/ в заклад, на хранение, взявшему /его/ в долг, продавшему /краденое/ или получившему долю из краденого имущества и /при этом/ знавшему, что /оно/ краденое, наказание выносится на одну степень меньшее, чем пособнику при ограблении с применением или без применения насилия. Однако в "Своде законов" не указано как поступать с теми, кто знал, что имеет дело с краденым имуществом, захваченным бандой грабителей". И соответственно в "Новых законах" содержится дополнение: "Тот, кто знал, что это имущество, похищенное бандой грабителей /тангутское законодательство различало ограбление одним-двумя лицами и группой лиц/ и участвовал в /его/ дележе, а также продавал /его/, брал в долг, на хранение или принимал в заклад, наказывается по приговору пожизненными каторжными работами сроком на 12 лет без права возвращения после отбытия каторги в свою волость или 8-ю годами каторжных работ"⁶.

Изменения и дополнения к "Своду законов" середины XII в., закрепленные в "Новых законах", отражали изменение условий в жизни страны. Например, в гл. I-ой закон увеличивал возможности откупа от наказаний за уголовные преступления, причем откуп железом, допускаемый ранее по "Своду законов" был заменен откупом деньгами из расчета сто медных монет за один цзинь /около 600 г./ железа⁷, что отражало, с одной стороны, рост денежного хозяйства в Ся, с другой, нехватку денег у казны. Они учитывали судебную практику прошедших лет - цитированный выше текст, введение особого наказания за пользование имуществом, похищенным бандой грабителей. Наконец, они учитывали прецедент. В статье 4-ой, гл. УШ-ой просто изложена суть дела, судебное решение по которому в дальнейшем предписывалось принять за норму вынесения мер наказания в подобных случаях. Некие Шан Асики и Чжан Асыго пригласили Ля-жэ Лэцзинь, жену некоего Шибура, купили вина, выпили, дали женщине четыре связки монет, после чего Шан Асики силой овладел Ля-жэ Лэцзинь. По указу государя Шан Асики получил пять лет каторжных работ. Асыго за соучастие один год. "После этого, в тех случаях, когда будет совершено преступление, подобное тому, которое совершил Асики, следует поступать на основании этого закона"⁸.

Итак, "Новые законы", "Новые законы года свиный" и упоминаемые Н.А. Невским "Новые законы года обезьяны эпохи Гуан-дин" - один и тот же памятник, представлявший собой имеющие силу с 26 апреля 1212 г. и, вероятно, обнародованные в 1215 г. дополнения и изменения к "Измененному и заново утвержденному своду законов /девиза царствования/ небесное процветание" /1149-1169 гг./.

Возможно, эти дополнения и изменения никогда не издавались ксилографически, а были разосланы на места, в управления в виде серии рукописных книг, которые на местах и размножались переписчиками, в Хара-Хото начиная с 1216 г. и далее.

1) Тангутские рукописи и ксилографы, сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов, М., ИВЛ, 1963, стр. 86-92.

2) Н.А. Невский, Тангутская филология, М., ИВЛ, 1960, кн. I, стр. 89.

3) Новые законы года свиный, гл. УШ, Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 827, с. 32. Рукописи не пагинированы, пагинация переводчика.

4) Новые законы года свиньи, гл.УШ, Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв.№ 827, стр.33. Рукописи не пагинированы, пагинация переводчика.

5) Там же, стр.38.

6) Там же, гл.Ш, инв.№ 2819, стр.5.

7) Там же, гл.І, инв.№ 749, стр.3.

8) Там же, гл.УШ, инв.№ 827, стр.36-37.

А.Г. Лундин

РЕЛИГИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА В ДРЕВНЕЙ ЮЖНОЙ АРАВИИ

Тезисы

- I.0. Религия обычно рассматривается и изучается как форма идеологии, система понятий и представлений об окружающем мире (в том числе социальном), как искаженное отражение окружающего мира в мозгу человека. Даже когда речь идет о религии как общественной (социальной) силе, имеется в виду сила религиозных идей и представлений, их влияние на мышление и поведение человека.
- I.1. Религия как непосредственный элемент структуры и системы общества, религиозная организация (церковь) исследуются только для более поздней эпохи, для позднейших "мировых" религий. Нередки утверждения, что церковь вообще возникает лишь вместе с мировыми религиями, на рубеже древности и средневековья, и в более раннюю эпоху не существовала.
- I.2. Для древности изучался, собственно, только один аспект религиозной организации: храм.
- I.3. Поставленная задача - рассмотреть религиозную организацию древности в ее взаимоотношениях с общественной, социальной и прежде всего - государственной организацией, и в масштабе всего общества. Автор ограничивается материалом древней Южной Аравии.
- I.4. Специфика южноарабских источников, ограничивающихся эпиграфическим материалом, т.е. официальными и формальными данными, облегчает такое рассмотрение. Она позволяет полностью абстрагироваться от религиозных идей и представлений. В то

же время структурные моменты религии по отношению к общественной (государственной) организации отражены относительно полно.

- 2.0. Религия играет важную роль в жизни южноаравских государств, пронизывая все ее стороны, причем не только как идеология, поддерживающая или укрепляющая социальный строй, а как неотъемлемый структурный элемент, присутствующий на всех уровнях системы.
- 2.1. Понятие государства в источниках неразрывно связано с понятием божества и выражается через него. Так, Сабейское государство обозначается источниками как "Алмаках и Карба'ил и Саба", катанское - "Амм и Анбай и Барав'ил и Катабан" т.е. как сочетание трех элементов: божества (или двух божеств), правителя и народа. В тех случаях, когда речь идет о действиях правителя (захватах или приобретениях земель), эти элементы сводятся к двум - "для Алмакаха и для Саба" - божества и народа. Взаимоотношения этих трех элементов характеризуются термином "дит братство", "сонз".
- 2.2. Понятие народа и государственной территории выражаются таким же образом: Сабейское государство обозначается как "владение Астара и Алмакаха", сабейцы - как "дети Алмакаха", катанцы - "дети Амма". Правитель именуется "первенцем" божеств.
- 2.3. Соответственно возникло понятие "национального" или "государственного" бога, т.е. преимущественного божества определенного государства, "отца" народа и "хозяина" территории (Д.Нильсен, Г.Рикманс, М.Хефнер и др.). Для каждого государства Южной Аравии это особое божество - Вадд в Ма'ине, Амм в Катабане, Син в Хадрамауте и т.д. Во всех государствах Южной Аравии "национальным" богом является бог луны, и везде он носит разные имена.
- 2.4. То же явление можно обнаружить и в более мелких этнических (или политических) общностях. В царстве Сум'ай (западные районы Саба) "национальный" бог - Та'лаб, в северных районах Саба - вероятно, также лунное божество Самиф. Насколько можно проверить, каждое новое имя бога луны соответствует новому этносу (политическому образованию?).
- 2.5. Отметим исключения: в Авсане "национальный" бог носит имя

- Вадд, как в Ма^сине, а в Хараме "национальным" богом является Мутибнатин - ипостась божества планеты Венеры (^сАстара).
- 2.6. Каждое единство (политическое или этническое) Южной Аравии имеет своего "национального" бога, и вероятно, каждое божество Южной Аравии было "национальным" божеством определенного коллектива: народа, племени, города, области и т.д.
- 3.0. Однако в каждом из государств (и даже городов) Южной Аравии пантеон представлял весьма сложный комплекс, куда входило множество божеств и их ипостасей. Эти божества соотносятся с разными светилами, иногда имеют различные функции, однако привести этот комплекс к системе, астральной или функциональной, не удастся.
- 3.1. Проблема сочетания комплекса пантеона и понятия "национального" бога очень сложна и далека от решения. Предлагаемая гипотеза, основанная на сабейском материале, сугубо предварительна.
- 3.2. Первоначальное ядро общесабейского пантеона составили два божества - ^сАстар и ^сАлмаках, "национальные" боги двух племенных союзов, образовавших сабейский этнос (или государство) - "Саба^с" и "Файсан".
- 3.3. Наиболее прочно связано с ними зат-Химйам, национальное божество города Кутала. Этот город являлся центром крупного политического объединения (название которого неизвестно), входившего в состав Сабейского государства.
- 3.4. Еще одно божество, входящее в сабейский пантеон, зат-Ба^сдан, не связывается пока ни с каким этническим (территориальным) единством. Но и роль зат-Ба^сдан в сабейском пантеоне менее значительна.
- 3.5. Все прочие божества, строго говоря, не входят в древнесабейский пантеон, а лишь ассоциируются с ним в особых случаях. Они являются, в тех случаях, когда это удастся установить, "национальными" божествами областей (городов), слабее связанных с Сабейским государством или вошедших в него позднее.
- 3.6. Таким образом, состав пантеона соответствует внутреннему делению государства. Пантеон создается по мере расширения политического единства и в результате этого расширения.
- 3.7. Видимо, следует предположить и обратный процесс - раздробления первоначального "южносемитского" пантеона, превраще-

- ния его божеств в "национальных" богов отдельных этнических общностей со сменой имен божеств и модификацией их функций.
- 3.8. В этом процессе "устоял" лишь Астар - "национальный" бог пражносемитов и единственное общесемитское божество, сохранившееся в Южной Аравии.
- 4.0. Религиозные функции входили в круг обязанностей всех представителей государственного аппарата: правителей - мукаррибов, эпонимов, кабиров (старейшин), вероятно, членов совета старейшин и т.д., составляя важную часть их деятельности.
- 4.1. В функции мукаррибов входили разного рода жертвоприношения и культовые церемонии торжественного характера; в функции эпонимов - регулярное несение жреческих обязанностей в определенных храмах, толкование оракулов и т.п. Сакральные функции членов совета старейшин не вполне ясны, но их существование установлено.
- 4.2. Жрецы (gšw), вероятно, являлись такими же должностными лицами, сочетавшими сакральные и хозяйственные функции, как и другие категории магистратов. Об этом свидетельствует положение титула в обширной титулатуре катанских мукаррибов.
- 4.3. Важнейшей характеристикой роли религии в государственной организации является тот факт, что государственные налоги в государствах Южной Аравии носили религиозный характер. В такой значительной функции государства, как сбор налогов, религиозная и государственная организация совпадают.
- 4.4. Можно констатировать и в древности существование религиозной организации, охватывавшей все общество и в известной мере аналогичной позднейшей церковной организации.
- 5.0. Влияние религии, ясно ощущаемое во всех странах и на всех уровнях государственной организации Южной Аравии, приводило к заключению о теократическом характере кино-арабских государств. (М.Хефнер, А.Рикманс и др. Отметим, впрочем, что определения термина "теократия" эти авторы не дают). Мукаррибы обычно именуется "царями-жрецами" (Priesterfürst). Насколько правомерен такой вывод?
- 5.1. Мы понимаем под теократией государственное управление, ведающееся от имени бога через религиозную организацию, заменяющую государственную или стоящую над ней. Правитель при этом является полномочным представителем бога на земле, управляющим по законам бога и от его имени. Однако положение в древ-

- них государствах Южной Аравии носит иной характер.
- 5.2. Носителями власти являются два элемента – божество и народ, вступающие в отношения союза (договора). Верховным административным и, вероятно, законодательным органом является совет старейшин, состоящий из представителей племен, т.е. народа.
 - 5.3. Правители являются не наместниками бога над народом, обладающим полной и неограниченной властью, а, напротив, магистратами со строго определенными и ограниченными функциями, представителями народа перед богом.
 - 5.4. Таким образом, государственный строй Южной Аравии никак не может быть охарактеризован как теократия. Единство государственной и религиозной организации покоится здесь на другой основе.
 - 5.5. Этой основой является задача государственной (племенной, общинной) организации: обеспечение функционирования общины. Оно достигается как рациональными (хозяйственными, военными и т.п.) так и иррациональными (религиозными, сакральными) средствами, образующими неразрывное единство.

А.С.Мартынов

КАТЕГОРИЯ "ХУА" В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

1. Категория "хуа" (изменение, преобразование) принадлежит в системе китайских политических представлений довольно видное место. "Хуа" считается неременной функцией как монарха, так и чиновников. Вместе с тем при непосредственном соотнесении этой категории с конкретной государственной практикой возникает ощущение, что "хуа" не наполнено никаким реальным содержанием.

2. Объяснение этому, столь странному, на первый взгляд, обстоятельству, как нам кажется, следует искать в общем характере китайской государственности. Согласно традиционным политическим представлениям, китайская монархия была мироустроительной. Государственная власть распространялась не только на людей, но и на мир природы. Можно даже сказать, что на природу, как на более общее, в первую очередь, а на людей, как на часть природы, во вторую. В полном соответствии с этим и содержание категории "хуа"

(изменение, преобразование) оказывается в первую очередь космическим, а во вторую — политическим. В том, что это действительно так, можно убедиться, проанализировав определения к "хуа", а также те категории, с которыми "хуа" вступает в сочетания или соседствует в устойчивых выражениях, употреблявшихся в официальных документах.

3. Источником изменений в природе, согласно традиционной китайской точке зрения, являлось чередование стихий инь и ян. Процесс изменений был всеобъемлющим. Он охватывал как Небо, так и Землю, что закрепилось в соответствующем выражении — "тянь ди чжи хуа" ("изменение Неба и Земли"). В космическом "хуа" в качестве наиболее существенных можно выделить следующие аспекты:

1/ чередование стихий инь и ян,

2/ чередование сезонов или временные изменения ("ши хуа"),

3/ процесс становления всего сущего, ("хуа чэн", "чэн хуа" — "/процесс/ завершения изменений"; "шэн чэн чжи хуа" — "/процесс/ изменений в становлении /всего/ живого"; "вань хуа" — "/процесс/ изменения десяти тысяч", то есть процесс изменения всего сущего).

Наиболее частными определениями космического "хуа", вероятно, можно считать ежемесячные характеристики процесса изменений в природе, которые помещались в специальных документах — "месячных приказах" ("юэ лин").

4. Несмотря на то, что процесс изменений в природе китайцы рассматривали, как естественный и спонтанный, он казался им непостижимым ("бу цэ"). Поэтому его наделяли самыми высокими эпитетами — "да хуа" — "великое изменение", "юань хуа" — "изначальное изменение", "чжи хуа" — "предельное изменение", "сюань хуа" — "таинственное изменение", "цзин хуа" — "блистающее изменение" и т.д. Самым крайним в этом ряду будет, пожалуй, "шэнь хуа" — "божественное изменение", где естественный процесс заканчивает свое превращение в сакральный.

5. Таинственное, непостижимое и божественное "хуа" могло быть постигнуто лишь тем, кто сам обладал этими качествами, то есть был божественным — "шэнь", великим — "да" и совершенномудрым — "шэн". Стандартное определение совершенной мудрости — "тот, кто исчерпав /свою/ божественность — шэнь, познает /процесс/ из-

менений - хуа, называется мэн - совершенномудрым. Согласно традиционным политическим представлениям китайцев, таковыми качествами в каждый данный момент в Поднебесной обладал лишь один человек, царствующий монарх, в задачу которого входило постижение процесса изменений и обеспечение его нормального хода.

6. Соприкосновение монарха с таинственным миром "хуа" чаще всего передается в официальных текстах через образ источника, поддерживаемого в чистоте: "я, император, очистил источник изменений и активизировал /в себе/ сущность государя".

Степень влияния монарха на процесс изменений описывается по-разному в зависимости от того, на какой аспект его деятельности падает акцент. Когда на первый план выступает спонтанность процесса, то для его нормального течения требуется лишь присутствие "совершенномудрого": "/ведь когда/ в Поднебесной имеется совершенномудрый, /то/ божественное изменение движется самостоятельно". Однако, воздействие монарха на процесс может быть и более активным. Он стимулирует и направляет его и в конечном счете становится его источником, в связи с чем процесс изменений приобретает существенные новые характеристики, такие как: "августейшее изменение", - "хуан хуа", "государево изменение" - "ван хуа", /процесс/ изменения /при/ замещении Неба /государем/" - "дай тянь чжи хуа" и т.д. Даже тогда, когда монарх практикует недеяние, "хуа - изменение" характеризуется уже через него, через его позицию: "у вэй чжи хуа" - "преобразование недеяннем", "чуй и чжи хуа" - "преобразование /при/ свешивающейся одежде", то есть, преобразование, осуществляемое монархом при сохранении монархом неподвижности, при практике недеяния.

7. Космическое "хуа" остается в обществе тем же самым, что и в природе, т.е. процессом закономерного изменения, преобразования, становления всего сущего. Однако, в мире людей "хуа" приобретает дополнительные характеристики, по сути дела, меняет агента действия, а из-за этого и форму связи с миром. Космическое "хуа" присуще миру, когда как политическое "хуа", входя в обширный класс "государевых влияний" на внешний мир, начинает, подобно им, распространяться в мире: "свань хуа", "бэй хуа", "ши хуа", "хун хуа" и т.д. Таким образом, процесс изменения в природе плавно переходит в преобразующее воздействие монарха на подданных, которое, сохраняя космический масштаб, спонтанный и

мистический характер, может показаться, с реально политической точки зрения, не наполненным конкретным содержанием.

Д.А.Петросян

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
НЕЛЕГАЛЬНОЙ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ
СРЕДИ МОРЯКОВ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Внимание исследователя, изучающего деятельность тайных антиправительственных организаций в турецкой армии и флоте в период младотурецкого движения, несомненно привлечет маленькая брошюра под названием *بحریه لیلره مکتوب* ("Письмо к морякам")¹.

О нелегальном характере этого издания достаточно выразительно свидетельствует не только его содержание, но и сама форма издания. Семь страниц исполненного почерком риза литографированного текста облечены в серый неприметный бумажный переплет, на котором нет никакого текста. Такую брошюру вполне можно было принять просто за листок серой бумаги, случайно валяющийся на матросской койке или на столике в офицерской каюте. Брошюра не имела указаний на время и место ее издания, как, впрочем, и многие другие нелегальные издания, распространявшиеся младотурками в пределах Османской империи.

Принадлежность брошюры к печатной антиправительственной пропаганде младотурок не вызывает сомнений. На первой же странице говорится о том, что "Османское общество единения и прогресса" ставит своей целью "спасение нации", находящейся в "тисках деспотии". Авторы брошюры писали о царствовавшем султани Абдул-Хамиде II как о правителе, "совершающем преступления". Говоря о султани, авторы заявляли, что "Османское общество единения и прогресса" считает необходимым разоблачать преступные действия "скверного правителя"².

Брошюра обращена к морякам турецкого военного флота. Написана и издана она примерно во второй половине 1897 г. Это видно, прежде всего, из самого текста, в котором мы находим упоминание о том, что "нация более двадцати лет терпит злоупотребления, совершаемые одним лицом..."³. Поскольку из дальнейшего изложения совершенно очевидно, что речь идет о султани Абдул-Хамиде II, вступившем на престол в 1876 г., то становится ясным, что брошю-

ра издана в 1896-97 гг. Отнести время издания брошюры к более определенному сроку - второй половине 1897 г. - позволяет ее содержание. В центре внимания авторов брошюры тяжелое положение турецкого военного флота, который не смог достойно противостоять греческому флоту⁴. Речь идет, несомненно, о греко-турецкой войне, имевшей место в апреле-мае 1897 г. Хотя победа в этой войне досталась Турции, султан под давлением европейских держав согласился предоставить автономию Криту, на помощь восставшему населению которого выступила весной 1897 г. Греция. Губернатором Крита был назначен греческий принц.

Младотурецкая эмигранская печать подвергла султана и его правительство самой резкой критике за их позицию в критском вопросе. В газетах младотурок публиковались статьи, в которых выражалось острое беспокойство по поводу вмешательства европейских держав в дела Османской империи. Именно это, вероятно, имели в виду анонимные авторы рассматриваемой брошюры, когда они начинали ее словами о том, что "отечество в опасности". Обращаясь к турецким военным морякам, авторы брошюры утверждали, что Европа занята вопросом о разделе Османской империи⁵.

В брошюре говорилось о бедственном положении турецкого военного флота, который за годы царствования Абдул-Хамида II ослаб настолько, что не способен противостоять врагам своей страны. Приводя примеры гибели кораблей турецкого флота из-за безответственности султанских сановников, авторы брошюры стремились показать читателю, что султан и его правительство разоряют и грабят страну. Они резко писали о том, что под предлогом строительства новых военных судов сановники султана воровали из казны миллионы⁶. При этом главную ответственность за тяжелое положение флота брошюра возлагала на султана Абдул-Хамида II, за годы правления которого ослабли "моральные и материальные силы государства"⁷. Любопытно, что, говоря об отношении султана к флоту, авторы брошюры писали, что он особенно плохо относится к нему, памятуя о той роли, которую военные моряки сыграли в свержении султана Абдул-Азиза весной 1876 г.⁸.

Брошюра призывала к мести за трагически погибших турецких военных моряков⁹. И хотя в ней не было прямого призыва к выступлению против султана или его правительства, читателя всем ходом изложения подводили к выводу о том, что мстить нужно, конечно, тем, кто довел страну до столь бедственного состояния, кто разо-

ряет страну и народ. А виновными за это брошюра недвусмысленно называла султана и его сановников. Брошюра содержала призыв к активному противодействию абдул-хамидовскому режиму. В ней прямо говорилось, что "нация, которая терпит более двадцати лет злоупотребления, совершаемые одним лицом, принимает на себя ответственность за такое положение дел"¹⁰.

В целом брошюра "Письмо к морякам" выдержана в общем духе младотурецкой антиправительственной пропаганды конца 90-х гг. XIX века. Однако она особо примечательна тем, что адресована непосредственно морякам турецкого военного флота. Возможно, что брошюра "Письмо к морякам" - первый опыт пропагандистской деятельности младотурок в турецких вооруженных силах. Во всяком случае, она свидетельствует о том, что стремление воздействовать своей пропагандой на армию и флот возникло в среде младотурок задолго до начала 1908 г., когда их организации стали вести активную вербовку своих сторонников в армии и флоте.

1) Эта брошюра была обнаружена нами в 1961 г. в г. Меджидийе (Румыния) среди остатков библиотеки одного из видных деятелей младотурецкого движения Ибрагима Темо. Она представляет собой значительную библиографическую редкость. Во всяком случае, в фондах известных нам библиотек экземпляров этой брошюры нет.

بحریہ لیبلرہ مکتوب، ص ۱-۲۲

- 3) Там же, стр.1.
- 4) Там же, стр.2-5.
- 5) Там же, стр.1.
- 6) Там же, стр.4.
- 7) Там же, стр.2-3.
- 8) Там же, стр.3.
- 9) Там же, стр.6-7.
- 10) Там же, стр.1.

АРАБСКИЕ ПЛЕМЕНА В ПРЕДАНИИ О ЙЕМЕНСКОМ ЦАРЕ АС'АДЕ АЛ-КАМИЛЕ

При исследовании историко-эпических материалов о древнем прошлом Аравии одной из основных задач является датировка имеющихся версий и выявление в них более ранних традиций. Важным критерием для такого анализа могут служить упоминания арабских племен, столь частые в прозаических и стихотворных произведениях арабов¹. Ниже приведена попытка проанализировать упоминания арабских племен в пространных стихотворениях, связываемых с именем химйаритского царя V в. н.э. Абукариба Ас'ада ал-Камила².

Стихотворения часто содержат подробные перечисления племен, якобы входивших в состав армии Ас'ада и объединявшихся общим происхождением от Кахтāна. Мусульманские генеалоги выделяют эти племена в кахтанидскую ветвь арабов, противостоящую аднанидской ("северным" арабам), и возводят их происхождение к Южной Аравии.

Среди этих кахтанидских племен, упоминаемых в стихах, приписываемых Ас'аду, можно выделить четыре группы, которые различаются по степени вероятности их действительного участия в походах южноарабского царя.

1. Коренные Йеменцы - т.е. собственно жители древнего Йемена, основное местное население южноаравийских царств, сохранившее племенное деление. Это "племена" - Алхāн, Ал'ар, /Кахлāн/, Ма'āфир, Хадрамаут, Хамдāн, Хуаулāн, Химйар.

2. Бедуинские племена, жившие в Южной Аравии - те "арабы в Тауде и в Тихаме", которые названы в титуле Абукариба Ас'ада. Они появились в Йемене в ходе процесса "бедуинизации" (IV-V вв. н.э.) и сыграли главную роль в арабизации страны. Это - 'Анс, Зубайд, Кинда, Мазхидж, Мурад, Са'д /ал-'Ашйра/, ас-Сакāсик, ас-Саккун, ал-Харис б.Ка'б.

3. Племена, причисляемые к Йеменцам, чье южноарабское происхождение подтверждается только генеалогическими легендами. Это - ал-Азд, Аус, Баджйла, Хузрадх, Хас'ам.

4. Сирийские арабские племена, причислявшие себя к кахтанидской племенной группировке. Доказательств их прямых связей с Йеменом не существует. Вместе с тем по историческим и литературным источникам можно проследить, как постепенно рождались и закреплялись легенды об их Йеменском происхождении. Эта генеалогичес-

кая фальсификация укрепляла политический союз Йеменцев и сирийских арабов против мекканской знати и центральноарабских племен, союз, который принял форму объединения якобы родственных по происхождению кахтанидских ("жюноарабских" племен). Это - Гассан, Джудам, Калб, Кудба /Хайдан/, Лахм, Тайи?

Итак, в стихотворениях предания об Ас'аде упоминаются племена, связанные с Йеменом \bar{V} - \bar{VI} вв. Следует только заметить, что названы лишь те Йеменские племена, которые и в мусульманское время играли активную политическую роль. Наряду с ними упомянуты племена, которые входили в состав "Кахтанидского союза" в эпоху раннего халифата, но никак не связаны с доисламским Йеменом. Таким образом, характер перечисления арабских племен в стихотворениях предания об Ас'аде отражает тенденции кахтанидско-аднанидского соперничества, что и позволяет датировать их временем, когда борьба между кахтанидами и аднанидами была наиболее острой - 2 пол. \bar{V} - I пол. \bar{VI} вв.

Такую датировку подтверждают: а/ Характер упоминания аднанидских племен (полное соответствие мусульманским генеалогиям), б/ широкое употребление термина Кахтан, который стал эпонимом "жюных" арабов лишь в \bar{V} в.

Между тем некоторые детали указывают на более ранние, доисламские союзы и связи арабских племен.

1. Наряду с упоминанием единого племени ал-Азд, фигурируют отдельно два племени - Азд 'Уман и Азд Шану'а, что соответствует реальному положению в доисламский период.

2. Одно из общих названий для всех "северных" арабов - Ма'адд, употреблено не только в этом своем позднем значении, но и как название одного из этнических объединений Центральной Аравии. Это доисламское значение термина зафиксировано в надписях \bar{V} - \bar{VI} вв. Другой термин для "северных" арабов - Низар, тоже употреблен в своем доисламском значении - как название одного из племен Южной Месопотамии.

3. Племенное объединение Раби'а (аднаниды) занимает в стихотворениях среднее положение между кахтанидами и аднанидами. Раби'а - проводники кахтанидов, а в одном случае раббитское Аназ включено в состав химйаритской армии. Такое положение ближе всего к политической ситуации V в., когда Раби'а входили в подчиненное химйаритам Киндитское царство.

Таким образом, в стихотворенных предания об Ас'аде ал-Камиле имеются элементы, действительно отражающие доисламскую историю Аравии. Такие воспоминания о прошлом, фрагменты ранних исторических традиций и послужили материалом для создания тенденциозного кахтанидского предания в кон. V-II-нач. VI вв.

1) Основой такого анализа могут служить выводы и материалы, содержащиеся в работах: J. Goldziher, *Das arabische Stammewesen und der Islam, Muhammedanische Studien*, I, Halle 1888, 40-100; W. Caskel, *Zur Beduinisierung Arabiens*, ZDMG, 103 (28), 1953, 28-36; *L'Antica societa beduina*, Studi di W. Dostal, G. Dossin, M. Hofner, J. Henninger, F. Gabrieli, Roma 1959; W. Caskel, *Gamharat an-nasab, das genealogische Werk des Hišam ibn Muhammad Al-Kalbi*, I-II, Leiden 1966.

2) Ахбār 'Абд ибн Шарифа в Вахб ибн Мунаббих- Ибн Хишām, *Kitāb at-tajdībān*, Хайдарабад 1347, стр. 439-483, ал-Хамдāни, ал-Икхлil, УШ, Багдад, 1931, стр. 290-294; Намшāн ал-Химйārи, *Мудхк Химйār ва акйāl ал-Йаман*, Каир 1378 г. х., стр. 85-136.

Кяхтанидские племена в преданиях об Ас'аде ал-Камиле

	1	2	3	4	
"Не слыш я"	Химйār Хаулāн Хамдāн Ма'āфйр ал-Аш'ар Хадрамаут	ас-Сахāsик ас-Сакуи Мазхидх Са'д /ал-Ашйра/	Бадхйла ал-Азд	Кудā'а /Хайдāн/ Таййи' Джузām Лахм	

	1	2	3	4	
"Умм Амр"	Химйар Хамдāн Ан ^с ар	Кинда ас-Сакун ас-Сакāsик Маъхидж Мурād Анс Зубайд ал-Хāрис б. Ка ^с б	ал-Азд Баджйла Хас ^с ам	Таййи ^с	Анас
"О люди"	Хамдāн Хаулāн	Маъхидж	Азд Азд ^с умāн	Гассāн Калб	
"Завещание"	Химйар Хамдāн Алхāн Кахлāн	Кинда ас-Сакун Маъхидж	Азд Шану ^с а Азд ^с умāн Хас ^с ам Баджйла	Кудā ^с а Гассāн	
"Бессонница"	Химйар	Са ^с д /ал- Ашйра/	ал-Азд Аус Хазрадж	Лахм Джузām	

В.В.Полосин

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ АКАДЕМИКА ФРЕНА

Среди автографов Х.Д.Френа, дошедших до наших дней, есть небольшая группа записей, содержащих своеобразный материал, который, по-видимому, никогда не использовался в работах о Френе. Имеются в виду списки адресатов, получивших от Френа в дар экземпляры его сочинений.

Как правило, эти "распределительные" списки составлялись Френом прямо на авторском экземпляре сочинения, на внутренней стороне его обложки. Три таких образца хранятся в ЛО Архива АН

СССР среди бумаг Френа (ф.778, оп. I, ед. хр. 8, л. 28; ед. хр. 21, л. 448; ед. хр. 38, л. 592), а другие находятся в библиотеке ЛО ИВ АН СССР в перечисленных ниже книгах, написанных Френом и когда-то ему принадлежавших: 1) *Antiquitatis muhammedanae monumenta varia. Particula I*: два списка на обложке, один чернилами (37 адресатов), другой - карандашом (34 адресата); 2) списка на отдельных листках (ок. 50 адресатов; 27 адресатов). 2) *Das muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums...*: список на обложке (86 адресатов). 3) *Antiquitatis muhammedanae monumenta varia. Particula II*: на обложке - основной список чернилами (60 адресатов) и остатки первоначального карандашного списка. 4) *Numi kufici anecdoti ex variis museis selecti et illustrati*: карандашный список (45 адресатов), следы стертого текста. 5) *De musei Sprewitziani mosquae numis kuficis...*: список на обложке - карандашом (66 адресатов); список на отдельном листке - чернилами и карандашом (ок. 70 адресатов). 6) *Drei Münzen der Wolga-Bulgharen aus dem X Jahrhundert n. Ch.*: список на обложке (17 адресатов); на отдельном листке (св. 50 адресатов). 7) *Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschis's...*: два списка - проект (на обложке) и окончательный вариант (на отдельном листке), который содержит много изменений (ок. 50 адресатов). 8) *Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek im Süden von Saratov...*: карандашный список на обложке (34 адресата). 9) Некоторые указания, взятые большей частью из историко-географической литературы арабов, персов и турков, преимущественно для наших чиновников и путешественников в Азии; список на форзаце (50 адресатов).

Помимо названий учреждений и фамилий лиц, получивших в дар от Френа его сочинения, указанные списки содержат нередко фамилии посредников в передаче даров "по оказии", а при фамилиях зачастую и даты, которые означают несомненно время получения посредниками книг от Френа. Иногда на обложке видны следы предварительного списка, набросанного карандашом, и тогда можно видеть, что проект не всегда согласуется с окончательным вариантом списка.

Ценность этих записей очевидна: по самому своему смыслу они должны содержать имена людей из наиболее близкого окружения Френа, дружеского - с одной стороны, и делового - с другой. Этот круг современников Френа, очерченный им самим, до известной степени характеризует общественные и деловые позиции первого директора

Азиатского музея, что имеет значение - кроме личной характеристики - и для истории учреждения. С этой точки зрения анализ всех сохранившихся списков обещает дать совершенно новый материал об основателе Азиатского музея.

Анализ списков естественным образом приводит к выделению в них адресатов зарубежных - Sasse, Castiglioni, Schröder, de Sacy, Cattaneo, Ouseley, Ideler, Kosegarten, O. Tychsen, Mainoni и др., и адресатов отечественных - гр. Сухтелен, кн. Мещерский, Аделунг, Неелов, гр. Румянцев, Оленин, Греч, Амбургер, Анастасевич, гр. Уваров, митрополит Евгений, гр. Потоцкий, А. И. Тургенев, Сенковский, Грибоедов, Салтыков, Итальянский, Карамзин, Сперанский, бар. Строганов и др.

Особый интерес вызывает, конечно, вторая группа. Фамилии адресатов этой группы подсказывают иногда новые направления розысков архивных материалов о Френе. Как видно из приведенного неполного перечня имен, "распределительные" списки Френа могут заинтересовать не только историка отечественного востоковедения, но и историков русской культуры первой половины XIX в.

Упомянутые списки дают новый материал для разработки по крайней мере двух проблем, поставленных в нашей академической печати. Первая из них заключается в выявлении в фондах Библиотеки АН СССР и библиотеки Пушкинского Дома книг, принадлежавших братьям Тургеневым - Николаю Ивановичу (декабристу) и Александру Ивановичу (ему Френом подарены несколько книг). Библиотека братьев Тургеневых поступила в БАН СССР в начале века, позднее большая часть книг была передана в Пушкинский Дом. Исследователь этого вопроса, поставивший себе задачу "Собрать как можно больше сведений о библиотеке братьев Тургеневых и выделить ее как самостоятельную книжную коллекцию"¹, сообщает, что "документы о передаче и списки переданных в Пушкинский Дом книг пока не найдены"². Возможно, что записи Френа помогут найти не только сочинения Френа из библиотеки Тургеневых, но и наведут на след других книг этой затерявшейся коллекции.

Вторая проблема касается знакомства А. С. Грибоедова с Френом и их взаимоотношений. Она возникла более сестидесяти лет назад, когда в архивных материалах Азиатского музея было найдено письмо А. С. Грибоедова к Френу. Первый исследователь этой проблемы - Л. Э. Мсерянец³ - до сих пор остается, кажется, единственным автором,

пытавшимся разрешить загадку знакомства Грибоедова с Френом. Совершенное отсутствие фактов об их контактах друг с другом (даже письмо Грибоедова датировалось 1828 годом лишь предположительно) позволяло сколько-нибудь определенно говорить только о том, что накануне своего последнего отъезда в Персию (в 1828 г.) Грибоедов по-видимому встретился с Френом.

Теперь же три записи Френа, обнаруженные нами в "распределительных" списках (об этом подготавливается самостоятельное сообщение), не только отодвигают начало их знакомства к 1823 г., но и позволяют строить более обоснованные предположения о начале, целях и характере этого знакомства.

Судя по тем же "распределительным" записям, Френ старался поддерживать деловые отношения с членами российской дипломатической миссии в Иране. Амбургер, по-видимому, был первым, с кем он вошел в контакт. Вскоре после приезда Амбургера из Персии в 1821 г. (между 14 ноября и 1 декабря, согласно показанию одного из списков) он был принят Френом. Во время встречи Амбургер показывал привезенные им из Персии монеты, среди которых Френа заинтересовала одна, чеканенная в Басре в 81/700-701 г. (см. приписку Френа на полях книги "Das schahmedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums"). Амбургер подарил тогда Френу экземпляр изданного в том году в Персии "Гулистана" Саади (см. доклад Френа на Конференции Академии наук 17 декабря 1821 г.), а Френ подарил Амбургеру свою книгу о мусульманских монетах Азиатского музея.

Подарок оправдал себя уже через полтора года. Вслед за Амбургером в "распределительных" списках Френа появляется фамилия Мазаровича, главы русской дипломатической миссии в Персии. В начале июля 1823 г. он посетил Френа и передал ему для Азиатского музея 19 монет, "о которых он узнал" (от Амбургера с его справочником, полученным от Френа?), "что они отсутствуют в академическом /нумизматическом - В. II. / кабинете или представлены хуже сохранившимися экземплярами". Мазарович обещал также Френу свое содействие в приобретении восточных рукописей в Тебризе и взялся передать А.С.Грибоедову два или три сочинения Френа (см. доклад Френа на Конференции Академии 9 июля 1823 г. и показание "распределительного" списка).

В последний раз фамилии Амбургера и Мазаровича появляются в списках Френа в июле 1824 г., когда, судя по записи Френа, Ма-

зарович взялся передать Амбургеру еще одно сочинение Френа по нумизматике - "Die Choangsoel-münzen der früheren arabischen Chalifen"

История взаимоотношений Френа с членами русской дипломатической миссии в Персии является лишь одним звеном в серии усилий, которые он предпринимал для того, чтобы привлечь в Азиатский музей (или хотя бы сделать доступным для собственной научной работы) нумизматический, рукописный или книжный материал. "Распределительные" списки Френа дают возможность выявить и другие звенья этой целенаправленной деятельности первого директора Азиатского музея.

Вышеприведенные извлечения подкрепляют общее впечатление о ценности найденных списков для биографии Френа. Вместе с сохранившейся перепиской Френа они могут стать предметом интересного исследования.

1) Т.И.Дубровская. Коллекция книг из библиотеки братьев Тургеневых. - "Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению", II, Л., 1970, 1970, стр.289.

2) Там же, стр.288.

3) Л.З.Мсернанц. К вопросу об интересе Грибоедова к изучению Востока (по поводу незаданного письма Грибоедова к акад.Френу). - Известия Отделения русского языка и словесности имп.Академии наук, т.ХШ, 1908, кн.4-я, стр.220-251.

В.А.Ромодин

"АВТОБИОГРАФИЯ" АБДУРРАХМАН-ХАНА И ЕЕ ПЕРЕВОДЫ

В 1900 г. в Лондоне была издана в двух томах на английском языке "Жизнь Абдурахмана, эмира Афганистана" (19). Русский перевод книги напечатан в СПб. в 1901 г. под несколько иным заглавием - "Автобиография" Абдурахман-хана (1). Этим именем, подходящим полностью лишь для I-го т.книги, мы будем называть здесь условно все данное сочинение, получившее при переводах на другие языки различные несходные заглавия (13, 15, 17, а также II, стр. 406).

Появление переводов "Автобиографии" было вызвано интересом к истории Афганистана и к личности автора, подробно изложившего

в I-м т. книги события своей жизни. Рецензенты часто сравнивали его "Автобиографию" со знаменитыми "Записками" Бабурра. Так, например, в русской рецензии на "Автобиографию", напечатанной в газете "Туркестанские ведомости" в январе 1902 г. утверждалось, что жизнеописание Абдуррахман-хана (т. I-й) "есть средневековый роман, подобный тому, какой представляет собою жизнь Бабурра; и как последний пред своим походом на Кабул, в начале своей блестящей карьеры, жил в крайней бедности, окруженный горстью преданных ему оборванцев, так и Абдуррахман-хан не раз переходил от власти и царской пышности в крайней нужде, и наоборот..." (5, стр. 8).

Абдуррахман-хан, сын Афзаль-хана и внук эмира Дост Мухаммада, род. в 1844 г. (16, стр. 200), с 1853 до 1863 г. жил в Афганском Туркестане (где отец его был наместником) и уже в юности активно участвовал в военно-политических событиях на севере Афганистана, а в годы междоусобий, наступивших в государстве с 1863 г., выступал как энергичнейший помощник своего отца и дяди Мухаммад А'зама в борьбе против эмира Шер Али-хана. Однако, потерпев поражение в январе 1869 г., Абдуррахман-хан был вынужден с Мухаммад А'замом бежать за границу, в земли племен вазиров, мерани и какаров, а затем через Белуджистан и Систан выехал в Мешхедскую область, на территорию Персии (I, т. I, стр. 146-182). Оттуда Абдуррахман-хан, совершив очень трудное путешествие через пустыни, достиг в сентябре 1869 г. пределов Хивинского ханства¹. Из Хивы он отправился в Бухарское ханство и, наконец, получив убежище в русских владениях в Туркестане и субсидию от царских властей, поселился в 1870 г. в Самарканде². Абдуррахман-хан прожил в русских владениях более 10 лет - до конца 1879 г., когда изменения в обстановке в Афганистане в ходе 2-й англо-афганской войны побудили царское правительство разрешить Абдуррахман-хану выехать на родину. Царские власти желали иметь соседом в Средней Азии не английскую колонию, а самостоятельное Афганское государство во главе с Абдуррахман-ханом (2, стр. 419 и прим. 53; 6, л. 239). В самом начале 1880 г. он прибыл в Бадахшан (3, стр. 262), вскоре утвердил свою власть над Северным Афганистаном, вступил в переговоры с англичанами и двинулся на Кабул. К лету 1880 г. англичане, убедившись в срыве своих завоевательных планов в Афганистане, решили договориться с Абдуррахман-ханом и передать ему Кабул, рассчитывая, что он пойдет на большие уступки. Эти

расчеты оправдались, Абдурахман-хан отказался от права самостоятельных дипломатических сношений с другими государствами, согласившись на контроль англичан над внешней политикой Афганистана. Однако Абдурахман-хану удалось сохранить самостоятельность во внутренних делах. В июле-августе 1880 г., получив признание со стороны англичан и материальную помощь от них, Абдурахман-хан стал эмиром в Кабуле, а затем в течение года распространил свою власть на все основные области Афганистана.

Для изучения перечисленных событий "Автобиография" (т. I) служит одним из важных источников. Вместе с тем она — неповторимый человеческий документ, характеризующий автора, его склонности и способности, взгляды и представления, кругозор и знания, суеверия и предрассудки. Имеют значение и содержащиеся в последних главах I-го и во II-м тт. сведения о времени правления Абдурахман-хана (1880-1901), о его экономической политике и деятельности в области военной, административной и т.п. Однако пользоваться материалами II т. следует с большой осторожностью. В отличие от I т., перевод и издание которого были осуществлены по автографу самого Абдурахман-хана, доставленному в Лондон, II т. был составлен находившимся в Англии Султан Мухаммад-ханом по различным источникам (I6, стр.656), по разновременным записям, сделанным им в предшествующие годы в Афганистане под диктовку эмира и т.д. (I0, стр.У, УШ).³ Об оригинале I т. в предисловии к англ.изд. сообщалось, что "часть книги" (I-го т., см. I6, стр. 656) была написана собственноручно эмиром и что список оригинала Султан Мухаммад-хан намеревался сдать в Британский музей (I0, т. I, стр. УШ). Однако, как выяснено авторитетным библиографом: Стори, это намерение осуществлено не было, и персидский оригинал "Автобиографии", т.е. I-го т. или части его "в Британский музей никогда не поступал". (II, стр.406).

Поскольку персидский оригинал "Автобиографии" при последующих переводах ее на различные языки оставался недоступным, опубликованные переводы этого сочинения выполнялись с английского издания (т.е. с перевода, а не с оригинала), в их числе и ретрансляция на персидский язык, законченная в феврале 1902 г. и напечатанная литографским способом в Лахоре под названием "Тадж аттаварих" (I7)⁴. В 1902 г. в Агре был опубликован перевод "Автобиографии" на урду, озаглавленный "Тузук-и 'Абд ар-Рахман" (II,

стр.406). Подготовленный в Сибири неполный турецкий перевод (I-го т.), выполнившийся с персидского, был напечатан в Иркутске в 1917 г. (13) под названием "Афган тарихи". Наконец, в 1960 г. в Пензаре был издан перевод на язык пушту (с английского) только I-го т. "Автобиографии", составивший последнюю часть (4-й т.) обширного труда по истории пуштунов Казим Атаулли-хана - "Ды пантано тарих" (15).

При наличии переводов "Автобиографии" на персидский язык и на урду представлялось странным отсутствие указаний на публикации этих переводов в списке книг, использованных при написании официальной истории Афганистана "Сиррадж ат-таварих", II-й т. которой, содержащий биографические сведения об Абдурахман-хане, был напечатан в Кабуле в 1912/13 г. Однако в этом списке (16, стр.3) упомянуто сочинение Абдурахман-хана под названием "Панд-наме-йи дунйа ва дин". Уже в 1924 г. А.А.Семенов отметил, что содержащиеся в "Сиррадж ат-таварих" подробности о пребывании Абдурахман-хана в русских пределах "в главных чертах тождественны с теми, что изложены в его *تاج التواريخ*" (4, стр.206). Афганскими учеными в последние годы признано, что I-й том "Автобиографии" Абдурахман-хана и его "Панд-наме-йи дунйа ва дин" - одно и то же сочинение, причем указывается, что сочинение "Панд-наме-йи дунйа ва дин" было издано в Кабуле литографским способом (14, стр.16). К сожалению, кабульские литографии времени правления Абдурахман-хана в библиотеках представлены очень неполно и литографское издание "Панд-наме-йи дунйа ва дин" отсутствует в библиотеках, каталоги которых нам известны. До введения в научный обиход этого издания привлечение материала из I-го тома "Автобиографии" Абдурахман-хана остается возможным только по переводам этого труда, причем для более полного и правильного понимания этого материала необходимо использование соответствующих сведений из I-го тома, содержащихся в "Сиррадж ат-таварих", восходящих непосредственно к оригиналу (16, стр.656).

Список источников и литературы

1/ Автобиография Абдурахман-Хана, Эмира Афганистана. Издано Султаном Магомед-ханом. Пер. с англ. М. Грулев. С прилож. карты Афганистана, портрета Абдурахман-Хана и 8 рис., тт. I-II, Спб., 1901.

2/ В.В.Бартольд, История культурной жизни Туркестана, -

В.В.Бартольд, Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 167-433.

3/ В.М.Массон, В.А.Ромодни, История Афганистана, т. II, Афганистан в новое время, М., 1965.

4/ А.А.Семенов, /Рецензия на кн.:/ "Светильник истории" **سمراج التواريخ** - "Известия Туркест.отд.Русского Геогр. Общества", т. XIII, Ташкент, 1926, стр. 197-207.

5/ "Туркестанские ведомости" от 6 (19) января 1902 г., № 2, Неофициальный отдел, стр. 7-8.

6/ ЦГВИА, ф. ВУА, № 6932.

7/ ЦГИА УзССР, ф. М-125, оп. 2, № 260.

8/ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 29, № 24.

9/ Deutsche im Hindukusch. Bericht der deutschen Hindukusch-Expedition 1935 der Deutschen Forschungsgemeinschaft., Berlin, 1937.

10/The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. Ed. by Mir Munshi Sultan Mahomed Khan., vols. I-II, London, 1900.

11/C.A.Storey, Persian Literature. A bio-bibliographical Survey, London, 1927-1958.

12/ Sultan Mahomed Khan, The Constitution and Laws of Afghanistan, London, 1900.

13/ **افغان تاريخی افغانستان امیری مرحوم امیر عبد الرحمان خان حضرت ترنينا اثری**
ترجمہ سی بیرنجی جلد - بیرنجی کتاب مترجم علی عباس مذہب ۱۹۱۷

14/ **محمد کاظم آهنگ سیر ژورنالیزم در افغانستان کابل ۱۹۷۰**

15/ **د پشتو تاریخ تالیف قاضی عطا الله خان خلورم جلد د امیر عبد الرحمان خان د قلم**
نه کال سنه ۱۹۷۰ ۱۰۰۰ اداره اشاعت سرحد پیپور

16/ **فیض محمد کاتب بن سعید محمد مغوی معروف بهزاره محمد خواجه سراج التواريخ**

17/ **ج ۱ - ۱۳۶۱ کابل ۱۳۶۱**
مکمل تاج التواريخ هر دو حصه یعنی سوانح عمری اعلی حضرت امیر عبد الرحمن خان
۰۰۰ بمطبع اسلامیه لاہور پزیر: ابج آراسته گردید

1) В Архиве хивинских ханов хранится письмо, посланное Абдуррахман-ханом хану Хивы в связи с приездом в его владения (7).

2) В этот город он впервые прибыл из Бухарского ханства

13 февраля 1870 г. со своей семьей и группой приближенных, воянов и личных слуг, — "всех авган" с ним было 221 человек (8, л.4).

3) Султан Мухаммад-хан, готовивший к изданию "Автобиографию" и переведивший ее на англ.яз., состоял на службе у эмира Абдурахман-хана с 1887 г. в качестве мир-мунши (10, т.II, стр.23), во время подготовки англ.издания находился в Англии, где обучался в аспирантуре Кембриджского университета и защитил юридическую диссертацию, опубликованную им в Лондоне в 1900 г. (12). По содержащимся в официальной истории Афганистана сведениям, Султан Мухаммад-хан уехал из Афганистана без разрешения эмира (16, стр.656).

4) О персидском переводе и литографских изданиях его см.II, стр.406 и 9, стр.257.

О.И.Смирнова

АВЕСТИЙСКОЕ VISĀRA В ТОПОНИМИКЕ ВЕРХНЕГО ЗЕРАВШАНА

В верховьях реки Зеравшан, высоко в горах на границе с Матчем (у арабских географов *مسخا*, следует **مسيبا*), между селением Раза и Оббурдан лежит селение Вишаб или Вишпал, вариант Вешал, сохранившее, как и некоторые другие верхнезеравшанские селения, свое древнее название.

Селение Вишпал расположено у устья одного из зеравшанских правобережных саев (каньонов), известного у местного населения под названием Сои Вишпал, т.е. Сай Вишпал^I.

В селении, почти на обрыве глубокого ущелья, по дну которого несет свои бурные воды Зеравшан, сохранились остатки сторожевого укрепления — валы, именуемой местным населением Калаи джари хисор, что значит "Кала крепостного (хисār) рва". Судя по этому названию, здесь в раннем средневековье находился крупный замок типа урмитановского, что в свою очередь указывает на бывшее значение интересующего нас селения, жизнь которого была в свое время тесно связана с древним караванным путем, проходившим вдоль по Зеравшану в Алайскую долину на Камгар и Яркенд. Сейчас, как и прежде, этот старый путь пересекается в селении другим — вьючной тропой, связывающей верховья Ягноба и Анзобский перевал с уратыбнским плоскогорьем. Находящийся в селении мазар XV века

может говорить о важности этого места как центра какого-то древнего культа: случаем, когда старое место почитания адаптировалось новой религией, не так уж редки.

Когда и как начало свою жизнь интересующее нас верхнезерзаванское селение Вишап, мы еще не знаем. На этот вопрос ответят археологи. Сейчас несомненно одно: это селение должно было существовать во всяком случае в УП веке, о чем могут в частности свидетельствовать мугские документы, в которых зафиксировано прозвище согдийца $wu\check{\beta} \beta \check{\zeta} = (* v\check{i}\check{\zeta}a \beta \check{i}\check{\zeta})$ "вешалец", "из Вешала", "выходец из Вешала" ($wu\check{\beta} \beta + \text{суфф.} = \check{\zeta}$)². Имя последнего внесено в денежную ведомость канцелярии согдийского царя Деваштича (Мугское собрание, док. А 5, стр.6).

Название селения Вишап до сих пор не являлось предметом специального исследования; этимология его не раскрыта. В среднеиранских текстах, кроме указанного документа из Мугского собрания, не встречается. Созвучное ему слово вишап засвидетельствовано в армянском языке, в котором оно означает сказочных драконов и рыб. Армянскому вишап соответствует сказочные змеи вешали в грузинском. Грузинское вешали в сочетании с собственно грузинским словом гвел "змея" является специальным названием гигантской змеи Гвел Вешали, т.е. "Змея Вешали".

Армянское вишап, как и грузинское вешали, оказалось в центре внимания востоковедов после того, как Н.Я.Марр открыл в горах Армении каменные изображения рыб и икур жертвенных животных (главным образом быка)³.

Больше всего таких изображений обнаружено в Гехамских горах в районе Еревана на кочевке, именуемой армянами Вишапнер, что значит "вешали", а курдами и азербайджанцами Аждаха-врт, т.е. "стойбище драконов". Рядом с вртом вишалов оказался еще один, но меньших размеров, известный под названием Гел-врт⁴. Кроме Гехамских гор, вишапы, их группы и отдельные камни, обнаружены в ряде других мест Армении, а также в Грузии, жители которой в отличие от своих соседей армян называют их вешали, т.е. именем сказочных змей. И.И.Мещанинов сопоставил гехамских вишалов с одной из групп каменных памятников культового значения из Северной Монголии, в частности с каменным изваянием из окрестностей Тувинского селения Туран (на южном склоне Саянских гор), наиболее близким по его мнению, к Гехамским памятникам⁵. После

И.И.Мецагиннова монгольские памятники, в данном аспекте, насколько мне известно, никем не исследовались.

Б.Б.Плотровский, посвятивший гехамским вишалам специальное исследование, пришел к заключению, что таковые воплощали в себе древнейших местных духов, покровителей вод, являлись стражами горных родников, у которых ставились их изображения⁶. О том, что в Армении существовал культ вишалов сомнений быть не может, кроме каменных изваяний, об этом говорит местная топонимика. Ряд армянских святилищ связан в прошлом с их почитанием. Существовал также монастырь, носивший имя Вишалзор (Вишалово Уцелье), а у Ванского озера находился город Вишал⁷.

К сожалению, во всех этих исследованиях не учтено предложенное в свое время объяснение армянского вишал как термина заимствованного из иранского. Так в древнеперсидском словаре Хр. Бартоломе армянское вишал зафиксировано как слово, заимствованное из иранского и восходящее к позднеавестийскому прилагательному višāra = "обладающий ядовитой слюной"⁸.

Армянскому вишал, его происхождению и смысловому содержанию посвящена специальная статья известного ираниста Е.Бенвениста⁹, предложившего видеть в позднеавестийском višāra = , представленным армянским нарицательным вишал, имя одного из демонов древнеиранской мифологии в Авесте *Aži Višāra, вероятно, существовавшего в представлениях древних иранцев наряду с двумя другими: Aži Dahāka "Громадным змеем"¹⁰ и ядовитым (wišawant) Aži Srvara "Рогатым змеем", образ второго из которых им был постепенно вытеснен. Заимствованное из иранского слово проникло в армянский язык и закрепилось в нем в форме višar (соврем. ušar; ср. сирийское wšr), в грузинском - в варианте vešari. Этот последний, по мнению Э.Бенвениста, является поздним отражением незафиксированного североиранского *vēšara (из *vašāra =) с неясной, как и авест. višāra, этимологией, первая часть которого должна восходить, вероятнее всего, к авестийскому viša "яд".

С авестийским *Aži Višāra "Змеем Вишалом" был связан, по мнению ученого, определенный круг верований Северного Ирана, неизвестный Оджому, проникший вместе с рядом других заимствований в Армению и Грузию из аршакидского Ирана, вероятнее всего, около первого века до нашей эры.

Представление о вишалах, сложившееся у армян и грузин,

отнюдь не противоречит гипотезе Е. Бенвениста. В ряде случаев оно совпадает с представлением об Аждахаке, сказочном драконе-рыбе того же армянского фольклора, образ которого восходит к авестийскому Аži Dahāka "Громадному змею", представленному в иранском эпосе и фольклоре двумя ипостасями царя Ирана тирана Зуххака и исторгающего пламя дракона - аждаха¹¹. Как известно, немало армянских преданий и легенд тяготеют к древнеиранской мифологии. Напомним здесь еще о герое сказания, приведенного в Истории Армении Моисеем Хоренским, змеборце Вахагне, победителе вишапов, чье имя восходит к имени древнеиранского бога войны - Vərəγrauua- Авесты. Победа армянского змеборца Вахагна символизирует победу армян над мидийцами, тогда как чудовищный Зуххак олицетворяет арабское иго в Иране.

В связи с вышеизложенным среднеазиатский топоним Вишап приобретает особое значение. Нет сомнений в том, что это слово так же, как и армянское вишап и грузинское вешапи восходит к авестийскому višāra, а фонетическая форма Вешап, зафиксированная вариантом топонима, соответствует незасвидетельствованному североиранскому варианту *vēšāra, предложенному Е. Бенвенистом в качестве исходной формы грузинского вешапи.

На наш взгляд, название селения Вишап в топонимике Верхнего Зеравшана свидетельствует о существовании в Средней Азии в ее далеком прошлом культа, связанного с древнейшими мифологическими представлениями - культа демона-змея хранителя источников, одного из трех змеев, имена которых сохранила нам Авеста: Аži Dahāka "Громадного Змея", Аži Srvara "Рогатого Змея" и "Аži Višāra "Ядовитого Змея". А если это так, то в пределах селения Вишап или вблизи от него должно было в свое время иметься святилище, посвященное змею Вишап, и стоять его изображение. Но мы вправе предположить и другое: авестийское прилагательное višāra- в Найрангистане, единственном тексте, в котором оно встречается, стоит изолировано; сочетание его со словом аži "змею" предложено Е. Бенвенистом. В этой связи вполне допустимо, что оно являлось не именем собственным одного из местных мифических змеев, а одним из эпитетов ядовитого Аži Srvara "Рогатого Змея" или же было общим обозначением древнеиранских демонов-змеев, как это имело место в Армении. На существование в Средней Азии культа Громадного Змея Аži Dahāka Авесты в одной из его ипостасей может свидетельствовать терракотовая фигура Зуххака (хранится в отделе Востока гос. Эрмитажа),

происходящая, как предполагает Н.В.Дьяконова, из одного из оазисов Восточного Туркестана и датируемая ею УП-УШ вв. н.э.¹².

Независимо от решения этого последнего вопроса мы вправе высказать следующее предположение: в Средней Азии, как и за ее пределами, был, как известно, до последнего времени широко распространен змеиный культ, и не лишено вероятия, что этот культ обязан своим происхождением существовавшему некогда в стране почитанию демонов змеев, игравших, как и вишапы в Армении, роль хранителей источников. В таком случае наличие следов почитания их в Средней Азии становится понятным. Становится понятным и широкое распространение этого культа (Средняя Азия, Кавказ, Северная Монголия).

1) О.И.Смирнова, Вопросы исторической географии в топонимике Верхнего Зеравшана. - МИА, 15 (1950), стр.64.

2) Согдийские документы с горы Муг, вып.Ш, М., 1963 г., стр.108. К чередованию β /р ср.согд.н' $\beta = /n'p =$, $\beta u\check{u}y\check{a}t\check{u}/p\check{u}y\check{a}t\check{u}$, а также согд.рwуѣт "бухарец" и тадж.Бухоро "Бухара", в местном произношении Пухоро с начальным глухим.

3) Н.Я.Марр и Я.И.Смирнов. Вишапы. - Труды ГАИМК, т.1, 1931 г., а также; И.И.Мещанинов. Каменные статуи рыб - вишапы на Кавказе и в Северной Монголии. - Зап.Коллегии востоковедов, т.1, 1925 г.; В.А.Миханкова. Вишапы. - Сообщения ГАИМК, 1931 г., № 9/10, стр.47-52; Л.М.Меликсет-Бек. Вишапы и вишапоиды Грузии-ИСИИМК, XV, 1947, стр.27-37; М.Л.Меликсет-Бек. Металлическая культура в Грузии. Тбилиси, 1938 (на грузинском языке, русское резюме).

4) Н.Я.Марр..., стр.3.

5) И.И.Мещанинов, Каменные статуи..., стр.407.

6) Б.Б.Пиотровский. Вишапы. Каменные статуи в горах Армении. Ленинград, 1939 г., стр.36-58.

7) Там же, стр.20.

8) Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, стлб.1473: j. višāpa= -Adj."des Säfte Gift sind (Altes komp. ar. *uiš= "Gift" + *sāpa= "Saft")... arm. ԼԻՎ višap.

9) E. Benveniste. L'origine du višap armenien. - Revue des

études armeniennes, vol. 7, 1927, p. 7-9.

10) I. Gershevitch. Amber at Persepolis. - "Studia classica et Orientalia Antonio Pagliaro, ablata", vol. II, Roma, 1969, p. 234.

11) Имя Зухака представляет созвучное иранскому Dabāk(a) арабское распространенное в раннем средневековье имя-прозвище аз-Зухāk, дословно "Хохотун".

12) Н. В. Дьяконова, Терракотовая фигурка Захака. - Труды отдела истории культуры Востока, т. III, 1940, стр. 195-208.

И. Е. Фадеева

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИДХАТ-ПАШИ В БОЛГАРИИ В 1864-1868 гг.

В 1864 г. в Османской империи был издан закон о создании Дунайского вилайета, в состав которого вошла северная и юго-западная часть нынешней Болгарии. Эта провинция была постоянным очагом восстаний против турецкого господства. Развивавшиеся здесь капиталистические отношения стимулировали национальное развитие болгарского народа, усиливая национально-освободительную борьбу болгар, которые наряду с гнетом турецкого феодально-деспотического режима испытывали национальное угнетение.

Реально существовавшая в середине XIX в. угроза распада империи заставляла наиболее дальновидных турецких политиков искать новые пути к сохранению турецкого господства в различных провинциях Османской империи. Одним из наиболее ярких примеров такого рода была деятельность в Болгарии видного представителя турецкого правящего класса Мидхат-паши. Ряд мероприятий, проведенных им в 1861-1864 гг. с целью укрепления турецкой власти в Нишском эйалете, привлек внимание центрального правительства.

В 1864 г. Мидхат-пашу вызвали в Стамбул для обсуждения вышеназванного закона, который заложил основу нового административного деления страны на вилайеты, санджаки, каза и нахйе¹. В нем были подробно изложены принципы административного устройства Дунайского вилайета. Так, предусматривалась некоторая реорганизация административных советов, созданных в прежних эйалетах согласно ферману 1840 г. Часть членов их назначалась турецкими

властями, часть должна была избираться местным населением. Новым элементом в институте административных советов, согласно закону 1864 г., явилось равное представительство в них мусульман и христиан.

По мысли Мидхат-паши, выборы членов советов от местного населения должны были уничтожить самоуправство представителей центральной власти². Однако на деле это выглядело иначе. Положения о выборах в члены административных советов предусматривали избрание населением выборщиков, подчиненных имущественному, образовательному и возрастному цензу, которые затем голосовали за список лиц, представленный исполнительной властью. При этом выборщики избирали большее число депутатов, чем это было необходимо, с тем, чтобы турецкие власти могли выбрать из них тех, кого считали наиболее для себя подходящими. Интересное описание подобной системы выборов в советы дал русский консул в Видине М. Байков в своих донесениях за 1865 г.: "...каймакам Сабри-паша пригласил к себе протомерея Иоанна и просил его составить ему список кандидатов из городских болгар более богатых, умеющих свободно читать и писать на родном языке. При этом каймакам заметил протомерею, чтобы он не записал в число кандидатов болгар подобных характером изгнанному отсюда Цанки Ходжи Ангелову и старику Ходжи Петову, который в 1860 г. смело высказал здесь Великому Визирю Кибрисли Паше все местные злоупотребления. Составленный протомереем список кандидатов был отправлен властью по всем округам для собрания голосов, и, по совершении этого, каймакам избрал тех, кто имели меньше голосов и неизвестны народу"³.

Естественно, что при такой системе выборов членами административных советов становились представители наиболее зажиточной части болгарского населения, представители чорбаджийской буржуазии, которые выступали защитниками турецкого господства в Болгарии. Они менее всего могли выразить интересы широких народных масс, на что и рассчитывали организаторы реформы, в том числе и Мидхат-паша. Реорганизация советов была задумана с той целью, чтобы дать возможность выразить свои интересы местной крупной буржуазии, создав из нее прочную опору турецкому господству в Болгарии, а также для того, чтобы продемонстрировать Европе свое стремление дать христианам равные права с мусульманами.

Создание административных советов явилось важной вехой на пути развития в политической жизни Османской империи принципа выборности, дало первую идею о возможности существования в стране представительной власти, ограничивающей личный произвол в делах управления государством. Закономерным продолжением этого процесса развития представляется поэтому парламент, созданный в стране в 1876 г. усилиями того же Мидхат-паши. Однако из этого вовсе не следует, что Мидхат-паша, находясь на посту генерал-губернатора Дунайского вилайета, уже тогда думал о возможности создания в Османской империи выборного законодательного органа при султанах.

Реорганизации подверглась и судебная система. Так, в Болгарии были созданы суды, в которых в качестве постоянных членов в равном числе были представлены мусульмане и христиане⁴. Система выборов не отличалась от той, которая была предусмотрена для административных советов.

Судебная реформа принесла мало улучшений системе турецкого правосудия, т.к. в судах по-прежнему председательствовал кадий, не принималось свидетельство христиан против мусульман, а принятое председателем решение, как правило, одобрялось всеми членами суда⁵.

В интересах тех же слоев, которые получили от правительства некоторое право принимать участие в делах управления вилайетом через административные советы, Мидхат-паша стремился к оживлению экономической жизни в Болгарии. С этой целью им велось интенсивное строительство дорог, которые способствовали расширению и укреплению болгарского внутреннего рынка. Мидхат-паша явился инициатором создания в вилайете сельскохозяйственных касс, предоставлявших кредит нуждавшимся в нем крестьянам⁶. При этом следует, однако, отметить, что денежные ссуды из этих касс брали, в основном, представители сельской буржуазии.

В годы правления Мидхат-паши в Болгарии была построена железная дорога Ружук - Варна. Концессия на ее строительство была дана английской компании барона Гирша⁷. Несмотря на то, что при постройке ее Мидхат-паша менее всего руководствовался экономическими соображениями, ибо дорога должна была облегчить правительству транспортировку войск из Стамбула в случае анти-турецких выступлений в Болгарии, объективно она способствовала

развитию болгарской торговли, делая более доступным для местной буржуазии внешний рынок.

Стремясь к развитию в вилайете сельского хозяйства, Мидхат-паша пытался пропагандировать современные методы его ведения. Он создал в окрестностях Рузюка образцовое хозяйство - чифлик, в котором использовались современные сельскохозяйственные машины, выписанные им из Европы⁸.

Уделяя особое внимание сельскому хозяйству и торговле, Мидхат-паша заботился и о развитии в Болгарии местной промышленности. В своей речи на открытии в Рузюке в 1866 г. Общего совета вилайета он выразил сожаление, что в провинции еще недостаточно развита частная инициатива⁹. Сам Мидхат-паша явился основателем общества по перевозке пассажиров дилижансами, а также судоходной кампании на Дунае, для нужд которых им были основаны фабрики по производству транспортных средств¹⁰. В созданных им сиротских приютах, по его предложению, воспитанников обучали какому-либо ремеслу или специальности, позволявшей им затем работать на местных предприятиях¹¹.

Известно, что Мидхат-паша поддержал болгарских промышленников в их движении против потребления иностранных товаров: он демонстративно носил одежду из болгарского шаяка¹².

Мероприятия Мидхат-паши, носившие, в целом, буржуазный характер, способствовали экономическому развитию края, однако принесли мало пользы широким слоям трудящихся, т.к. налоговый гнет во время его правления в значительной мере усилился. Налоговая политика Мидхата, проводившаяся, главным образом, в интересах казны, тяжелым бременем ложилась на плечи местного населения. Огромная годовая сумма налога по Дунайскому вилайету не только собиралась полностью, но и превышалась. В целях достижения этого Мидхат-паша не останавливался перед тем, чтобы возродить откупную систему взимания налогов, официально отмененную правительством¹³. Все мероприятия Мидхат-паши в Дунайском вилайете проводились за счет самого населения, которое было вынуждено платить множество новых налогов и экстраординарных поборов. Кроме того, огромный корпус хандармов и тайная полиция, созданные Мидхат-пашей в целях предотвращения антитурецких выступлений, требовали больших средств, которые правительство дать не могло. Непосильное налоговое бремя никак не могло способствовать "про-

цветании" провинции, к которому стремился Мидхат¹⁴, а вызывало лишь рост антитурецких настроений в широких слоях болгарского населения.

Недовольство болгар вызывала и предполагавшаяся Мидхатом реформа системы образования. Она предусматривала создание смешанных училищ, в которых могли учиться турецкие и болгарские дети. По их справедливому мнению, созданием смешанных училищ правительство стремилось к "уничтожению самостоятельного характера христианских общин и ослаблению, по возможности, народных и религиозных чувствований в молодом поколении"¹⁵. Эта реформа, не получившая одобрения султанского правительства, была связана с наметившейся в Дунайском вилайете политикой Мидхат-паши, которая ставила своей целью постепенное сглаживание религиозных и национальных противоречий в целях создания в Османской империи единой нации, османской, в которую бы на равных правах вошли все народы империи независимо от их религиозной и национальной принадлежности. Одним из проявлений той же политики "османзации", по-видимому, следует считать обращенные к болгарам призывы Мидхата помочь пострадавшим во время событий на о. Крит мусульманам¹⁶.

Мидхат-паша отрицательно относился и к созданию автокефальной болгарской церкви, боясь усиления в связи с этим национально-освободительных тенденций в Болгарии. Этим объясняется его поддержка греческого духовенства, в котором он видел опору турецкому режиму в этой османской провинции¹⁷.

В целом, деятельность Мидхат-паши в Болгарии, имевшая своей основной целью любыми средствами сохранить ее в составе Османской империи, не принесла желаемых результатов. Восстания 1867-1868 гг. показали ее несостоятельность и невозможность остановить закономерный процесс национального развития болгарского народа с помощью частичных реформ, не затрагивавших основ феодально-деспотического режима в Османской империи.

Рост национально-освободительной борьбы в Болгарии не могли уже остановить и чисто насильственные меры. Репрессии Мидхат-паши могли лишь на короткое время погасить огонь восстаний. Это начинали понимать даже в Стамбуле. Так, турецкий дворцовый историограф Лютфи-эфенди писал, что победа правительственных войск в Болгарии похожа на подрезание виноградной лозы, корни которой от этого только крепнут¹⁸.

- 1) مدحت پاشا، حیات سیاسیہ سے، حدما سے، منفا
میات سے، برنجی کتاب، استانبول، ۱۳۲۰، ص. ۲۴.

Далее везде: Мидхат-паша, Указ.соч.

- 2) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.2182^б, л.82.
3) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.1650, л.17.
4) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.1652, л.19.
5) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.1619, л.8.
6) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.2182^б, лл.90-91.
7) А.А.Попова, Национально-освободительная борьба болгарского народа в 60-х годах XIX в., "Вопросы истории", 1953, № 10, стр.56.
8) Мидхат-паша, Указ.соч., стр.40;
110 احمد مدحت، اس انقلاب، قسم اول، استانبول، ۱۲۹۴، ص. ۱۱۰
9) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.2182^б, л.94.
10) Мидхат-паша, Указ.соч., стр.32-33; Ali Haydar Midhat, Midhat Pasha, sa vie-son oeuvre, Paris, 1908, p.7.
11) Мидхат-паша, Указ.соч., стр.33.
12) Д.Косев, Новая история Болгарии, М., 1952, стр.235.
13) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.1652, л.35.
14) Мидхат-паша, Указ.соч., стр.27.
15) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.2182^б, л.27.
16) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.2183, лл.13-15.
17) АВПР, ф.Посольство в Константинополе, д.1650, л.36.
18) Enver Ziya Karal, Osmanli tarihi, cilt VII, Islahat fer-
manı devri (1861-1876), Ankara, 1956, s.95.

И.Ф.Фихман

ОКСИРИНХСКИЕ ЖУРНАЛЫ

I. Во время своего пребывания в Египте в 199-200 г. император Септимий Север предоставил египетским метрополиям право

иметь совет (boule). Хотя реформа была проведена в эпоху упадка муниципальной жизни в империи в целом, а в Египте — при отсутствии глубоких муниципальных традиций, она не осталась без серьезных последствий для судеб египетских городов. Одним из них было создание нового социального слоя курялов. Ниже рассматривается эволюция этой социальной группы на материале папирологических данных, донесенных от города Оксиринха.

2. Деление свободного населения города на два разряда — курялов и рядовых жителей официально засвидетельствовано источниками середины III века, (Р.Ох., 2664), но оно было введено вероятно сразу же после дарования права иметь совет. Курялы обозначались в оксиринхской документации двумя терминами: *bouleutai*, заимствованном из лексикона древнегреческих полисов и *politeuomenoi* появившемся значительно позже и вытеснившим первый. Преобладает первый термин (143 из 160 упоминаний), что безусловно связано с неуклонным падением значения данного социального слоя (106 курялов, упоминаемых в III веке, 38 в IV веке, 10 в V веке и 6 в VI веке). Первые ссылки на оксиринхских *bouleutai* относятся к 211 г., последняя к 426 г., *politeuomenoi* с несомненностью упоминаются впервые в конце IV века. Папирологическая документация не позволяет установить какие бы то ни было качественные различия между обоими обозначениями.

Принципы отбора кандидатов в оксиринхскую курю и процесс формирования в Оксиринхе прослойки курялов невозможно установить с исчерпывающей полнотой, можно предположить, что Оксиринхские курялы, как и курялы других египетских городов, отбирались из числа наиболее состоятельных знатных и общественно-активных жителей города, из числа так называемых *hoi apo gymnasion* и прежде всего из числа членов совета архонтов. Собранный материал свидетельствует о наличии у курялов и у членов их семей (прежде всего у жен) земельной собственности и постоянного интереса к сельскому хозяйству. Курялы владели также домами, иногда сдаваемыми в аренду, помещениями, оборудованными для производственных целей или могущими быть приспособленными для этого при желании съемщика. Курялы располагали и движимым имуществом, в том числе и рабами. Но оксиринхский материал не подтверждает выдвинутую некоторыми исследователями точку зрения, что основная масса рабов принадлежала курялам и эксплуатировалась в их хо-

зяйстве. О довольно значительном хозяйстве говорит наличие у некоторых курмалов управленческого штата. Хотя этот штат не шел ни в какое сравнение с аппаратом крупных имений У I в. он в какой-то мере его предвосхищал.

4. Не все "архонты" были курмалами и не все курмалы были "архонтами", но все-таки большинство курмалов привлекалось к выполнению различных муниципальных магистратур и обязанностей. Из 160 выявленных нами курмалов не более 39 человек не может быть формально причислено к этой группе, в том числе 21, относящийся к византийскому периоду. Помимо курмалов, о которых сказано, что они занимали в прошлом почетные должности (*arkhantes*), тексты упоминают пританов, гимнасиархов, экзегетов; косметов, архиереев, евтенархов, агораномов и т.д., причем подавляющее большинство курмалов исполняли не одну должность, а несколько, чаще всего последовательно, иногда одновременно.

5. Для правильной оценки социальной значимости курмальных кругов следует принять во внимание, во-первых, тесные связи между курмалами - родственные, хозяйственные, культурно-идейные и, во-вторых, тесные связи с курмалами различных городов, в особенности с курмалами Александрии. Эти связи несомненно использовались как в интересах Оксиринха, так и его курмальной прослойки.

6. Оксиринх получил право на совет уже в эпоху упадка муниципального строя. В какой же мере курмальная прослойка, хотя и не возникшая на пустом месте, смогла консолидироваться, и надолго ли сумела удержать свои позиции? Прежде всего уже само хронологическое распределение папирологических сведений о конкретных оксиринхских курмалах, которые были приведены выше, свидетельствует о резком падении числа упоминаний, начиная с IV века (в особенности со второй его половины). Сопоставляя этот материал с обильной документацией, относящейся к крупным землевладельцам, представителям администрации и армии, нельзя не сделать вывод, что нисходящая кривая упоминаний курмалов отражает реальную утрату ими их общественных и материальных позиций. Меняется и ситуация, в связи с которой курмалы упоминаются в оксиринхской документации. Если до конца IY века они выступают в качестве должностных лиц, ответственных за работу отдельных секторов муниципальной организации или за выполнение отдельных конкретных поручений, то в последующее время курмалы упоминаются далеко не всег-

да в связи с подобного рода деятельностью. Вместо активных курials мы видим людей, о деятельности которых ничего не сообщается, либо курials, находящихся на службе у ведомства императорских имений, ведущих существование, мало отличающееся от жизни деревенских жителей, связанных или, быть может, даже зависимых от крупных землевладельцев, в число которых некоторые и вошли, в основном, хотя и не исключительно, вне сферы муниципальной деятельности. Исчезают и сведения о материальном благополучии курials. Конечно, не все курials разорились, но все же в роли землевладельцев, домовладельцев, собственников производственных помещений, выступают не курials, а геухи (крупные землевладельцы). В то же время упоминаются курials, которые не могли справиться с возложенными на них обязанностями. Уже в III веке курials бывали вынуждены обращаться за ссудами или за помощью в кассу курии, в IV веке спасались бегством не только курials, познавшие тяготы своей судьбы, но и кандидаты в курии.

7. Анализ оксиринхского материала позволяет прийти к следующим выводам. Курials сохранились как социальная группа в Оксиринхе вплоть до арабского времени и судя по документации неоксиринхского происхождения, вероятно, и в первый век после арабского завоевания. В III веке и первой половине IV в. при всех трудностях, с которыми курialам уже приходилось сталкиваться, они все же в целом представляли наиболее привилегированную и преуспевавшую часть городского населения. Отход курialов александрийского происхождения, растущее расслоение, выход из состава курии наиболее активных и инициативных ее членов, разорение менее приспособленных, пополнение состава курии в принудительном порядке, к тому же не всегда полноценными кандидатами, неминуемо должны были привести в условиях быстрого роста все более мощной прослойки экзимирированных крупных землевладельцев к подрыву общественных позиций курialов. По всей вероятности, этот общий всему Египту процесс протекал в Оксиринхе более ускоренным темпом чем в других аналогичных ему городах (например, в Ермуполе).

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ ЯПОНСКИХ ПАРНЕВ И ПУТЯХ
ИХ ИЗУЧЕНИЯ

В послевоенный период исследователи истории японских парнев достигли значительных успехов. Они с различных точек зрения рассмотрели проблему возникновения явления дискриминации отверженных, осуществили тщательный анализ истории многих групп парнев, их места в обществе, роли в развитии производства и культуры страны и т.д. Вместе с тем, перед учеными, занятыми в этой сфере исследования, встанут новые сложные задачи, без решения которых будет затруднен дальнейший прогресс в изучении проблемы в целом: 1. Почему низшие социальные группы Японии развивались в рамках особого сословия? 2. В чем причины столь большой длительности формирования "классического" типа дискриминации? 3. Почему этот долгий путь был крайне запутанным, зигзагообразным, имел свои подъемы и спады?

Пытаясь ответить на эти вопросы, мы сталкиваемся со многими трудностями самой проблемы и с трудностями, находящимися вне ее.

Трудности, связанные с проблемой, выражаются в том, что японский вариант дискриминации парнев обладает рядом таких специфических черт, которые, особенно в глазах европейского исследователя, могут представить его каким-то исключительным, характерным лишь для Японии явлением. Дискриминируемое меньшинство страны никогда не отличалось от остального населения Японии ни в расовом, ни в национальном, ни в религиозном отношении, и не слишком отличалось по кругу доступных им занятий. Специфическим было и постепенное исчезновение с исторической арены страны одних социальных групп, подвергавшихся особой дискриминации, и замена их другими объединениями парнев. Существенной особенностью следует признать и то, что объединения отверженных всегда относились властями к низшему сословию, внутри которого однако, никогда не было сословного единства: отдельные его части всегда были противопоставлены друг другу.

Трудности, лежащие за пределами проблемы, связаны, например, с невысоким уровнем изученности проблем сословий в целом.

Процесс формирования японских парнев с точки зрения их

сословной обособленности в самых общих чертах выглядит так. Во второй половине УП века все население страны официально было разбито на две неравные части: на сословие рё ("достоинных", полноправных граждан) и сословие сэн ("подлых", лишенных прав). Впоследствии оба эти сословия претерпели значительные изменения, результаты которых были зафиксированы реформами XVI-XVII вв. Сословие рё распалось на четыре части - си (военная знать), но (крестьянство), ко (ремесленники) и сё (купечество) объединенных в социальную категорию комин (народ). Потомки же бывших сэн вообще оказались исключенными из состава "народа", а их социальный статус особо не был определен. Тем самым по существу завершился процесс превращения низших социальных групп в объединения "классических" париев, которые практически образовали незафиксированное пятое сословие.

Исследование проблем японских париев в данном аспекте, по нашему мнению, стало в настоящее время весьма актуальной и важной задачей, решение которой, однако, тесно связано с необходимостью изучения политического и экономического развития других сословий страны.

Выясняя причины большой длительности формирования и крайней сложности развития явления дискриминации японских париев, мы в первую очередь должны рассмотреть историю феодального крестьянства страны. Во многих наших и зарубежных общих курсах истории Японии крестьянство предстает однородной массой с единой тенденцией развития: бесконечного усиления его закрепощения и социальной деградации.

Но история японского крестьянства не была однозначным и прямолинейным процессом, она сама имела свои подъемы и спады. Так, от полного закрепощения в период надельной системы произошел постепенный переход к структуре сёэнов, когда ведущей в определении положения крестьянства стала тенденция децентрализации. Это привело к некоторому усилению крестьянства в экономическом, политическом и военном отношении, что обеспечивало ему иногда даже определенную долю самостоятельности. Этот процесс, однако, свелся главным образом к развитию социального размежевания в среде крестьян, к выделению и усилению их верхушечного слоя, добивавшегося в новых условиях большого влияния в общине и нередко использовавшего ее в своих корыстных интересах. Мы

думаем, что исключительный в условиях Японии размах народных движений в XV-XVI вв. невозможно объяснить без учета указанного процесса. Японские крестьянство (в первую очередь верхушка и его относительно независимая часть), опираясь на общинную организацию и владея оружием, смогло оказать в то время необыкновенно упорное и эффективное сопротивление настойчивым попыткам феодалов вновь полностью закабалить его. (Достаточно вспомнить знаменитое восстание в провинции Ямасиро в 1475-83 гг.). Именно поэтому для феодалов страны основным предварительным условием создания централизованного государства стало обезоружение и новое закрепощение крестьян.

В свою очередь, все эти перемены в положении японского крестьянства на протяжении многих веков нельзя понять без выяснения социальных, политических, экономических и юридических особенностей сменявших друг друга систем землевладения: наделной, сёэнов и владений даймё.

Мы думаем, что значительные политические и экономические перемены в положении отверженных на протяжении того же длительного времени в первую очередь связаны с эволюцией феодального крестьянства страны. Невозможно объяснить эти перемены, ограничившись лишь рассмотрением истории японских париев.

Указанные нами примеры приведены здесь не в качестве свода основных задач современного исследования, а лишь для показа некоторых возможных путей к дальнейшему освоению темы.

И. Ш. Шифман

ЦАРИ ЭДОМА

(к характеристике общественных отношений в южной Палестине во второй половине II тысячелетия до н.э.)

Проблема общественных отношений в южной Палестине, в частности, в эдомитском обществе, во второй половине II тысячелетия до н.э. представляет значительный интерес в связи с постановкой вопроса о сложении государства в странах Переднеазиатского Средиземноморья на рубеже II-I тысячелетий до н.э. Обычно считается, что возникновение царской власти является признаком, указываю-

щим на появление государства в противоположность более ранней родоплеменной организации. Однако традиция, относящаяся к Эдому, показывает, на наш взгляд, ошибочность такого чересчур прямолинейного подхода.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, Эдом представлял собой в указанный период племенной союз, в который входили племена Элифаз, Реуэль, Йеуш, Йалам и Корак (Быт., 36; I Хрон., I, 35-54). Наряду с этим, однако, существует и список "предводителей Исава" (*allūpē 'ēšāw), т.е. Эдома (Быт., 36, 40-43), существенно отличающийся от приведенного выше: "И вот имена предводителей Исава по родам их, по местам их, по именам их: предводитель Тимнайский, предводитель Алвы, предводитель Йешета, предводитель Ахалибамы, предводитель Элы, предводитель Пинона, предводитель Кеназа, предводитель Темана (Таймы?)¹, предводитель Мивцара, предводитель Магдизеля, предводитель Ирама - вот предводители Эдома по местам, где они жили, в стране, принадлежащей им (be'āḡā 'āhuzzāṭām)". Упоминание в этом списке Ирама, Тимны и, вероятно, Темана свидетельствует, что при сохранении кровнородственных связей, у эдомитян начала складываться и территориальная организация², характерная для государственно-организованных обществ.

Дошел до нас и список древнейших царей (ḥammēlākīm) Эдома (Быт., 36, 31-39). Здесь упомянуты Бела сын Беора, "городом" ('ġō) которого была Аинхаба, Мовав сын Зераха из Бокры, Хушам из страны теманской (Таймы? ср. также выше Теман), Хадад сын Бедада, "городом" которого был Авит, Салма из Масрека, Сауд из Реховот ханнахар, Ваалханнан сын Акбора, Хадад (второй.-И.Ш.), "городом" которого был Пау. Ни один из перечисленных здесь царей не был сыном или родственником своего предшественника; они происходят из различных местностей и имеют каждый свои резиденцию. Такое положение возможно, только если царская власть у эдомитян во второй половине II тысячелетия до н.э. не была наследственной и связанной с каким-то определенным "стольным городом". Очевидно, царь либо избирался каким-то органом управления (советом старейшин и народным собранием), либо добивался своего поста силой³; династический принцип, вопреки точке зрения Ш.Ейвина, безусловно отсутствовал⁴.

По аналогии с другими стадияльно близкими переднеазиатскими обществами этого времени можно думать, что ненаследственные

цари Эдома во второй половине II тысячелетия до н.э. оставались еще магистратами племенного союза или предводителями дружины, опирающимися на ту или иную крепость. При ситуации, которую рисует предание, невозможно допустить существование государственного аппарата и, следовательно, государства в точном смысле слова, однако уже начинают выкристаллизовываться отдельные элементы, которые позже лягут в основу государственной организации. Иначе говоря, во второй половине II тысячелетия до н.э. в эдомитском обществе начинается длительный процесс формирования государственности.

1) О Темане как о территории Эдома см.: R. de Vaux, *Temán, ville ou région d'Edom?* Revue Biblique, vol. 76, 1969, N 3, pp. 379-385.

2) Ср. F. Buhl, *Geschichte der Edomiter*, Leipzig, 1893.

3) Ср. E. Meyer, *Die Israeliter und ihre Nachbarstämme*, Halle, 1906, S. 372.

4) S. Yeivin, *Edom*, Encyclopaedia Judaica, vol. VI, 1930, pp. 176-177; ср. 'Adom, *Ensiqlopediya miqra'it*, I, 5715, am. 102-103. Ф. Буль (F. Buhl, *Geschichte*, S. 47) был ближе к истине, когда он писал, что эдомитские цари были каждый основателем новых династий, сменявших одна другую в результате государственного переворота.

С. А. Школяр

О РАЗВИТИИ И СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНА "АРТИЛЛЕРИЯ" В ЕВРОПЕ И КИТАЕ

Наблюдения над этимологией и историческим развитием некоторых китайских военных терминов не лишены интереса, особенно в сопоставлении их с соответствующими данными из европейской военной терминологии. К числу таких терминов относится пао, принятый в китайском языке для обозначения понятия "артиллерия".

Европейский термин "артиллерия" в настоящее время означает главным образом вид оружия или совокупность предметов вооружения, включающую весь комплекс огнестрельного оружия и все сред-

ства, необходимые для эффективного использования его в бою¹. Исследование этимологии этого термина показывает, что современное его значение не совпадает с тем, которое он имел в XIII в., когда был впервые употреблен Ж. де Жуанвилем в его "Истории Людовика Святого". В старофранцузском языке глагол *artill(i)er* - "оснащать военными машинами" употреблялся для обозначения совокупности всех технических средств ведения крепостной войны - таранов, осадных башен, иногда даже личного оружия атакующих крепость. Сюда же входили и метательные орудия. Именно в этом, первоначальном смысле слово "артиллерия" употребляется и сейчас некоторыми авторами и переводчиками в выражениях "античная артиллерия", "средневековая артиллерия" и т.п.², Так, А. Брун-Хоффмейер в книге "Античная артиллерия" (Копенгаген, 1959) главу "Стенобитная артиллерия" посвящает описанию таранов, стенных буравов, осадных машин, средств огневого нападения и других орудий непосредственного штурма стены³.

С включением в состав артиллерии огнестрельных орудий термин "артиллерия" сохранился для обозначения всей группы военных механизмов, хотя в целях смысловой точности возникли и такие выражения, как "пороховая артиллерия", "огнестрельная артиллерия". Развитие порохового тяжелого оружия, его возрастающая роль и универсальный характер применения во всех видах боя привели к скорому исчезновению почти всех других механических средств разрушения. Вслед за этим процессом при неизменной форме содержания понятия "артиллерия" сузилось, став обозначением определенного рода войск, состоящего только из огнестрельного оружия и средств, необходимых для использования его в бою. В России термин "артиллерия", заимствованный из французского языка, впервые вошел в употребление в конце ХУП в. именно в этом его последнем смысле⁴.

Следовательно, в европейских языках термин "артиллерия" с самого начала не являлся специфическим термином для обозначения только военных механизмов и средств, поражающих на расстоянии, то есть древних и средневековых метательных машин - непосредственных предшественников современных артиллерийских орудий. Мы не наблюдаем никакой терминологической преемственности между названиями в старой метательной и нынешней огнестрельной военной технике.

В Китае дело обстоит иначе. Хотя процесс обособления огне-

стрельной артиллерии в самостоятельный род войск шел здесь в общих чертах так же, как в Европе, но терминологическая преемственность в названиях метательных машин и огнестрельных орудий прослеживается совершенно ясно: Примерно до периода Мин (XIV в.) все осадные и оборонительные механизмы, включая различные метательные машины, а затем и ранние виды порохового оружия объединялись в обширную группу "наступательных и оборонительных орудий", которая под названиями ГУВ ПОУ ЦЭЙ 攻守具, ГУВ ПОУ ЧЖУ ЦЭЙ 攻守諸具, ГУВ ПОУ ЧЖАНЬ ЦЭЙ 攻守战具 фигурирует в китайской военной литературе. Однако в силу раннего развития метательных машин и их большой роли в крепостной войне, устойчивости основных типов и конструктивных принципов этого оружия на протяжении веков, метательные, в первую очередь камнеметные механизмы в группе "наступательных и оборонительных орудий" сохраняют известную обособленность и характерное, только им присущее название. Таким названием, впервые употребленным в III в.⁵, а с периода Тан (УП в.) преобладающим, становится пао. По звучанию оно представляло собой подражание звуку, возникавшему при действии орудия, для его графического изображения вначале был использован знак 抛 - "швырять, бросать", а затем 礮, специально созданный для обозначения камнеметных механизмов. Этот второй знак примерно в XI-XII вв. был преобразован в 砲, "камень в обертке", то есть камень, метаемый из пращи - неперменной части метательных машин.

С развитием камнеметного вооружения, когда основным его видом в XII-XIII вв. становятся крупные механизмы, метавшие большие снаряды, причем, как неоднократно отмечают письменные источники, с гудом и грохотом, и наносящие большой урон живой силе и технике противника, с термином пао в Китае все больше связывается представление о тяжелом орудии, поражающем на расстоянии и производящем при выстреле весьма сильный звук. Появившиеся в этот период пороховые снаряды метательного оружия получили название хо пао 火砲 (от хо яо 火药 - "порох"), которое часто переносилось и на сами метательные орудия, выбрасывавшие такие снаряды. Это способствовало упрочению связи термина пао с пороховым оружием.

Быстрое развитие пороховых средств ведения войны в XIII-XIV веках в Китае привело к выделению всего огнестрельного оружия

(в том числе и ручного) из группы "наступательных и оборонительных орудий" в особую группу хо цз 火器 - "пороховое оружие". С появлением внутри этой группы больших огнестрельных орудий-пушек для их обозначения стал применяться тот же термин пао 砲, что и для камнеметных машин, но чаще в двухсложном варианте, в сочетании с определяющим характер этих орудий знаком хо 火 - "пороховые"⁷. Название хо пао 火砲 закрепляется за огнестрельным оружием крупного калибра. Позднее, с XVII века, когда огнестрельное оружие, относящиеся к нему механизмы и обслуживающий персонал в Китае выделились в самостоятельный род войск - процесс, связанный с деятельностью европейских военных инструкторов и введением в Китае огнестрельных орудий европейского образца - термин пао начал употребляться не только для обозначения отдельных орудий, но и всего рода войск, и на европейские языки его стали переводить как "артиллерия".

Таким образом, в китайском языке термин пао, обозначающий понятие "артиллерия", в противоположность аналогичному европейскому термину является воплощением исторической связи и преемственности между древним камнеметным и современным огнестрельным артиллерийским вооружением. В числе других причин это, вероятно, следует объяснить и отмеченными выше особенностями исторического развития, большим значением метательного оружия в крепостной войне в Китае, а также тем, что, исходя из сходных черт в характере боевого действия и его результативности, китайские военные техники видели в пороховом оружии прямого наследника доогнестрельных артиллерийских орудий.

1) Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов), Воениздат, М., 1958, с.22.

2) М.Ф.Мурьянов, Происхождение слова "артиллерия", - "Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея", Л., 1959, вып. IV, с.253-258.

3) А.Н.Кирпичников, История античной и раннесредневековой метательной техники в книге А.Брун-Хоффмейер "Античная артиллерия", - "Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея", Л., 1959, вып. IV, с.342.

4) Подробнее об этом см.указанную статью М.Ф.Мурьянова.

5) "Вэньсюань Ли Шань чжу", в серии "Сы бу бэй яо", Шанхай, 1936, т.258, с.162.

6) Э.Вернер объясняет этот знак семантически как "камень, летящий навстречу лошади", что, видимо, отразило факт применения камнеметных машин против кавалерии (E. T. Werner, Chinese weapons, Suanghai, 1932, p.8).

7) В европейской литературе одними из первых на это указали в 1779 г. Виделу и Гальянд (d'Herbelot, *Bibliothèque orientale...*, continuée par C. Visdelou et A. Galand, /Leide/, 1779, t. IV, p.260).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О.Ф.Акимушкин

О ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ "ДИВАН-И ХАФИЗ"

1. Шамс ад-дин Мухаммад Ширази, широко известный под литературным именем (тахаллус) Хафиз, не составил при жизни собрание своих стихотворений (диван), как это сделали многие поэты - его предшественники и современники. Уже после смерти поэта, последовавшей в 792/1389-90 г., эту задачу взяли на себя его ближайшие друзья и почитатели его таланта. Именно так говорят Даулатшах Самарканди в "Тазкират аш-шу'ара" (завершено в 892/1486-87 г.) и турецкий комментатор Суди в "Шарх-и Диван-и Хафиз" (завершено в 1003/1594-95 г.), хотя кодификация "Дивана", т.е. сбор стихотворений, расположение их в определенном порядке и придание собранию определенной структуры обычно связывают с именем Мухаммада Гуландама. Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что наиболее ранние списки "Дивана", дошедшие до нас (см.изд.Халхали 1927 г. Гани и Казвини 1950 г., Камалина 1958 г. и Афшара 1969 г.) вообще не имеют предисловия; а в подавляющем числе списков втор.пол.ХУ в. которые имеют предисловие первой редакции, имя Мухаммада Гуландама не приводится.

2. Неавторская кодификация "Дивана" открывала широкий простор для разного рода дополнений и исправлений, так как трудно предположить, чтобы составитель (или составители) сумели собрать воедино все написанное Хафизом и рассеянное по многочисленным альбомам и сборникам. В этом отношении показателен "Диван-и Хафиз" из собрания Национальной библиотеки г.Табриза, переписанный в первой трети ХУ в. В списке вслед за основным "Диваном", содер-

нами 393 газели в алфавитном порядке рифм, идет дополнение, названное "газалият-и джадид" (новые газели). Простая статистика показывает, что если в XV в. число газелей "Дивана" не превышало 500, а в XVI в. колебалось в пределах 600, то в XIX в. мы встречаем списки, в которых число газелей достигает 800.

3. Эта тенденция роста числа стихотворений "Дивана", а также его засоренность газелями, не принадлежащими перу поэта, была замечена сравнительно рано. В 907/1501-02 г. в Герате по приказу Фаридуна-мирзы сына Хусайна Байкары была создана специальная комиссия, которая занялась упорядочением "Дивана", использовав для этой цели свыше 500 отдельных "Диванов", сборников и собраний газелей, "которые были переписаны еще до смерти ходжи Хафиза". Результатом деятельности этой комиссии явилась вторая редакция "Дивана", отличавшаяся от первой как структурой, так и тем, что в ней уже не было старого предисловия. Вместо него было написано новое, которое содержало глоссарии суфийских терминов и трудных для понимания слов. Этот "Диван" получил название "Лисан ал-гайс" (язык сокровитного). К сожалению, располагая только переписанными набеда списками второй редакции "Дивана", мы практически лишены возможности сказать, какими критериями пользовались гератские знатоки творчества Хафиза, отдавшие предпочтение при отборе тому или иному стихотворению, отдельному бейту, мисра или слову. Вместе с тем сравнение двух редакций показывает, что вторая редакция отличается от первой некоторым увеличением числа газелей и касид, а также незначительным расхождением числа и порядка бейтов в ряде газелей.

4. В настоящее время мне известны три списка второй гератской редакции "Диван-и Хафиз". Это списки - ЛО ИВ АН СССР А 47, Маджлис 2414 (Тегеран) и Британского Музея От.3457. Два первых переписаны в XIX в., а третий в начале XVI в. (согласно археографическому описанию).

5. Гератская редакция 907/1501-02 г., имея определенное значение для изучения творчества Хафиза, дает нам интереснейший материал для характеристики литературной жизни Герата того времени. Представляется знаменательным, что спустя 80 лет после байсонгуровской редакции "Шах-наме" Фирдоуси, была предпринята попытка составить новую редакцию "Диван-и Хафиз" в том же Герате. Наконец, эта редакция говорит о широкой популярности стихов

поэта (даже если приведенная цифра в 500 диванов и сборников является обычной для средневекового автора гиперболой) и, что тоже очень важно, показывает отношение тогдашних образованных кругов к наследию своего замечательного предшественника.

М.А.Болдырева

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ПОЭЗИИ СИТОРА СИТУМОРАНГА

1. Ситор Ситуморанг - выдающийся поэт современной Индонезии. Его творчество по времени относится к периоду после "Поколения 45", или "Поколения Хэйрила Анвара", но по духу своему он принадлежит к этому литературному течению и является последователем его. Он родился в 1923 году на Суматре. На протяжении 1952-1956 годов были опубликованы сборники его стихотворений: "Письма на зеленой бумаге", "В стихе" и "Безымянный лик", в 1962 году - сборник "Новое время". Его называют "поэтом между двумя мирами": Ситор жил некоторое время на Западе, в частности, - в Париже, что оставило отпечаток на его творчестве и мировосприятии; затерянность между двумя мирами - патриархальным мирком индонезийской деревни и миром западной цивилизации XX века, утрата одного и сознание своей непринадлежности к другому - стало трагедией его личности и одним из основных мотивов поэзии.

2. Для своей очень современной по содержанию поэзии Ситор использовал формы стиха а) традиционные и б) современные: формы стиха его предшественников - "словостих" Амира Хамзаха и свободный стих, создателем которого в Индонезии был Хэйрил Анвар.

3. Традиционные формы поэзии, вернее, более или менее свободную их адаптацию можно встретить в книге стихотворений Ситора "В стихе". Это - главным образом, пантунные, реже - шаирные^{х)}

х) Пантун - форма фольклорной малайской поэзии, катрен с обязательной конечной рифмой: авав. Обязательной принадлежностью пантуна является звуковой параллелизм между рифмуемыми строками, а также смысловой - между первым и вторым периодами строфы, иногда - затемненный. Шаир - это форма старомалайской классической "высокой" поэзии, обычно он не бывает короче, чем в строфу. Для шаира обязательна четырехстрочная строфа, рифмовка по способу аааа.

четверостишия, которые претерпели в поэзии Ситора то же, что в свое время в поэзии Амира Хамзаха: обрели у него новую жизнь и обаяние из-за отсутствия в них традиционных шабренных штампов, пустой риторики. Некоторые из них написаны в ритме пантуна, некоторые содержат истинно-пантунные повторы и параллелизмы. Прием параллельных построений вообще чрезвычайно распространен в поэзии Ситора Ситуморанга (анафорический повтор, амбеинная композиция нередко встречаются в стихах Ситора, три его сонета - из восьми - построены полностью на параллелизмах - смысловых, звуковых и синтаксических).

4. Некоторые стихотворения Ситора обнаруживают явную тенденцию к "словостиху", некоторые представляют блестящие образцы этого "словостиха", где лаконизм традиционных четверостиший становится более выразительным, благодаря своеобразию аллитерационно-ассонансных построений. Эти приемы необычных ассонансов, неожиданных контрастов, а также весь внутренний строй стихов Ситора еще раз подтверждают - вслед за поэзией Амира Хамзаха - потенциальную способность индонезийского языка к поэзии "словостиха".

5. Но "словостих" Ситора Ситуморанга отличается от "словостиха" Амира Хамзаха: если у последнего "словостих" характеризуется предпочтительным употреблением слов-основ по сравнению со словами морфологически сложными, то у Ситора часто встречаются сложные слова: ke-an и pe-an формы, которые часто выступают у него вместе с отрицанием "tidak": ketidaktetapan - непостоянство, penjangkalan akan ketidakkakalan - неверие в брешность (стих."Д") и т.д. "Словостих" Ситора отличается от "словостиха" Амира Хамзаха также другой интонацией - более свободная, разговорная. Переносы из строки в строку - смысловые и синтаксические - в стихотворениях, которые могли бы быть отнесены к "словостиху" - (стих."Каменный цветок", "Гора тысячи Джокьей") - создают разговорную интонацию, нарушающую традиционную ритмику "словостиха" и являются предпосылкой для закономерного перехода к стиху свободному.

6. Часть стихотворений сборников "Письма на зеленой бумаге" и "Безымянный лик" колеблется между "словным" и свободным стихом, значительная часть стихотворений, главным образом, сборника "Письма на зеленой бумаге", в том числе несколько сонетов, - написаны свободным стихом с ярко выраженной свободной разговорной интонацией (очевидно, Ситор использует более свободную -

французскую форму сонета, или, возможно, заимствует свой сонет от Анвара).

Таким образом, в поэзии Ситора можно наблюдать три этапа развития, три вида индонезийской поэзии: традиционные формы, "словный" стих и стих свободный (и формы переходные от одного к другому видам). Можно сказать, что большая часть стихотворений сборников "Письма на зеленой бумаге" и "Безымянный лик" написаны свободным стихом - типичными его образцами можно назвать "Собор в Шартре", "Разговор", "Варнации", "Она и я", "Уже давно", "Теплоход Бали" и др. Часть стихотворений представляет собой свободный стих с тенденцией к словному, и лишь сравнительно небольшая часть стихотворений может быть отнесена к "словному" стиху.

Существование в поэзии Ситора Ситуморанга двух видов поэзии - "словного" и свободного стихов и отсутствие между ними четкой границы еще раз подтверждает органичность для индонезийской поэзии свободного стиха. Можно сказать, что Ситор Ситуморанг объединил в своей поэзии достижения Хамзаха и Анвара, но при этом остался поэтом оригинальным, отличным в чем-то от каждого из них.

Своеобразие художественно-образительных средств поэзии Ситора Ситуморанга - в частности, в том, что наряду с обычными формальными приемами ассонансно-аллитерационных построений, параллелизмов и пр. он применяет и другие, своеобразные приемы. Так, например, он достигает эффекта резких, неожиданных контрастов и необычных ассоциаций, объединяя в одном контексте, часто в одной строке слова разных стилей, уровней, ставя рядом слова обыденное и возвышенное. Например, начало стихотворения "Воскресное солнце": "...За поворотом дороги, в слепящем солнце /Он потерял цель жизни у городской черты/. ...О городскую стену опираясь /Он повстречался с тупиком границ. Или: "Я знаю землю и лицо любимой"(дословно: Я изучил землю и брови любимой) - резкое сопоставление в первой же строке стихотворения "Дорожные вести" вводит нас в стих сразу, без подготовки. Неожиданность и необычность характеризует все поэтические средства Ситора - будь то метафоры, сравнения или другие художественно-образительные средства.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БИРМАНЦЕВ
О ХАРАКТЕРЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

(на материале бирманской драматургии XIX века)

В данном сообщении сделана попытка выявить некоторые представления бирманцев о характере королевской власти на материале драматургических произведений второй половины XIX века. Используются пьесы У Чин У "Махо", "Папахейн", "Дэйвакоунбан", пьесы У Поун Ня "Визая". "Падума", "Вэйтандара", "Котала", пьеса У Чан Мья "Тхвэймено", пьеса У Поу Ни "Конмара" (в заглавие вынесены имена главных героев), а также пьеса У Поун Ня "Водонос".

Драматургия Бирмы, как и большинство произведений бирманской литературы до XIX века, проникнута духом буддизма. Бирманская драма создавалась в условиях глубокой веры всех слоев общества в "дхамму" (буддийское учение). Действительно, все персонажи пьес — люди, боги и животные являются ревностными буддистами.

Мир людей и мир богов тесно переплетаются между собой и находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Буддийский король богов Тиджамин следит за событиями, происходящими в мире людей и активно вмешивается в них. Он спускается с небес, чтобы вручить герою волшебное оружие (пьесы "Папахейн", "Дэйвакоунбан", "Визая", "Котала"), открывает тайну рождения героя ("Котала", "Дэйвакоунбан"), выполняет охранительские функции ("Вэйтандара", "Тхвэймено", "Конмара", "Визая") и т.д. Герои пьес также постоянно обращаются к Тиджамину: "О, Тиджамин, восседающий в золотом дворце на высокой горе..." ("Вэйтандара").

Между миром людей и миром богов существует как прямая, так и обратная связь — люди не только обращаются за помощью к богам, но и своими поступками каким-то образом воздействуют на их существование: "Лети, стрела, создай шум, подобный грому, пусть сама гора Меру¹ сотрясается от этого грохота..." ("Дэйвакоунбан").

Королевство богов представляет собой как бы копию государства людей, в котором происходит действие любой из драм. Король богов Тиджамин восседает в золотом дворце на вершине мифической горы Меру: "Твой отец, великий король, удалился к горе Меру, чтобы наслаждаться счастьем в многобашенном дворце богов" ("Па-

дума"). Так же как и земной король, он имеет своих министров и небесное войнство.

Таким образом в представлениях бирманцев государство людей становится как бы уменьшенной моделью вселенной (микрокосмом в макрокосме), а земной король и король богов соотносятся как правители микрокосма и макрокосма. Если король богов - это центр мира небесного, располагающегося на горе Меру, то центром "мира земного" является земной король.

Во всех рассматриваемых пьесах по отношению к королю употребляются особые стереотипные формулы обращения, которые варьируются лишь с небольшими изменениями. Например, представление о короле, как о некоем космическом центре отразилось в его титуловании: "центр вселенной"; "король, перед кем склоняется весь мир"; "господин вселенной"; "король, почитаемый во всей вселенной" и т.д.

Король является как бы представителем буддийского короля богов² на земле. В текстах пьес он определяется как "бог золотой страны", "бог королевства", "богоподобный". Но если король еще не является богом, то в силу могущества, полученного в результате множества добрых деяний (доказательством чего служит его королевский титул) он может стать богом в следующем существовании. Для сообщения о смерти короля в Бирме существовала официальная формула: "удалился в селения натов (богов)". В текстах пьес его обычно называют "будущим богом" или "будущим Буддой".

Однако провозглашение короля будущим Буддой является не только фактом литературы. Например, бирманский король Бодопа (1781-1819) был всенародно объявлен Ариматией (грядущим Буддой).

Таким образом король является как бы посредником между миром людей и миром богов, существом, поддерживающим космический баланс и осуществляющим равновесие во вселенной.

Такое отношение к королю было связано не только с буддийскими представлениями, но и с анимистическими верованиями в особую природу королевской власти, распространенными в ЮВА. Считалось, что король, как правитель государства, обладает огромной духовной властью и может аккумулировать духовную власть вещей или других людей. Например, в пьесе "Папахейн" безоружный король лишь силой своей духовной власти побеждает обладающего волшебным оружием противника.

Согласно воззрениям бирманцев, магическая власть была при-
суща не только и не столько священной особе короля, сколько ок-
ружающим его символам власти: регалиям, оружию, самому дворцу.

На описание королевских регалий в пьесах бирманских авторов
обращается особое внимание, причем как правило к королю или прин-
цу обращаются не называя его титула, а указывая на обладание ре-
галиями, обеспечивающими титул: "надежда престола", "наследники
трона и дворцового зонта", "достойный наследник дворцового зонта",
"обладатель белого зонта", "сын восточного дворца", "бог золотой
страны, осененной зонтом", "госпожа правого дворца".

Однако наиболее важное значение в освящении королевской
власти придавалось дворцу. "В Бирме королевский дворец как центр
мира и космическое дополнение к горе Мэру был священным даже без
самого обитателя и захват дворца был, следовательно, настоящим
соблазном для будущих узурпаторов, которые, заняв королевский
дворец, могли достигнуть обладания символом королевской власти³.
По свидетельству Скотта бирманские короли, опасаясь захвата влас-
ти, практически становились пленниками золотого дворца⁴. Они поки-
дали его лишь в момент коронации, а также в дни важнейших буддий-
ских празднеств. Во время правления короля Миндона (серед. XIX ве-
ка) была совершена попытка захватить дворец, когда король был
на богомолье. Последний король Бирмы Тьбо (1878—1886) отказал-
ся даже от официальной церемонии коронации, боясь покинуть дво-
рец хотя бы на короткое время и за все свое царствование никуда
не выезжал.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что посредником
между "миром земным" и "миром небесным" являлся не только ко-
роль. Функцию медиаторов выполняли также предметы, символизиро-
вавшие королевскую власть — регалии, оружие, наконец сам дворец,
обладание которым обеспечивало не только земную власть, но и
поддержание космического порядка.

Особая роль дворца подчеркивается и в пьесах бирманских
драматургов. Например, герой пьесы "Папахейн" говорит: — "Нару-
шив клятву, король покроет позором себя и свою страну. Тогда
мне будет легче захватить дворец и совершить переворот... Я ста-
ну известен на всем острове Замбудипа, меня прославят в летопи-
сах и исторических хрониках...".

Хотя принц собирается захватить трон незаконным путем, он

уверен, что его будут прославлять в истории. Герои пьес часто упоминают об исторических хрониках, которые воспоют их подвиги. Эти упоминания не случайны, т.к. хроники и исторические записи играли важную роль в освящении личности короля, только что пришедшего к власти. Бирманские дворцовые хроники изобилуют мифами и преданиями, цель которых сводилась к обожествлению королей.

Таким образом тексты пьес свидетельствуют о том, что бирманская драматургия, отражая представления бирманцев о мире, подобно летописям и хроникам, была призвана прославлять короля как представителя непрерывающейся традиции королевской власти, посредника между миром людей и миром богов.

1) Мифическая гора, расположенная в центре вселенной, обиталище богов.

2) Следует отметить, что буддийские боги в представлениях бирманцев резко отличаются от европейского понятия "бога". Это сверхъестественные существа, обладающие определенными магическими свойствами, но, как и люди, находящиеся в тисках цикла перерождений.

3) J. Van der Kroff, *Kingship and political legitimacy in SEA*, - *Asiatische studien*, XXII, 1968, p.77.

4) Shway Yoe, *The Burman, his life and notions*, London, 1910, p.172.

З.Н.Ворожейкина

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ КАМАЛ АД-ДИНА ИСМАИЛА ИСФАХАНИ

"С т а н с ы" о з у л ь ф а х

Четверостишия Камал ад-Дина Исмаила Исфахани отличаются большим разнообразием тематики. Можно даже отметить, что традиционная для средневековой персидской поэзии узкая замкнутость тематического круга в четверостишиях Камал ад-Дина носят подчеркнуто-выраженный характер.

Из 554 четверостиший, входящих в диван Камал ад-Дина Исмаила^I, почти половина посвящена воспеванию красоты возлюбленной. Постоянными компонентами в разного рода сравнениях выступают:

лицо (напоминающее двухнедельную луну, рядом с которым лицо страдавшего влюбленного – ущербный месяц); глаза (то томные нарциссы, соединившие в себе и хмель и сон, то лукаво мечущие стрелы кокетства из лука бровей); маленький ротик ("тесный", который у поэта ассоциируется с стесненностью его влюбленного сердца); губы (красные как рубины и смеющиеся как полураскрывшаяся фисташка); ямочка на подбородке (куда канула душа влюбленного); нежный пушок над губой (перед свежестью которого никнет от зависти фиалка); родинка (как мускусная печать); талия (само воплощение понятия "тонкость"); стройный стан (чтобы умерить тоску по которому поэт сагает в своем бустане кипарис).

Однако более всего поэт любит кудрями любимой – зульфами, на все лады восхваляя их длину, пышность и "разметанность", обилие и темный блеск завитков, мускусный аромат и остроту их загнутых кончиков. Образ зульфов порождает у поэта лавину ассоциаций; часто они составляют единственную тему стихотворения:

زلف تو که چون او نبود خیره سری	×	مشکی است کزو سوخته هر جگری
چون گرد میان او در آید کوئی	×	مارست که حلقه میشود بر کمری

**Зульф твой, подобно которому не найти упряма, –
Чистый мускус, опаливший не одно сердце.
Когда вокруг стана сбегает он, ты сказала б,
Это – змея, свивающая кольца вокруг талии.**

گر حلقه زلف تو کیی شمارد	×	در حال دلش بکفر ایمن آرد
زین سر که سر زلف درازت دارد	×	کسی را بومال روی تو نکذارد

**Если кто-нибудь сосчитает завитки твоих зульфов,
Тотчас сердце его обретет веру в единого бога.
/Но/ эти остря, что на кончиках твоих длинных зульфов,
Никому не дадут приблизиться к твоему лицу.**

Еще чаще красота кудрей воспринимается поэтом в сочетании с другими компонентами:

از روی تو زلف پاره بگیرت است	×	هر حلقه ازو کناره بگیرت است
و انخال سیاه بر رخت بینداری	×	در بیکر مه ستاره بگیرت است

**Зульфы поделили твое лицо,
Двумя кольцами взяли его в объятия.
И эта черная родинка на лице твоём – вообрази! –
Словно звездочка, /присевшая/ на диск луны.**

انزلف نگر بر رخ آن شهره صنم × اویخته بی جنگ و خصومت درهم
و آن آبرو بین شکل کشتی گیران × هر سوی سر آورده و قدمها زده خم

Взгляни на этот зульф над лицом известного кумира,
Пеник он /в тоске/ без битв и сражений,
И на эти брови взгляни – словно /два/ борца
Встали голова к голове, изогнули стан.

Поэт словно состязается сам с собой, рисуя все новые и новые образы. Он сравнивает кудри с гиацинтами, с трепещущими на ветру ветвями намшида, с мускусным венцом, с тенетами любви, с канатами, которые прочно держат его сердце, и с путями на своих ногах ; видит в них зловещие символы своего бедственного положения:

زلفت که پریشان و سیه رنگ آید × شیرین دهننت که اصل نیرنگ آید
آن رنج دلست زان چنان بسیار است × وان راحت جان است از ان تنگ آید
Зульфы твои разметаны и темны,
Сладкий рот твой – начало всякого волшебства,
Те – страдания сердца, от того их так много,
А этот – услада души, от того он столь мал!

И наконец появляются даже такие зримо живописные, сюжетные уподобления:

چوگان زلفان که موی میدان بازند × کوی از دل عاشقان غمگین سازند
از خویششتم بزخم دور اندازند × و نگاه دو اسبه از بیشتر بتازند

Чауганы зульфов в игре, как на ристалище,
Мяч для них – горестное сердце друга.
Отвырнут его с силой подалше от себя
И тотчас ринутся вдогонку в двойном порыве...

ای کرده رخت بماه و اختر بازی × وی عادت من در ره تو بسر بازی
در چشرباد زلفگان تو چنانک × زنگی بچگان کنند چنبر بازی
O, выиграло лицо твое игру у луны и звезд,
O, обычай мой – рисковать головой на пути к тебе.
В аркане ветра зульфы твои словно
Негритята, играющие в серсо.

В диване Камал ад-Дина Исмаила свыше 80 четверостиший, посвященных зульфам. Выбранные из дивана, (где они рассеяны среди прочих стихотворений) и рассмотренные в совокупности, они наводят на мысль, что столь нарочитое повторение одной и той же — достаточно малой — темы проведено поэтом во имя определенного художественного замысла. Поэт словно ставит перед собой азартную задачу создать как можно больше вариаций на заданную тему, показав в них все, на что способна его изобретательность в построении сравнений, в поисках небывалых метафорических сближений.

Но поэт состязается не только сам с собой. Тема зульфов — одна из самых распространенных тем персидской поэзии малых форм; на протяжении веков она жила и в персидских народных четверостишиях. Подобного рода вариации — не имеющие внешнего оформления циклы четверостиший, разрабатывающих одну и ту же тему, легко обнаружить во многих диванах. Однообразие тематики выступало в них основной творческой посылкой, ибо создавало оптимальный контрастный фон для всевозможного разнообразия средств художественного сравнения.

Циклы этих вариаций — наметившуюся, но не сформировавшуюся до конца некую строфическую разновидность жанра рубай — целесообразно, по-видимому, выделить в персидской поэтологии особо, как одну из самых популярных форм поэтического искусства персидского средневековья. Можно предположить, что эти циклы четверостиший выступали именно в своем тематическом единстве, когда исполнялись перед слушателями. Четверостишия скорее всего пелись одно за другим, разделяемые паузой, дабы слушатели могли проследить за полетом воображения поэта и насладиться пестрым калейдоскопом сменяющих друг друга образов, рождающихся на их глазах из некоего общего исходного набора элементов.

Это предположение подтверждается до известной степени наблюдением А.А.Ромаскевича, записавшего 380 народных персидских четверостиший в Иране в 1913—1914 гг. А.А.Ромаскевич отмечает, что певец подбирает при исполнении четверостишия, сходные по настроению или по содержанию, и поет их с долгими паузами, заполняя последние рефреном, до тех пор, пока "...ход его мыслей не примет другой оборот. Спетые им четверостишия... часто оседают в памяти его в порядке пения и в этом же порядке передаются другими, являя собой образец строфической песни"².

Циклы четверостиший, подобные рассмотренным выше вариациям о зульфах, при полной обособленности каждого из стихотворений, организованы в определенное - весьма подвижное - художественное единство, - по этому признаку, с большой долей условности, их можно соотносить с поэтической формой стансов.

Изучение "стансов", с их внутренними художественными закономерностями, может оказаться полезным исследователю, желающему приблизиться к постижению литературной эстетики эпохи и попытаться проникнуть в национальную специфику художественного восприятия персидского читателя. Традиционное однообразие тематики, которое бросается в глаза при чтении средневековых диванов, есть, несомненно, не что иное как прямое порождение господствовавшего литературного вкуса времени. Сказать о том же, о чем уже говорили многие, но сказать так, как не доводилось никому - эта нелегкая задача решалась поэтами в своего рода поэтических турнирах, которые, существуя в самых различных формах, составляли одно из наиболее характерных явлений литературной жизни средневекового Ирана.

Принимаясь за разработку традиционной темы, поэт вступал в профессиональное соревнование со своими собратьями - и о мере отпущенных каждому творческих сил в этом наглядном конкурсе легко и с огромным увлечением могли судить как сами пирующие, так и их читатели и слушатели. Однообразие тематики, производящее на европейский вкус удручающее впечатление антихудожественной "избитости", было при этом едва ли не отправной точкой эстетического наслаждения от поэзии для средневекового читателя, который ждал от поэзии прежде всего образной информации.

"Стансы", всемерно развивавшие образное мышление как у поэтов, так и у читателей, были одной из простейших и наиболее распространенных форм подобных поэтических турниров. "Стансы" о локонах из дивана Камал ад-Дина Исмаила Исфакхани - признанного выдающимся творцом неожиданных метафор - можно принять как совершенную модель этого вида поэтического искусства.

1) کلیات کمال الدین اسمعیل اصفهانی литогр.изд., Бомбей, 1307 г.х., стр.

2) А.А.Ромашкевич, Персидские народные четверостишия. - ЗВРАО, т.23, 1915, стр.317-318.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
ИНДИЙСКОГО ПОЭТА-РЕФОРМАТОРА КАБИРА В ИНДИИ И В ЕВРОПЕ

Наиболее важная проблема, которая стоит перед исследователями, — это определение аутентичности творений Кабира.

Кабир, как можно достаточно уверенно полагать, не знал грамоты ("не дотрагивался до чернил и бумаги, не брал в руки калам" — говорится в одном из носящих его имя стихотворений), и его сочинения сначала передавались изустно, а потом записывались учениками и последователями, причем дошедшие до нас собрания получили письменную фиксацию через десятки и даже сотни лет после смерти автора.

Первое известное нам письменное упоминание о Кабуре содержится в созданном около 1600 г. Набха Дасом стихотворном жизнеописании "святых" "Бхакта-мала" — "Гирлянда бхактов".

Сто с небольшим лет спустя Црия Дас в стихотворном комментарии к этому сочинению добавил ряд легенд о Кабуре, получивших широкое распространение и украсивших образ Кабира мало правдоподобными, а часто совершенно невероятными деталями.

Первый образец известного современной науке комментирования сочинений Кабира являет смешанный рукописный сборник, обнаруженный собирателями рукописей из Нагари Прачарини Сабха. Этот сборник, относящийся примерно к 1800 г., включает 121 пад Кабира. По возрасту близко к нему стоит старейшее доступное толкование "Биджака", выполненное Рамрахасом Дасом из Бурханпура (1726—1810), известное под названием "Панчгрантхи" — "Пятикнижие".

Среди работ комментаторского характера заслуживают внимания два комментария к "Биджаку", получивших признание и одобрение секты кабирпантх. Первый из них, носящий название "Трижья", был составлен Пуран Дасом из Бурханпура в 1837 г., в печатном виде он появился позже. Второй, именуемый "Пакханд кхандини" — "Искоренительница ереси", принадлежит Вишванатху Сингху (1700—1855), радже княжества Рева, род которого, согласно фамильным преданиям, хранил древнейшую, чуть ли не прижизненную запись собрания "Биджака". Но эта версия не нашла убедительного научного подтверждения.

В это же время появляется ряд работ "биографического" жанра, первой из которых может быть названа грандиозная компиляция

Парамананда Даса из Фирозпура "Кабир-мансур", написанная первоначально на урду (ок. 1880 г.), а в 1903 г. изданная в переводе на хинди.

Перечисленные выше издания сочинений Кабира и его "биографии" представляют собой литературу религиозно-сектантского толка. Их публикацией преследовались чисто практические задачи секты кабирпантхи и никаких научных целей их издатели перед собой, естественно, не ставили.

Европа своим первоначальным знакомством с Кабиром обязана труду Х.Х. Вилсона "Религиозные секты индусов" опубликованному в 1828-32 гг. в трудах Бенгальского Азиатского общества. В этой работе показано традиционно отводимое Кабиру место в ряду винунтских вероучителей средневековой Индии.

Вскоре после Вилсона краткую характеристику Кабира и его творчества дал в своей "Истории литературы хинди и хиндустан" французский исследователь Гарсен де Тасси.

В 1877 г. английский ученый Э. Трумп опубликовал в Лондоне перевод значительной части (около одной трети) священной книги сикхов-"Адигрантх".

Существенным шагом в изучении Кабира можно считать выход в свет первой монографии, посвященной его творчеству и учению - "Кабир и кабирпантхи" Г.Х. Весткотта.

Новым монографическим обобщением связанных с Кабиром сведений явилась вышедшая в 1931 г. книга Ф.Э. Кея "Кабир и его последователи".

С начала века наибольший интерес; с научной точки зрения, представили работы индийских ученых-исследователей.

Бенгальский филолог Кшити Мохан Сен издал примерно 400 стихотворений Кабира, частью записанных прямо со слов странствующих аскетов и проповедников, частью сверенных с рукописями и предметными изданиями. Публикация Кшити Мохана Сена выполнена в бенгальском письме; оригинальное чтение стихов сопровождается переводом на бенгальский язык.

Данное издание послужило Рабиндранату Тагору источником для его знаменитых "Ста стихотворений Кабира", благодаря которым имя средневекового индийского поэта стало известным всему современному миру.

В 1916 Айодхьясингх Упадхьяй (Хариудх) выпустил сборник, озаглавленный "Кабир-вачанавали" ("Собрание изречений Кабира").

Он составлен на основе "Адигрантх", "Биджак" и опубликованных ранее сборников.

Краткую характеристику Кабира, не выходящую за пределы обычных для этой эпохи представлений, и образцы его творчества в английском переводе (6 рамайни и 22 сакхи) мы находим в классическом труде по истории средневековых индийских религиозных воззрений, принадлежащем крупнейшему индийскому филологу прошлого века Р.Г.Бхандаркару.

Начиная с тридцатых годов объектом монографического исследования в Индии становится не только творчество Кабира в целом, но и его отдельные аспекты.

Прежде всего следует назвать исследование личности, творчества и философских воззрений Кабира, принадлежащие крупнейшему знатоку этого автора - д-ру Хазарипрасад Дживеди. Этот труд до сих пор остается непревзойденным пособием для изучения Кабира.

В 1947 г. Рамкумар Варма под заглавием "Сант Кабир" опубликовал в графике деванагари собрание произведений Кабира, вошедших в "Адигрантх". Издание снабжено объяснительным переводом на современный хинди и предисловием, характеризующим личность Кабира и источники для изучения его творчества.

Очень тщательно подводит итог основных достижений науки о Кабуре к середине нашего века Парашурам Чатурведи, опубликовавший в 1954 г. книгу "Исследование литературы о Кабуре".

Качественным скачком в изучении творческого наследия Кабира явилось вышедшее в 1961 г. критическое издание его стихов ("Кабир грантхавали"), подготовленное Параснатхом Тивари. Здесь впервые в полном объеме были поставлены важные текстологические задачи: выявление всего материала, функционирующего ныне под именем Кабира; установление меры достоверности отдельных его составляющих; выделение основных традиций передачи сочинений Кабира; сопоставление их между собой.

Изложенное выше показывает, что индийские филологи за последние десятилетия достигли значительных успехов в изучении творчества Кабира. Это особенно касается сбора, публикаций и критического анализа текстов. Биография поэта, к сожалению, до сих пор в значительной мере покоится на данных легендарного и полуполулегдарного характера, и ученые не далеко ушли в этом смысле от первоначальных исследований.

СИРИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА ОБ АВГАРЕ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
В КАЧЕСТВЕ АПОТРОПЕЙЧЕСКОГО ТЕКСТА

В цикле легенд, связанных с именем эдесского царя Авгара, выделяется сказание, повествующее об апокрифической переписке, которую Авгар Укама имел с Иисусом Христом. Первоначальная письменная фиксация этой легенды относится к началу III в. н.э. (202-216 г.), периоду, когда Авгар IX Великий развернул кампанию по христианизации Осроены, и принадлежит к документам архива "царей". Рассказ в "Historia Ecclesiastica" Евсевия Кесарийского сохранил вторую редакцию легенды, весьма немногим отличную от первой. Поздняя сирийская версия сказания дошла до нас в составе памятника "Учение Аддая" (кон. IV - нач. V в. н.э.) и отличается существенными дополнениями.

Легенда об Авгаре была чрезвычайно распространена как у всех народов византийского культурного круга, так и на Западе, несмотря на то, что декретом папы Геласия (494 г. н.э.) она причислялась к разряду запрещенной литературы. Такой популярности ее способствовало то, что отрывок из легенды (сами тексты писем) стал использоваться в качестве апотропейческого (от греч. *ἀποτροπή* отведение, предотвращение, отвращение гнева богов) амулета, талисмана. Легенда, т.о., претерпела значительную метаморфозу, превратившись из документа, защищающего и оправдывающего политику Авгара IX, в один из видов магических текстов, столь распространенных в средние века. Копии писем выполнялись на различных материалах: камне, папирусе, пергамене, черепках и кусочках металла и служили как личными амулетами, так и для магической защиты городов от военной опасности.

Довольно богато эта традиция использования легенды представлена на греческом языке. Этому способствовало то, что античность подготовила хорошую почву для такого ее восприятия. Так, в Древней Греции были известны таблички с наговорами, проклятиями, по стилю приближающиеся к письмам. (Е. Г. Кагаров. Греческие таблички с проклятиями. Харьков. 1918 г., с. 17).

К настоящему времени мы располагаем тремя папирусными текстами: Фалмским, Гетеборгским и из Нессаны и несколькими надписями, выбитыми на камне (Эфесская, Понтийские, Эдесская

и из Филипп). Почти все они содержат как послание Авгара, так и ответ Христа, за исключением трех: Гетеборгского папируса, Эдесской и Евхантаской надписей, которые содержат лишь ответ, представляющий, с точки зрения магического предотвращения бед, наибольшую ценность.

Все тексты, за исключением Гетеборгского (который имеет сходство с коптской версией - *Philologische Wochenschrift*, Leipzig, 1930, № 8), представляют редакцию писем, близкую к тому, что дано у Евсевия, и расходятся как с Евсевием, так и между собой лишь в заключительной части ответного письма. Она содержит т.н. "эдессизм" - обещание сделать Эдессу неприступной для врагов, - относительно подлинности которого возникали сомнения уже у средневековых историков (см. нпр. Прокопий Кесарийский, *De bello Persico* II.12). Этот "эдессизм" является, по сути, особой легендой, возникшей в конце IY в. н.э. в условиях, когда стабилизировались отношения Римской империи с ее основным восточным противником - Ираном. Именно данное добавление подкрепляло веру в апотропеическую силу текста переписки. Во всех греческих текстах переписка по Евсевию дополнена обещанием сделать город неприступным, причем каждый текст дает особую версию обещания. Эти дополнения появились, несомненно, в результате сирийского влияния. Различные варианты дополнительной части свидетельствуют о том, что до того, как она была зафиксирована письменно в "Учении Аддая", легенда об обещании имела традицию устного распространения как на сирийском, так впоследствии и на греческом языке.

Апотропеические тексты на греческом языке охватывают время с IY по V вв. н.э. и позволяют поэтому проследить литературную историю легенды в период, не представленный рукописной традицией.

С.Л.Невелева

К ВОПРОСУ О ТРИАДЕ (интерпретация Махабахараты)

I. Индуистская триада традиционно распределяет функции разрушения, созидания и сохранения мира соответственно между тремя

главными божествами: Шивой, Брахмой и Вишну. Попытаемся выявить распределение указанных функций на тексте III книги Махабхараты ("Араньякапарва", или "Лесная"), используя материал, не имеющий непосредственного отношения к композиционной канве, дополненный характеристиками Шивы, Вишну и Брахмы как действующих лиц основного повествования.

2. Самоочевидным представляется факт, что все три функции (разрушение, созидание и сохранение) в частях текста, посвященных Вишну, приписываются ему одному. Дурьоджана, отрекаясь от царства в пользу Духмасаны, говорит ему: "Охраняй (нам) род так, как Вишну (хранит) сонмы богов" (238.25)¹. Хранимые Вишну миры благоденствуют благодаря его милости (101.2,5).

Мудрец Уттанка славит Вишну: "Тобой, о лучезарный, сотворено все сущее... и то, что доступно познанию" (192.11). Маркандей говорит о Вишну, что он - "творящий и преобразующий всесоздатель" (kartā vikartā sa sarva - bhāvana - bhūta - kṛt, 186.14, точнее - "творящий и преобразующий /или разрушающий/ создатель вселенной и всего сущего"). "Он, создающий, не создаем, он сам - источник созидательной силы" (186.16). Вишну, "могучий творец мира" (192.21), наделил думов все сущее (187.35). Подобно тому, как из тела гиганта в ведической Пурушасукте произвели четыре касты, точно также Вишну в эпосе выступает творцом разделенного на сословные разряды человечества (187.13). Вселенная покорна его воле: "Я создаю богов, людей, гандхарвов, демонов-змеев, ракшасов и весь неживой мир, и я же уничтожаю (их) своей тайной силой" (187.29).

И далее: "Когда ты доволен, весь мир благоденствует, но воцаряется ужас великий, если ты гневен" (192.16) - в описании божества, суть природы которого - даровать благо страждущим, вновь (ср. выше) появляются черты, более подходящие характеристике, например, Шивы. И совсем определенно, недвусмысленно традиционная функция Шивы отнесена к Вишну в словах того же мудреца Уттанки: "Ты и творец, и губитель всего, живущего на земле" (192.19).

С функцией разрушения связана также акция Вишну в конце цикла мировых периодов (yug), когда в форме пламени конца мира (pralayaṅgī) он уничтожает все живое, что еще уцелело после очистительного потопа и засухи (187.12). Сам Вишну провозглашает: "Я - пламя конца мира, я - Яма конца мира, я - солнце конца мира, я - ветер конца мира" (187.17).

На основании приведенных примеров, даже если сделать поправку на экзальтированность описания Вишну в тех пассажах, где он является центральной фигурой и на несомненное предпочтение, которое оказывает эпос этому божеству, можно прийти к предварительному выводу о нечеткости разграничения функций между богами будущей триады.

3. Переходя к рассмотрению функциональной значимости Брахмы, отметим, во-первых, наличие в его образе сходных аспектов - творение и разрушение (последний - в менее ярко выраженной форме), и, во-вторых, - явное пересечение функции создания Брахмы с той же функцией Вишну при том, что для Брахмы именно эта характеристика является определяющей (Вишну мыслится в этой связи неким метафизическим абсолютом, началом начал мироздания).

Эпический Брахма - демьург, от которого произошли боги, демоны и люди. Другая сторона творческой активности Брахмы, описанная в тексте, связана со сменой космических периодов. Когда поток кончается, "Прародитель пробуждается ото сна" (I86.4) и, "наполнив воздухом небеса и всюду рассродоточив воду, в должном порядке воссоздает четыре формы жизни" (I86.5).

Брахма - "творец всего, что движется и что неподвижно" (I60. I3, ср. I92. II - аналогичная характеристика Вишну), "творец мира" (lokabhāvana 260. I4), "творец всех миров" (sarva lokāṇāṃ agratā - 258. II). Вишну возражает "честные порядки, установленные Самосущим (svayaṁ bhū), т.е. Брахмой" (I89.2)².

Приписываемая Брахме функция творения охарактеризована недостаточно четко: неясно, где кончается деятельность Вишну, и начинается творчество Брахмы³, тем более, что об их созидательной активности говорится примерно в одних и тех же выражениях. По-видимому, тенденция видеть в Брахме бога-творца в эпосе уже складывается, и в то же время традиция древнейшей мифологии - приписывать акцию творения мира верховному божеству в случае Брахмы и Вишну как бы расщепляется, приводя к некоторой нечеткости характеристики их как созидательных начал.

Разрушительная функция Брахмы, нехарактерная для этого божества, приписываемая ему, как и Вишну, лишь по праву владыки, творца всего существующего, упомянута скупо (см., напр., I68. II). Единственный раз Брахма выступает в несвойственной ему роли спасителя человечества в бедствии, которым является обычно Вишну

(идентификация Брахмы с рыбой, спасшей прародителя Ману и мудрецов от потопа - 185.48).

4. Эпический Шива - фигура четко очерченная, с определенным кругом взаимосвязей и строго зафиксированными функциями, основная из которых - мятежная сила разрушения. В описании его облика, атрибутов, акций подчеркнут аспект воинственный, устрашающий (214.20, 40.3, 170.39). Если Вишну и Брахма и проявляют себя в приписываемой им акции разрушения, то мыслится она как один из аспектов всесозидающей творческой силы: эти боги всеобладатели и всепроникающие, и потому им суждено разрушать, абсорбировать все сотворенное, чтобы вновь начать созидание. Функция космического созидания для Шивы не характерна, хотя в апелляциях к нему встречается такая характеристика, как, например, *lokabhāvana*, "творец вселенной" (40.33, ср. то же о Брахме), или повторяются мотивы, присущие описанию Вишну (41.8, 81.108). Необходимо учитывать при этом известный "механизм" прославлений, заключающийся в том, что один и тот же тип содержания прославления используется при обращении к различным объектам.

5. В послэпической традиции Вишну, Шива и Брахма связаны воедино понятием триады и представляются тремя проявлениями единого начала. Синкретность этого понятия индуистской религиозно-философской мысли была отмечена еще 4. Шредером.

Эпосу чуждо понимание этих трех богов в единстве, также как чужда строгая закреплённость за каждым определенной функциональной нагрузки. Зародыши будущего распределения функций обнаруживаются в эпическом материале: в характеристике Брахмы преобладает аспект созидания, Вишну последовательно приписывается роль спасителя человечества (божества охраняющего), Шива - несомненно грозная сила разрушения. Но если функция Шивы оформлена, стабильна, то демидургом может выступать и Вишну, и Брахма, а иногда и Шива.

По-видимому, понятие триады как совокупности трех функциональных проявлений единого начала не приложимо к эпосу.

1) Ссылки даются по критическому изданию Махабхараты - *The Mahābhārata for the first time critically edited by V. S. Sukthankar, vols. 3, 4. Poona, BORI, 1942.* Цифры обозначают номера глав и стихов.

2) Этот пример можно трактовать следующим образом: функция первичного творения лежит на Брахме, но в циклической повторяемости мг (186.1) его акцию копирует Вишну.

3) Попытка разграничения функции создания Вишну и Брахмы зафиксирована в сцене потопы (187.39,40): чередуется одно и то же состояние космического сна, т.е. выключения из действия.

Э.С.Русинова

ВОСТОК В ТВОРЧЕСТВЕ У.С.МОЭМА

1. Перу известного английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма (1874–1965) принадлежит большое количество романов, рассказов, новелл, путевых очерков, работ литературно-критического и философского характера, так или иначе связанных с темой Востока. Материал для большинства своих произведений Моэм собирал во время путешествий. До глубокой старости он странствовал по отдаленным странам, считая, что знакомство с бытом и культурой других народов, встречи с различными людьми и разнообразные жизненные ситуации во время путешествий могут явиться для писателя неиссякаемым источником наблюдений, необходимых для творчества.

2. Вскоре после окончания I Мировой войны Моэм совершает первую поездку на Восток. Он посещает Гавайские острова, Самоа, Таити, Китай и Индонезийские острова. Целью этого путешествия было собрать материал для книги о Гогене, полотно которого поразили Моэма в музеях Норвегии в 1917 г. Так в 1919 г. был написан роман о художнике Стрикленде "Луна и гром". С 1921 по 1931 гг. Моэм почти непрерывно посещает Ближний и Дальний Восток, побережье Африки. Знакомство с этими странами дало писателю возможность создать такие сочинения, как сборник "На китайском экране" (1922), пьеса "К востоку от Суэца" (1922), книга путевых очерков "Джентльмен в гостиной" (1930), роман "Раскрашенная вуаль" (1925), сборники рассказов "Трепет листа" (1921), "Казуарина" (1926) и др.

3. В раннем творчестве Моэма и до 30-х годов Восток, в основном, являлся для писателя фоном, на котором протекала хорошо ему знакомая жизнь колониального чиновничества. Моэм сумел показать, что там, где лицемерие, жестокость, догматичность, рели-

гнозное качество, погоня за наживой не скрыты под маской "благопристойности" они достигают своей предельной концентрации и крайнего выражения. Стремясь к объективности изображения, Мозм создает галерею образов, независимо от творческой задачи писателя, обличающих расовые предрассудки и колониализм. /Священник, проповедующий доброту и смирение, но крайне жестокий, когда приходится "обращать в веру" строптивую паству; миссионер, испытывающий презрение к обычаям местного населения (Сборники рассказов "Трепет листа" и "На китайском экране"); колониальные чиновники, ненавидящие аборигенов, с которыми им приходится иметь дело, и верящие в непогрешимость своих действий по отношению к подчиненным, замкнутый круг общества "белых", боящихся и непонимающих местное население ("Кауарина", "На китайском экране", "Раскрашенная вуаль")/. Писатель не стремился делать социальные выводы, но многие черты жизни Востока того времени подмечены и запечатлены им с большой остротой.

4. Одной из наиболее сильных сторон творчества Мозма было разоблачение буржуазного общества с его стяжательской моралью, лицемерием, стремлением нивелировать человеческую индивидуальность. Лучшие представители общества, на чьей стороне симпатии Мозма, стремились к свободе, искали выхода из тисков буржуазной жизни и филистерской морали в самоусовершенствовании, в поисках истинной ценности жизни. Поскольку борьба с собственническим миром, по мнению писателя, бесполезна, а устой его незыблемы, то пассивные бунтари Мозма покидали мир привычной жизни и устремлялись на Восток, в Австралию или на острова Тихого океана, чтобы "вернуть себе душу", изменить свою жизнь, сделать ее более человеческой. (Так поступает Фримен из пьесы "Смит", герой рассказа "Падение Эдварда Барнарда", художник Стрикленд в романе "Луна и гром", Дэрри в книге "На острове нока").

5. На Востоке осуществляется прозрение героев Мозма. Они познают богатую культуру и историю этого края, перестают считать его "мрачным и несповедимым". Так происходит "обращение" героев, порвавших с буржуазным обществом и его идеалами, их отчуждение от Запада, который уже начинает казаться им грубым в сравнении с Востоком. (Характерны рассуждения героини из романа "Раскрашенная вуаль").

6. Знакомство с Востоком, его культурой и памятниками ли-

тературы повлияло и на мировоззрение самого Моэма. И в конце 30-х годов намечается новый этап изображения темы Востока в творчестве писателя. Он пересматривает свои позиции и приходит к выводу, что подлинное искусство должно быть человеческим, должно учить мудрости, справедливости и терпимости. Под влиянием индийской философии Моэм неоднократно возвращался к мысли, ставшей лейтмотивом многих его сочинений: "Самая высшая красота - это прекрасно прожитая жизнь, это - самое совершенное произведение искусства". Размышления Моэма о Востоке отразились в книге "Подводя итоги" (1938), "Записные книжки писателя" (1949), в романе "На острие ножа" (1944).

7. Моэм писал в "Записных книжках", что в 1938 г. во время первой поездки в Индию, был мучительно поражен контрастами памятников культуры, Тадж Махалом, храмом в Мадуре и красотами природы рядом с нищетой и тяготами жизни народа. Индийские впечатления были очень сильны, и Моэм задумал написать книгу. В 1944 г. вышел роман "На острие ножа", сюжетом для которого послужили события этого путешествия.

8. Название романа и эпиграф к нему заимствованы Моэмом из "Упанишад". Поиски героя книги Лэрри уподобляются высказыванию древних о том, что путь к спасению найти также трудно, как пройти по острию ножа. Лэрри, вернувшийся в Чикаго после окончания Первой мировой войны, не хочет следовать стереотипу американской борьбы за успех, не хочет вкладываться в погоню за удачей, карьерой и жизненным благополучием. Он мучительно стремится найти что-то такое, во что он мог бы верить. Его поведение поражает окружающих, живущих иными понятиями. Жизнь Лэрри становится хождением "по острию ножа" в поисках истины, добра и справедливости. Писатель уделит индийским сценам лишь часть романа, но считал те главы, где Лэрри рассказывает собеседнику о своей жизни в ашраме у отшельника и излагает основы веданты, настолько важными, "что если бы не этот разговор, то и не было бы смысла писать книгу". Обратившись к индийской философии, Лэрри находит в ней ту гармонию и покой, к которым стремился долгие годы. Он решает вернуться в Америку, стать простым механиком или шофером, отрешиться от всякой собственности ("для вас деньги - независимость, для меня - обуза") и увлечь своим примером других. Лэрри надеется, что его опыт покажет другим, что высшие духовные ценности и самопожертвование дают покой и счастье. В философском

смысле образ "острия бритвы" становится символом борьбы за разрушение лжи и зла окружающей жизни и поисков внутренней гармонии.

9. Роман Мозма был весьма популярен в послевоенной Америке. Искренность поисков Лэрри увлекла многих. Обращение героя к веданте воспринималось как протест против американского образа жизни, против практицизма и мира бизнеса, как проповедь высоких этических идеалов. (Ср. с обращением к дээн Салинджера). Тема Востока в творчестве Мозма, как мы пытались показать, претерпевает эволюцию от изображения колониальной жизни до глубокого осмысления роли культуры Востока в духовной жизни Запада.

К. Чиллаев

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДАСТАНА "АБУ МУСЛИМ-НАМЕ"

Дастан "Абу Муслим-наме" посвящен жизни и деятельности исторического лица известного руководителя антимейядского восстания Абу Муслима, народного вождя, предательски убитого в 775 г. по приказу аббасидского халифа Абу Джафара. Трагическая судьба Абу Муслима послужила основой для многочисленных легенд, которые позже легли в основу дастана "Абу Муслим-наме". Так арабский анонимный исторический труд сообщает, что "в Мерве, Нисе, Нишапуре и Рее о нем (Абу Муслиме - К.Ч.) ходит много рассказов и преданий, которые может содержать "Большая история", но которые неуместны для этого компендия"¹.

Отдельные версии дастана, средствами народного художественного повествования, довольно близко к действительности изображают историческую обстановку и деятельность Абу Муслима. Поскольку "Абу Муслим-наме" - произведение полуфольклорного типа, его содержание многопланово, поэтому при характеристике его направленности у круга ученых-литературоведов нет единого мнения.

Большинство литературоведов склонны считать дастан народным, по-разному формулируя его жанровую особенность. В.А. Жуковский определяет его как исторический роман². Ю.Б. Борцовский также называет его историческим³ и историко-героическим романом⁴. Далее формулировки даются следующим образом: А.А. Гвахария - "героико-рыцарский роман исторического характера"⁵. И. Медикова - "героический роман"⁶, И.Дж. Махджуб - "полуисторический-полусла-

зочный дастан"⁷, Ю.Салимов - "богатырско-исторический роман"⁸.

Каждое из вышеприведенных мнений имеет под собой определенную почву. Например, самостоятельная повесть похождения Ахмада Замчи⁹ носит рыцарский характер. Подобные эпизоды в дастане не единичны. Однако не они составляют суть и ядро дастана и поэтому называть "Абу Муслим-наме" "рыцарским романом" неверно. Также не точно называть дастан сугубо "героическим" или "богатырским", потому что исторические события в нем изображаются довольно конкретно, хотя они и переосмыслены многочисленными творцами дастана в духе народных представлений тех эпох, в которые создавались различные версии "Абу Муслим-наме"¹⁰.

Существует мнение противоположное первому. А.Акрамов называет "Абу Муслим-наме" вместе с "Кахрамоннаме", "Хусайни Гурд", "Мусайибнаме", "Муталибнаме", "Замчинаме", "Хамзанама" поэмами и легендами религиозного содержания¹¹.

Еще более решительным является мнение Р.Маджидова. Он пишет: "Духовенство и суфийские "писатели" под маской "народной" книги в большом количестве распространяли книги типа "Бобо Равман", "Ибрагим Аджам", "Абу Муслим-наме", "Сайкалнаме", "Книга Заркума" ("Рассказы о битвах Хаазрата Али"), в корне чуждые интересам трудящихся"¹².

На наш взгляд, такая оценка если не всех, то некоторых произведений этого типа, без учета исторических и социальных условий их появления не объективна.

Действительно, некоторые из произведений проделали многовековую эволюцию и вобрали присущие своему времени элементы, но часто оставались народными в полном смысле этого слова. Это можно сказать, в частности, об "Абу Муслим-наме", где во всех версиях и вариантах дастана, правда, в разной мере, отдается дань духу мусульманской романтики. В частности, в версии Ханьков 43, в таком духе описаны похождения имамов Мухаммада Бакира и Йахья б.Зайда¹³.

Однако, религиозно-фантастические эпизоды дастана сводятся, в основном, к тому, что в трудных и безвыходных ситуациях Мухаммад, Али или кто-либо из святых протягивает руку помощи героям дастана. Но это, как справедливо отмечает Ю.Е.Борщевский, "чаще всего выступает как необычное, приподнимающее героя над обыденной жизнью"¹⁴.

При определении характера дастана, его направленности, необходимо иметь в виду особенности его темы. А тема, как известно очень тесно связана с религиозными представлениями времени, как например, представление о единстве мусульманской общины с государством, о безграничном авторитете выдающихся деятелей ислама, Мухаммада и Али, вокруг имен которых шла борьба, хотя сущность этой борьбы была сугубо политической. При всем этом, в дастане религиозные мотивы имеют весьма незначительное место. Все, что не касается боев, поединков богатырей, походов аййаров, immo-летно, несущественно. Все в дастане связано с простым народом, его жизнью, со всеми ее противоречиями и разнообразием. Существование "Абу Муслим-наме", как всякого другого произведения подобного рода, связано со вкусом народа и его признанием, что было верно отмечено П.Н.Ханлари¹⁵. Если имаму Мухаммад Бакиру в дастане посвящено несколько страниц, весьма, впрочем, интересных, то о подвигах богатыря Ахмада сказители рассказывали целую неделю. В рукописи 615 встречается следующее сообщение:

"Теперь вы послушайте о приключениях богатыря Ахмада сына Мухаммада Замчи, ибо рассказ о нем продолжается до одной недели"¹⁶.

Ряд конкретных фактов, зафиксированных в дастане "Абу Муслим-наме" сообщается и в исторических трудах. Главные герои и большое число второстепенных героев дастана - исторические лица.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что "Абу Муслим-наме" - произведение народное и его можно определить, вслед за Ю.Е.Борщевским, как "историко-героический" роман.

1) Арабский аноним XI века, издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П.А.Грязневича, М., 1960, стр.100.

2) В.А.Луковский, Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва, (Материалы по археологии России, № 16), СПб., 1894, стр.160.

3) Ю.Е.Борщевский, Дастаны и народная культура Ирана - письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (Тезисы докладов 2 годичной сессии ЛО ИНА, март 1966 г.), Л., 1966, стр.6.

4) Ю.Е.Борщевский, Персидская народная литература, - в кн.:

"Плутовка из Багдада", М., 1963, стр.3.

5) А.А.Гвахария, Грузинские версии персидских народных сказаний (Автореф.дисс.на соискание уч.степени доктора филол.наук), Тбилиси, 1970, стр.10.

6) I.Melikoff, Abu Muslim le "porte-hache" du Khogassan, Paris, 1962, p.27.

7) محمد جعفر محبوب رعای جميله مجله "سخن" دوره سیزدهم ص ۱۱۹۸

8) Ю.Салимов, Насри ривоятим форсу тоҷик, Душанбе, 1971, сах 45.

9) См.рукопись ГПБ им.Салтыкова-Щедрина (Ленинград) под номером Ханьков 43, лл.338-371.

10) Ю.Е.Борщевский, Персидская народная литература, стр.13.

11) А.Акрамов, Из истории школы сказителей шохнома и кисса в персидско-таджикской литературе. Ворас и его "Бахр-ут-Таворих" (Автореф.дисс.на соискание уч.степени кандидата филол.наук), Душанбе, 1970, стр.3.

12) Р.Маджидов, Узбекские народные книги и произведение Ризои "Хуршед и Маликаи Дилором" (Автореф.дисс.на соискание уч.степени кандидата филол.наук), Самарканд, 1971, стр.14.

13) См.рукопись ГПБ Ханьков 43, лл.9а - 15б.

14) Ю.Е.Борщевский, Персидская народная литература, стр.13.

15) پرويز نائل خانلری داستانردازی و اشعار داستانى "سخن" شماره ۱۲۴۴

16) См.рукопись № 615 ГПБ им.Фирдоуси (г.Душанбе), л.312б.

Я З Ы К О З Н А Н И Е

А. Маруф

О СЛОВАРЯХ КУРДСКОГО УЧЕНОГО ГИВИ МУКРИАНИ

Деятельность Гиви Мукриани представляет собой одну из наиболее ярких страниц в истории развития курдского языкознания. Изучение всех сторон этой деятельности и, в частности, лексикографической работы Гиви Мукриани, естественно, привлекает самое пристальное внимание курдоведов.

Его словари являются результатом его долголетней работы над сбором лексического материала и тесного общения с народом.

В работе по изучению словарного состава курдского языка словари Гиви Мукриани по принципам построения и характеру научного исследования представляют новую и более высокую ступень в курдской лексикографии начала второй половины XX в.

Одной из первых лексикографических работ Гиви Мукриани был арабско-курдский учебный словарь, изданный в 1950 г. в г. Эрбиле¹ (Иракский Курдистан). В этом словаре 15 тысяч слов. Он отражает лексику курдских диалектов курманджи, мукри и говоров курдов района Сулеймание, Эрбиля, Ревандуза, Керманшаха и Сенедеджа. Переводы арабских слов на курдский язык в основном удачны. В словаре даны переводы прямых и переносных значений арабских слов. Арабские слова, не имеющие соответствующих эквивалентов в курдском языке, переводятся описательно. В словаре в большом количестве представлен синонимический материал, отражающий диалектные различия курдского языка.

Составитель словаря старался максимально использовать лек-

сическое богатство курдского языка, для передачи точного эквивалента каждого арабского слова. Следует, однако, отметить, что это автору удалось не всегда. Например, при переводе слова **أبد** "всегда", приводятся только следующие эквиваленты: *hemîde, herçax, bîna, herçaf*, тогда как имеются еще и другие общеупотребительные эквиваленты, например: *herdem, herçiz*; при переводе слова **أنتاج** "производство" не приводит курдское слово *berhem*, которое является точным эквивалентом слова **أنتاج**.

В целом данный словарь пока остается хорошим подспорьем при устном и письменном переводе с арабского языка на курдский язык и в изучении арабского языка.

Несмотря на то, что со дня выхода в свет указанного словаря Гиви Мукриани прошло уже почти 20 лет, он не потерял своего практического значения.

Вместе с настоящим словарем, который является большим достижением в области курдской лексикографии, в 1955 г. автор издает второй учебный словарь под названием *Kolkezêrîne* ("Радуга")².

Этот словарь по объему небольшой, но чрезвычайно интересный. Словарь носит подзаголовок: "Курдско-арабско-персидско-французско-английский тематический словарь". Настоящий словарь Гиви Мукриани - первый опыт создания тематического курдского словаря.

В описываемом словаре весь материал сгруппирован вокруг 59 маленьких тем. В нем отражена сельскохозяйственная лексика, даны названия частей тела, жилищ, птиц, фруктов, деревьев, одежды, домашних и диких животных, термины родства и т.д. Все курдские слова, записанные арабской графикой, сопровождаются латинской транскрипцией.

Следует здесь же сказать, что автор проделал трудную и сложную работу по составлению списка тематических единиц и схемы их расположения. Если применительно к некоторым тематическим группам ("части тела человека", "птицы", "жилище" и др.) выполнить такую работу было сравнительно не трудно, то в отношении других групп ("научные термины", "забота о человеке" и др.) составление списка тематических единиц и порядка их расположения было сопряжено с большими трудностями.

Словарь в основном составлен добротнo. Многие темы, например, "птицы", "домашние и дикие животные" и др. раскрыты удачно.

Трудно требовать, чтобы в первом опыте тематического словаря все темы с точки зрения состава лексики были раскрыты безупречно. Имеется немало тем, содержание которых раскрыто недостаточно. Несколько частных примеров. В разделе "части тела" нет таких важных слов как *rê* "нога", *ejno* "колено". В теме "дни недели" пропущено слово *dîşemî* "понедельник". В теме "лекарства" приводятся почему-то *siwe* "ртуть", но отсутствует слово "аспирин". Часто встречаются слова, вовсе не относящиеся к данной теме. Так, в теме "насекомые" находим слово *kîsel* "черепашка". Непонятно почему слова *wêje* "литература", *wêjewan* "литературовед", *serkirde* "офисер", *qutabî* "ученик", *qutabxane* "школа", *peşde* "карта", *perûk* "книжка" и ряд других слов оказались в разделе "время". Подобных примеров можно было бы привести немало.

Сказанное выше свидетельствует о том, что в словаре Гиви Мукирани имеется ряд недочетов, многие из которых вполне объяснимы, если иметь в виду существующий уровень лексикографической разработки тематических словарей. Однако, отмеченные недостатки никак не умаляют достоинств и ценности труда курдского лексикографа, автора первого пятиязычного тематического словаря.

В 1961 г. выпущен в свет "Курдско-арабский словарь"³ Гиви Мукирани. Появление его явилось большим событием в культурной жизни курдов Ирака. Словарь, охватывающий 30 тысяч слов, дает верную картину словарного состава курдского языка. Ему предпослана небольшая вступительная статья, где излагаются принципы отбора, перевода, а также говорится о тех трудностях, с которыми пришлось встретиться автору при составлении словаря.

В отношении содержания и структуры применения новых методов разрешения ряда вопросов новый словарь Гиви Мукирани явился шагом вперед по сравнению с его предыдущими работами. В этой работе широко использован опыт как отечественной, так и зарубежной лексикографии. Словарь содержит значительное количество новых слов и неологизмов, что увеличивает практическую пользу словаря и придает ему научную ценность.

Говоря о недостатках словаря, прежде всего следует отметить нарушение в ряде случаев принципа комплексного отбора курдских слов. Например, есть *derebeg* "феодал", но нет *derebegî* "феодализм" *derebegêti* "феодалские отношения". Есть *destdirêj* "длиннорукий, перен.вор", но нет *destdirêji* "воровство", *destdirêj*

kirđin "воровать, красть"; есть diz "вор", dizin "воровство", но нет dizî kirđin "воровать" и т.д. Кроме того, автор не всегда точно раскрывает значение курдских слов. Так, например, курдское слово weut дано в переводе غريب. Однако "weut" значит только "странный, необыкновенный, удивительный"⁴, арабское же غريب значит: 1/ странный, необыкновенный, удивительный; 2/ чужой, чуждый, посторонний, незнакомый, неизвестный; 3/ иностранец, чужеземец. Здесь значение арабского غريب значительно шире чем значение курдского weut. В таких случаях следовало бы давать толкование слова.

В заключение следует однако отметить, что указанные выше недостатки ничуть не снижают научную и практическую ценность первого курдско-арабского словаря, являющегося одним из лучших курдско-иноязычных словарей.

В целом в словарях Гиви Мукриани можно найти много ценного и поучительного не только для разработки ряда теоретических вопросов курдской лингвистики в историческом аспекте, но и для работы по созданию норм будущего единого курдского литературного языка. Современная курдская лексикографическая практика многим обязана Гиви Мукриани, создавшему столь значительные труды, сыгравшие немалую роль в истории курдской лексикографии.

-
- 1) گۆمۆریانی - "رهبر" ، فرهنگ قوتابخانه‌ی عاره‌ی و کوردی به ، هه‌ولیه ، ۱۹۵۰ .
 - 2) گۆمۆریانی - "کۆنگره‌ی زیننه" ، فرهنگ کوردی - عاره‌ی - فارسی - فره‌نمای - بیژنی به ، هه‌ولیه ، ۱۹۵۵ .
 - 3) گۆمۆریانی - "فرهنگ مه‌هاپاد" ، فرهنگ کوردی - عاره‌ی به ، هه‌ولیه ، ۱۹۶۱ .
 - 4) بره‌نه : شیخ مه‌دی خاڵه "فرهنگی خاڵه" ، ب ، ب ، ب ، ب ، سله‌مانه ، ۱۹۶۶ .

5) См. Баранов Х.К. "Арабско-русский словарь", Изд. второе, М., 1958.

ПЕРСИДСКОЕ НАЗВАНИЕ ЯНТАРЯ

Янтарь по-персидски называет $kāhγubā$ (тадж. $kaḡubo$, $koḡubo$)¹. Слово засвидетельствовано в пехлевийском написании: $khr'ā$ ². Известны его заимствованные формы в сирийском³: $qhr̄bu$, $qhr̄'bu$ "electrum", $khrb'$ "succinum electrum". В современном арабском языке $kaḡubā$ значит "электричество", "январь", $kaḡaba$ - "электризовать". П.де Лагард⁴ привел справку о том, что Авиценна и Казвини толковали слово как $wālibu l-tibni$, $ḡadibu l-tibni$ "похищающий солому".

И.Гершевич⁵ обратился к $kāhγubā$ "янтарь" для объяснения имен собственных $kaḡuba$, $kaṭuḡubba$ из эламских табличек. Он допустил, что $kaḡuba$, $kaṭuḡubba$ дают самую раннюю фиксацию древнеперсидского слова для "яхонт", отразившегося в н.-перс. $kāhγubā$. Исходя из предположения, что народная этимология, объясняющая $kāhγubā$ как "похищающий солому", верна, И.Гершевич представил форму древнеперсидского слова в составе $*kāv= / kāv̄=$ "солома" и $γūrā=$ "похищающая".

Возможно, И.Гершевич прав. И все же я хочу предложить для н.-перс. $kāhγubā$ иное объяснение. Предмет могли назвать не по свойству, а по цвету. В этом случае в основе слова лежит не $*kāv= / kāv̄=$ "солома" (нет уверенности в том, что н.-перс. $kāh=$ "солома" восходит к $*kāv= / kāv̄=$)⁶, а др.-иран. $*kadγu=$, прилагательное, обозначавшее темножелтые, бурные, каштановые оттенки желтого цвета, ср.ведич. $kādγu=$ "красно-бурный", "гнедой", авест. $kaḡva=$ авра= "Имеющий гнедых коней (название горы, гор)" Air.Wb. 434. Др.-иран. $*kadγu=$ продолжается в н.-перс. $kaḡar$ "гнедой", "каштановый" из $kaḡr$? (ср.н.-перс. $gōḡar$ из $gōḡr$).

Янтарь отличается различными оттенками от светло- до бурожелтого цвета. Сходство с цветом $*kadγu=$ передано во втором компоненте, которым является др.-иран. $*γūrā=$, ср.ведич. $γūrā=$ "внешность", "цвет", "подобие", "вид", "характерный признак", авест. $uḡūra=$ "вызывать видения" от $uḡūra=$ "призрак", "видение" Air.Wb. 1532.

В сложном прилагательном $*kadγu=γūrā=$ "имеющий желто-бурный вид, желтобурную окраску" в результате диссимилиации произошло наложение слогов $=γu=$: из $*kadγu=γūrā=$ образовалось $*kadγūrā=$

(+ =ā=kā=), откуда и получилось н.-перс. kaḥrubā. Дезтимологи- зированному слову (вследствие гаплоггии, исчезновения ḡra= как самостоятельного слова) связь с другими словами вернула на- родная этимология. Его первую часть kaḥ= сблизили с kḥh "солома", вторую осмыслили как причастие настоящего времени rubā от ruftan: ḡb "похищать". Так название вещества по цвету преобразовалось в название по свойству: kāḥrubā получило место в одном ряду с ābaḥrubā "магнит" (букв."похищающий железо"), ustuxwānrubā "собака (букв.похищающая кости)".

Элам. Kaḥrubā, Katurrubba имеет одинаковую вторую часть с элам. Šarukba, Šuruba, в которых И.Гершевич видит др.-перс. *sā= gura= "fox-dog" при авест. spā ugrīš Vend. 5:33. Kaḥrubā, Ka- turrubba, если их принять за одно и то же имя, можно представить в виде *kāv=gura= и с гаплоггией как *kāv(ru)=gura=, где ḡra= 1) "лиса", 2) род животного, авест. ugrī= Air.Wb. 1532, 3) "вид", "цвет", 4) gur= "похищать". Первая часть не ясна - *kā = "солома?", *kaḥru= - прилагательное на =raw= от kas=/kaḥ= "снять", "быть яв- ным" - "блестящий", "лоснящийся"; перс.kaḥr(a) "козленок" в том случае, если hr восходит к "ḡr", а не к "fr"⁸: *kaḥru=gura= "похожий на козленка".

Возможно, это разные имена. Сочетание букв tr, tur(x), tar принимается как для ḡr, так и для dr, ср. в чтении И.Гершевича - Nabatra *a=badra=⁹ "the luckless", Kanturma ~ авест. gandra=¹⁰, Kantarturra *kānta=ardra= "loyal towards the loved ones"¹⁰, tar- ma - др.-перс. druva= "well, safe and sound"¹¹, Turmebada - *drāvaya(t)=pāda= "swift-footed"¹², Turrumašbada - *druva=spā- da=¹², Turmišduma - *druviš(ta)=tama= "he who is in most excel- lent health"¹².

Приведенные транскрипции разрешают для Katurrubba прочте- ние *kad(ru)=ḡra= с двояким значением: 1) "Имеющий желтобурую окраску" "янтарь", 2) "Бурая лиса". Так, что к янтари мы опять вернулись. Но для определения значения Kaḥgura отдельно или Kaḥgura/Katurrubba вместе нужны дополнительные данные.

1) См. о нем: Laufer. Sino-Iranica. p.521 sq.

2) D.N.MacKenzie. A Concise Pahlavi Dictionary. London, 1971, p.48.

3) C.Brockelmann. Lexicon syriacum. Halis sax. 1928,

p. 650b, 320a.

4) Paul de Lagarde. Gesammelte Abhandlungen. Leipzig, 1866, S. 53, N 140.

5) I. Gershevitch. Amber at Persepolis. *Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata*. II, Roma, 1969, p. 201.

6) M. Mayrhofer. neuere Forschungen zum Altpersischen. "Donum indogermanicum". Festgabe für Anton Scherer zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1971, S. 50 Anm. 35.

7) Об отражении $dr > hr$ см.: P. Horn. Neupersische Schriftsprache. G. d. Ir. Ph., I, 2. Abt. S. 95, § 42, N 3; M. Schwartz. On the Vocabulary of the Khwarezmian Muqaddimat Al-Adab, as edited by J. Benzing. ZDMG., 120, Heft 2, 1970, S. 298.

8) См.: I. Gershevitch, op. cit., p. 199 (Kapura).

9) I. Gershevitch, op. cit., p. 181.

10) I. Gershevitch, op. cit., p. 199.

11) I. Gershevitch, op. cit., p. 236.

12) I. Gershevitch, op. cit., p. 237.

А. М. Газов-Гинзберг

ИМЕНА-ПОВТОРЫ СО ВСТАВКОЙ -М- В НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Повтор имен существительных типа "слов-эхо" со вставкой -М-, имеющий значение \approx "некто (некто) и ему подобное", характерен для ряда языковых семей, признаваемых неродственными и не соприкасавшихся друг с другом. Указанный вставной звук стоит либо в начале 2-го компонента, вытесняя его первый согласный, либо после этого согласного.

Этот тип повтора обычен в тюркских языках, где он "в семантическом отношении... приближается к сочетаниям типа... 'книги и тому подобное'" (Р. А. Аганин), напр. at 'лошадь' - at-mat (узб. от-мот) 'всякие лошади (и т.п.)', biçak 'нож' - biçak-mičak (узб. пичок-мичок) 'ножи и т.п. инструменты', tuz 'соль' - tuz-muz

'соль и т.п. специи' и т.д. Реже так выражается лишь возможность подобия, напр. Selim-melim 'Селим или что-то вроде' (≈ 'какой-то Селим'), обычно с пренебрежительным оттенком.

Точно так же образуются эти повторы в трех дравидских языках (З. и Ю. Индостан), имея то же самое "значение множественности и неопределенности" (М.С. Андронов), напр. брами 'ullī 'лошадь' - 'ullī-mullī 'всякие лошади (и т.п.)', ugā 'дом' - ugā-mugā 'всякие дома и т.п. строения', найки араг 'дом' - араг-шараг 'всякие дома и т.п.', колами kūtel 'корова' - kūtel-mūtel 'всякие коровы и прочий скот'.

Известны подобные слова-эхо и в малайско-полинезийской семье. Напр., индонез. sajur 'овощ' - sajur-majur 'всякие овощи', особенно же часто со вставкой инфикса -em- [эм]; они "выражают значение разнообразия, коллективности" (А.С. Теселкин), напр. tali 'веревка' - tali-temali 'разные веревки, корабельные снасти', gunung 'гора' - gunung-gemungung 'разные горы, горная цепь'; с гласным началом ср. awan 'облако' - awan-k/gemawan 'облака, тучи' (добавление k/g сохраняет инфикс).

В индоевропейской семье, что касается ее западной части, подобные пары встречаются лишь эпизодически: ср. рус. фи́гли-ми́гли (от польск. figiel 'мутка'), и функция их лишь приблизительно аналогична. Их больше в индоиранской ветви, особенно в таджикском, курдском, что предполагает тюркское влияние. То же можно видеть в армянском, (напр. ban 'вещь' - ban-man 'всякие вещи'). Это же наблюдается в грузинском, в бурмаски.

З тюркологии высказывалось предположение, что такие слова могли выйти из повтора со вставкой вопросительной частицы mi, mi и т.п. Однако распространенность явления по разным семьям, склонность при этом к искажению 2-го компонента, а также случаи инфиксации в нем заставляют искать более общее решение, кроющееся в межъязыковой символике звука.

Несомненно связь рассмотренных именных "слов-эхо" с простым повтором имени для обозначения множества. Ведь в значении этих "слов-эхо" также обычен элемент множественности ("предмет и ему подобные").

Зачатки передачи множества путем простого повтора имени имеются едва ли не в каждом языке: ср. рус. "(всё) песок, песок...", или "гóры, гóры..." Ср. также случаи, переводимые на рус. язык со

словом "всякий = каждый", напр. древнеевр. 'îḥ (w)'îḥ 'всякий человек'. Грамматическое мн. число по этому образцу обычно в малайско-полинезийской семье, напр. индонез. orang-orang 'люди', некоторых негрских и др. языках. В языке хауса (окраина семито-хамитской семьи) этот способ обычен для коротких имен, напр. 'ya'ya 'дети', iri-iri 'разновидности', в более длинных повторяется лишь конец слова. Ср. древнеевр. re/rî 'рот' - 'лезвие' (меча) - rîrîîot 'оба лезвия' (повтор + окончание мн.ч.). Повтор = мн.ч. нередок в тюркских (узб., якут.). В кит. языке, где этот способ вообще не характерен, он сохранился в слове wǐnǐn 'звезды' - древнейший символ большого множества.

Однако мн. число, включая образование путем символического повтора, передает множество теоретически одинаковых объектов. Чтобы символически указать на неполную одинаковость, разнородность их, наиболее естественно фонетически варьировать 2-й компонент. Один из простейших способов такого варьирования - изменение гласного, напр. тур. bösek-büsek 'разные букашки', татар. тимер-томор 'разные железки, скобяные изделия, металлолом', индонез. gunung-ganang '(разные) горы' (горы всегда индивидуальны) и т.п.

Другим простейшим способом такого варьирования могла быть назализация 2-го компонента или его начала. Видимо, в любом языке существует нефонологическая назализация для выражения некоторых эмоций и т.п. Такая назализация могла затем закрепиться в виде носового согласного. Ср. индонез. gunung-gunung 'горы', gunung-ganang '(разные) горы', gunung-gemung 'разные горы и холмы, горная страна, хребет'.

Между прочим, подобное разнообразие вносит вставка -ш- и в повторы-звукоподражания (напр. тур. takir-makir о стуке разного тона, индонез. guruh-gemuruh о грохоте).

Конечно, наблюдается подобное варьирование и путем иных замен согласных (тюрк. - b/p - наряду с -ш-, в ряде дравидских - k/g -, ср. вставку -k- в моруба и т.д.), а иногда согласных и гласных вместе, но эти варианты распространены по языкам менее, чем рассмотренные выше.

Итак, имена - повторы со вставкой -ш- (и близкие к ним) со значением "некто (некто) и ему подобное" являются еще одним следом или разновидностью древнейшего символического повтора имени для указания на множество, причем варьирование второго компонента

также символически указывает на неполную одинаковость объектов.

В.Г.Гузев, Д.М.Насилов

О СООТНОШЕНИИ ТИПОВ ИЗАФЕТА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Практика исследований в области тюркского языкознания убеждает в том, что несмотря на наличие сложившихся традиций в описании и истолковании грамматических категорий тюркских языков и достигнутых результатов, исследователи снова и снова возвращаются к пересмотру казалось бы устоявшихся положений.

Иллюстрацией этого может служить продолжающаяся разработка учения об изафете в тюркских языках. Это вызвано рядом причин. В качестве одной из них назовем осознание необходимости использовать общий прогресс языкознания и в тюркологических исследованиях.

В последнее время к вопросу об изафете обращались С.Н.Иванов ("Родословное древо тюрк" Абул-Гази-хана), Ташкент, 1969) и Н.З.Гаджиева (Природа изафета в тюркских языках. - "Советская тюркология", 1970, № 2).

С.Н.Иванов интерпретирует изафет в староузбекском языке через призму устанавливаемых им общих свойств тюркского имени существительного: способности совмещать в себе значения единичного предмета данного класса (конкретной предметности) и обобщенного названия данного класса предметов (отвлеченно-предметное, предметно-качественное значение). Род.падеж в функции "прилегающего" определения (изафет III) трактуется им как форма определения с конкретно-предметным значением, основной падеж в этой функции (изафет II) предстает как форма определения с отвлеченно-предметным значением.

Н.З.Гаджиева рассматривает изафет на общетюркологическом материале и в плане исторического синтаксиса. Она считает целесообразным изучать изафет "как с грамматической, так и с логической точки зрения" (Указ.соч., стр.9). В своей статье она освещает вопросы генезиса изафетных конструкций, их исторической последовательности, семантические и функциональные особенности каждого типа. Н.З.Гаджиева справедливо отмечает, что сущность изафета остается недостаточно раскрытой.

Изафет в турецком языке трактуется в таких известных рабо-

тах как книга С.С.Майзеля "Изафет в турецком языке" (М.-Л., 1957), в грамматиках турецкого языка А.Н.Коновова (М.-Л., 1941; М.-Л., 1956), Н.К.Дмитриева ("Турецкий язык", М., 1960), В.А.Гордлевского (М., 1928), в статье А.К.Боровкова "Природа "турецкого изафета" (сб. "Академия наук СССР академику Н.Я.Марру", Л., 1935, стр. 165-177) и др. Трактовка изафета в вышеуказанных работах общеизвестна. Изафет - это определительное сочетание двух имен существительных, из которых одно выступает определением, другое - определяемым. Принято различать три типа изафета на основании формальных признаков: морфологических способов выражения связи между компонентами.

Представляется, что более глубокому познанию механизма изафетных конструкций может способствовать обращение к принципам оппозиционной морфологии, если согласиться с тем, что "опозиции являются формальным и наиболее объективным средством исследования (и формой реализации) грамматических категорий..." (И.Б.Хлебникова, Опозиции в морфологии, М., 1969, стр.14).

Как известно, одним из первых теорий оппозиций в морфологии изложил и применил к конкретному языковому анализу Р.Якобсон в известных работах о русском глаголе и склонении. Эта концепция была выработана в недрах пражской лингвистической школы. Она в значительной степени явилась результатом обобщения опыта таких русских языковедов, как А.Х.Востоков, К.С.Аксаков, Н.П.Некрасов, а также Ф.Ф.Фортуатов, А.А.Шахматов, А.М.Пешковский, С.Карцевский. В противоположность сложившемуся и дающему о себе знать до сих пор представлению о том, что каждая из двух взаимосвязанных общим значением форм обладает самостоятельным, независимым положительным значением, уже в трудах этих ученых содержалось наблюдение, что значения таких форм находятся в ином отношении: в то время как одна категория выражает некий признак, другая категория оставляет этот признак невыраженным (R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums - "Readings in Linguistics II", Chicago-London, 1966, стр.23). Р.Якобсон сформулировал эту идею следующим образом: "В действительности общие значения коррелятивных категорий распределяются иначе: если категория I сообщает о наличии А, то категория II о наличии А не сообщает, т.е. она не свидетельствует, наличествует ли А или нет. Общее значение категории II в сравнении с категорией I ограничивается отсутствием

"сиг.ализации об А" (Там же, стр.22).

Оставим в стороне спорный вопрос об универсальности бинарных и, следовательно, привативных отношений между языковыми объектами. Будем руководствоваться замечанием А.А.Реформатского, что бинаризм оправдан там, где он не привнесен извне, где он коренится в самой онтологии языка.

Анализ имеющихся трактовок изафета убеждает в том, что в турецком языке как изафет II, так и изафет III в семантическом плане в конечном итоге выражают отношение между предметами, которое следует рассматривать как "базу общего основания для сравнения" (И.Б.Хлебникова. Указ.соч., стр.5) их как членов грамматической оппозиции. Каждое из имен существительных, выступающих в качестве компонентов обеих конструкций, необходимо имеет предметное значение.

Изафет I конституируется, как известно, на совершенно иных семантических началах. Он не выражает отношения между предметами. Компонент, признаваемый определением в сочетании типа *fötr şarka* "фетровая шляпа", всегда имеет качественное значение. Напомним, что С.С.Майзель писал об отсутствии предметного отношения между *fötr* и *şarka*, "пространственно слитыми и вещественно совпадающими друг с другом" (Указ.соч., стр.77). Отметим, что понятием изафета I объединяются традиционно, на наш взгляд, семантически разнородные словосочетания. Соглашаясь с С.С.Майзелем в том, что нельзя отождествлять изафет с приложением европейских языков, следует все же заметить, что отдельные сочетания, относимые к изафету (напр., тур. *Osman beu, paçmak çocuk* 'мальчик-с-пальчик' - примеры А.Н.Кононова) вполне соответствуют этому понятию.

Все три типа изафета, которые на грамматическом уровне несомненно образуют стройное единство как атрибутивные сочетания имен существительных, на семантическом уровне обнаруживают разнородность: изафет I не имеет общего значения с изафетами II и III, поскольку компонент-определение имеет в нем качественное значение в противоположность предметному, сохраняющемуся в изафете II и III. Пользуясь словами В.В.Виноградова, можно сказать, что во II и III-ем типах "качественность ищется в формах отношений между лицами, предметами, отвлеченными понятиями" ("Русский язык", стр. 183).

Во II-ом типе изафета значение конструкции не зависит от семантики компонента-определения, а ограничивается лишь функцией показателя относительной связи (афф.принадлежности): указанием на отнесенность одного предмета к другому предмету или понятию о нем чем и объясняется безграничное многообразие значений, вытекающих из семантики компонентов этой конструкции.

III-ий тип, в отличие от изафета II, имеет более ограниченный круг реальных значений. Представляется, что при этом он выражает отнесенность одного предмета к другому, всегда конкретному предмету, что делает эту отнесенность также конкретной. Наиболее типичным проявлением этого конкретного отношения является принадлежность, поэтому и круг значений III-го типа предстает как филиация этого значения.

Наличие общего семантического основания для сравнения изафета II и III (отношение между предметами), форма род.падежа компонента-определения в изафете III, более узкий круг его значений (производных от отношения конкретной принадлежности) позволяют считать, что обе формы составляют грамматическую оппозицию, где, III-ий тип должен рассматриваться как член, маркированный на морфологическом (аффикс род.падежа), а также семантическом уровне (по признаку отнесенности предмета к какому-либо конкретному предмету). Из этого следует, что в изафете II (немаркированный член оппозиции) компонент-определение может иметь как отвлеченно-предметные, так и конкретно-предметные значения, а в изафете III (маркированный член) он имеет конкретно-предметное значение. Именно поэтому мы не должны удивляться, наблюдая случаи употребления в качестве определения в изафете II существительных с конкретно-предметным значением (напр., старооси. *sanı kulađı* 'ухо его души', *gözüm uası* 'слезы моих глаз'; тур. *Türkiye hükümeti* 'правительство Турции', *Ankara şehri* 'город Анкара').

Не случайно многие авторы пишут о взаимозаменяемости изафета II и III в некоторых контекстах (напр., А.Н.Кононов: *Türkiye hükümeti*, *Türkiye'nin hükümeti*). Такие случаи следует рассматривать как явление нейтрализации оппозиций изафета II и III. В соответствии с законами нейтрализации грамматических оппозиций представителем категории выступает немаркированный член (см.: И.Б. Хлебникова. Указ.соч., стр.43-54), каким и является изафет II. Здесь остается невыраженным факт конкретной отнесенности (при-

надлежности) одного предмета к другому, поскольку отсутствует необходимость (по условиям контекста или ситуации речи) передать такую информацию в сообщении.

И.С.Гуревич

СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕСТА (ИЛИ ВРЕМЕНИ)¹
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ Ш-У ВВ.

Предлагаемая статья представляет собой сокращенное изложение одного из разделов предпринимаемого нами исследования "Классы слов в китайском языке Ш-У вв."

Основным источником для этого исследования послужил текст сутры Бай ши цзин² - памятника достаточного по объему (21081 знак) и чрезвычайно репрезентативного для китайского языка интересующего нас периода. Кроме того, в данном исследовании учитывается и используется материал, содержащийся в нашей работе "Очерк грамматики китайского языка Ш-У вв."³.

Классами слов мы называем группы слов, получившиеся в результате классификации слов по их грамматическим признакам. Для китайского языка интересующего нас периода, в котором морфология, можно сказать, почти полностью отсутствует, к таким признакам относится тип конструкции, в которой употребляется слово, а также способность слова сочетаться с другими знаменательными или служебными словами.

В данной статье слова со значением места будут интересовать нас как класс слов, занимающий определенное место в системе частей речи (или классов слов) китайского языка Ш-У вв.

Известно, что в древнекитайском языке слова со значением места довольно свободно употреблялись в функции бессвязочного сказуемого и, как правило, не могли быть связочным. В функции же определения эти слова вели себя как имена: сочетания, в которых слова рассматриваемой группы обозначают постоянный признак, не могли быть преобразованы в сочетание подлежащего и сказуемого. Сочетания существительного и слова со значением места, в котором существительное является определением к слову со значением места, в древнекитайском языке выступали⁴ главным образом в функции дополнения с предлогом или без него. Такие сочетания не

могли быть бессвязочным сказуемым. Слова со значением места в древнекитайском языке могли выступать в качестве определения к бессвязочному сказуемому. От существительных слова со значением места отличались тем, что не могли иметь перед собой определения, выраженного предикативом. Таким образом в древнекитайском языке слова со значением места представляли собой класс слов, промежуточный между именем и предикативом⁴.

К словам со значением места относятся 上 шан "вверху", 下 ся "внизу", 内 нэй "внутри", 外 вай "снаружи", 中 чжун "посередине", 間 цзянь "между", 前 цзянь "вперед", "перед", 後 хоу "сзади", "после", 先 сянь "перед", 北 бэй "север", 南 нань "юг" и т.д.

Эти слова указывают направление, место, положение, иногда - время. В языке III-V вв. слова со значением места употребляются как самостоятельно, так и в сочетании с существительным (или местоимением)⁵.

Размеры статьи не позволяют нам рассмотреть все функции слов со значением места, поэтому мы остановимся только на тех конструкциях, которые не зафиксированы в справочниках⁶ как употреблявшиеся в древнекитайском языке.

Так, употребляясь перед существительным в функции определения к этому существительному, слово со значением места может быть отделено от определяемого числительным (количественным или порядковым), а также начавшим употребляться в языке III-V вв. классификатором или числительным с классификатором.

下重屋	(I, 9a) ся чун у - помещение нижнего этажа.
下二重屋	(I, 9a) ся эр чун у - помещение двух нижних этажей.
下第一屋	(I, 9a) ся ди и у - первый из (двух) нижних этажей.

Слова шан и ся, употребляясь как определение к имени, могли иногда иметь при себе определение, выраженное словом 最 цзуй "самый".

最上屋	(I, 8b) цзуй шан у - самое верхнее помещение.
最下重	(I, 9a) цзуй ся чун - самый нижний этаж.

Отдельные слова со значением места могли выступать как определение к другому определению, выраженному прилагательным (в

этой функции у нас реально встретилось слово шан).

最上妙因 (I, 25a) цзуй шан мяо инь - самое прекраснейшее основание.

Сочетание слова со значением места с существительным (или местоимением), употребленное как определение к другому существительному, в языке Ш-У вв. в отличие от древнекитайского, где такое определение, как правило, оформлялось частицей 之 чжи, никак не оформляется.

舍中財物 (I, 266) шэ-чжун цайу - вещи, находившиеся в доме.

鏡中人 (I, 21a) цзин-чжун хэнь - человек в зеркале.

Исключение составляет часто повторяющаяся фраза-штамп 世間之人 ши-цзянь-чжи хэнь - люди в мире. Очевидно, чжи здесь присутствует, чтобы охранить четырехсложную ритмическую организацию текста.

В исследуемом тексте можно встретить конструкцию, когда слово со значением места или сочетание существительного и слова со значением места употребляются с предлогом 於 ий, как и в древнекитайском языке.

著於腳上 (I, 76) чжао ий цзяо-шан - надел на ноги.

Эта же конструкция употребляется и с новыми предлогами, например, 從 цун и 在 цай.

從中出 (I, 246) цун чжун чу - вытаскил изнутри.

在後來者復謂有鬼 (II, 96-10a) цай хоу лай-чжэ фу вэй в гуй. Шедший за ним снова принял его за дьявола.

Однако наряду с предложной конструкцией, функции которой ограничены /она не может быть определением к последующему существительному/, в языке Ш-У вв. употребляется та же конструкция без предлога. Эта последняя может выступать в качестве определения к последующему существительному.

地中一切伏藏 (I, 216) ди-чжун иче фуцзан - все сокровища, скрытые в земле.

塚間樹下修四墓止 (I, 216) чжун-цзянь шу-ся ся сы и чжи - среди могильных холмов, под деревом он

предпринимает четыре попытки покончить [с нечистым существованием/].

Слово со значением времени хоу могло сочетаться с существительным, обозначающим время и имеющим при себе числительное; такое сочетание мы переводим на русский язык "через [такое-то] время".

後七日間..... (I, 96) хоу цз хн зэнь... - через семь дней слышали...

後一月..... 設會 (I, 46) хоу и ве... из хуй - через месяц... он устроил пир.

В древнекитайском такой конструкции не существовало.

Рассмотрев некоторые особенности употребления слов со значением места в основном на материале сутры Бай ий цзэи, можно сделать следующие выводы.

I. Между употреблением слов рассматриваемого класса в древнекитайском языке и языке Ш-У вв. имеется некоторые различия. Так, с одной стороны, в языке Ш-У вв. слова со значением места, будучи употреблены как определение к существительному, стоят не обязательно непосредственно перед этим существительным, а могут быть отделены от него другими словами. Наряду с конструкцией, где слово со значением места или сочетание существительного и слова со значением места употребляется с предлогом, в языке Ш-У вв. широко распространена беспредложная конструкция. Особое употребление, о котором было сказано выше, становится возможным в этот период для отдельных слов со значением места (шан, ся, хоу). С другой стороны, обычная в древнекитайском языке функция бессвязочного сказуемого для слов со значением места в рассматриваемый период встречается крайне редко.

Тем не менее, при всех отмеченных различиях в употреблении слов рассматриваемого класса в древнекитайском языке и языке Ш-У вв. характеристики слов со значением места в языке Ш-У вв. не претерпели таких превращений, чтобы можно было внести в характеристику этого класса слов в целом какие-нибудь коренные изменения. Слова, составляющие этот класс, в рассматриваемый период обрели просто некоторые дополнительные характеристики. Так, например, сочетаемость со словом цзуй "самый" - это еще один признак, характерный для предикатива. В то же время слова со

значением места в языке III—V вв., как и в древнекитайском, не могли быть связочным сказуемым, а их функция бессвязочного сказуемого по-прежнему не связана с определительной функцией отношения "взаимной обратимости".

2. Картина, которую мы получили, наблюдая употребление и значение интересующей нас группы слов по тексту Бай юй цзин, не отличается (кроме отдельных деталей, зависящих от стилистики памятника) от того, что дали нам тексты других памятников, относящихся к III—V вв., что подробно рассмотрено и изложено в нашей работе "Очерк грамматики китайского языка III—V вв."

1) Далее сокращенно: "слова со значением места".

2) Бай юй цзин (百喻經), перевод выполнен в 492 году, переводчик Гунавридхи; цитируется по изданию "Цзин лин кэ цзин чу" (1914); указывается цзвань (I, II), страница (арабская цифра) и сторона (а, б).

3) Работа сдана в печать.

4) Характеристики древнекитайского языка заимствованы из работ С.Е. Мхонтова "Древнекитайский язык", М., 1965 и "Части речи в древнекитайском языке", — Вестник ЛГУ, № 14, серия ИЯЛ, вып. 3, л., 1960, стр. 113—124.

5) Имеется в виду постпозитивное употребление слов со значением места при существительных или местоимениях, то есть конструкции, где существительное (или местоимение) является определением к слову со значением места.

6) 劉淇, 助字辨略, 上海, 1940 (Лю Ци, Краткий словарь служебных слов); 呂叔湘, 文言虛字, 北京, 1954 (Люй Шу-сян, Служебные слова взынья); 楊樹達, 詞詮, 北京, 1956 (Ян Шу-да, Толкование слов).

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ЧЛЕНА В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Обычная структура связочного сказуемого – связка плюс предикативный член, выраженный именем существительным. Необходимость связки для предикатива (в неэллиптических предложениях) может даже служить в бирманском языке одним из дифференциальных признаков имени в отличие от глагола. Однако, как это типично и для многих других случаев, данный признак сохраняет релевантность лишь для основных форм в основных функциях. Иначе говоря, для многих форм имеет место – взамен максимальной дифференциации – различие по некоторому минимуму признаков. В частности, для ряда случаев наблюдается частичное совпадение признаков имени и глагола, которое идет по линии приобретения определенными глагольными формами некоторых именных свойств. Очевидно, такие формы глагола уместно считать именными.

Установление дихотомии "именные/неименные формы" применительно к бирманскому глаголу – вопрос в значительной степени условный. Теми или иными именными свойствами обладает большинство глагольных форм – однако в различной степени. Соответствующие глагольные формы можно ранжировать по степени выраженности у них именных свойств. И наоборот: именные признаки можно ранжировать по их способности распространяться на слова (формы слова) иной категориальной принадлежности.

В этом смысле признак, заключающийся в способности функционировать в качестве предикативного члена, окажется для имени одним из самых слабых: в роли предикативного члена в бирманском языке могут выступать весьма многие глагольные формы. Результатом является образование целого ряда типов связочного сказуемого, чьи структурные и семантические свойства определяются характеристиками компонентов – именной формы глагола и связки.

Выделяются следующие основные типы связочного сказуемого с предикативным членом, выраженным глагольной формой.

Глагольная форма на -лэй⁴ (реже -ка²) плюс связка ш^I (реже нэй²). Данный тип связочного сказуемого обладает особой семантикой, которую можно описать как "нахождение в дрящем состоянии" (наблюдается определенная аналогия с русскими просторечными кон-

струкциями с деепричастием типа "Он уставши", "Он выпивши"). Пример: каба²чи³ти²вин²поу³по²хма²лэ²лиэ⁴ни¹ти² "Земля вращается вокруг /своей/ оси". В некоторых случаях связка сказуемого может опускаться.

Глагольная форма на -пий³ плюс связка пхий⁴. Семантика этого сказуемого в известной степени противопоставлена семантике сказуемого предыдущего типа: данный тип сказуемого передает завершенность, конец действия (в том числе "конец начала"). Пример: и²пйа⁴тана²коу²пхий²вин³пий³пхий⁴ти² "Эту проблему уже решили". Связка нередко может опускаться.

Глагольная форма на -йан² (разг. -пхоу¹) плюс связка ни¹ (или пхий⁴ - для письменного языка). Этот тип сказуемого передает модальное значение долженствования (реже возможности). Пример: у³мий¹маун²ка¹мйи³ма¹коу²тайа³свэ³пий³ква²лай⁴пхоу¹бэ³ни¹тэ² "У Мьи Маун должен подать на жену в суд и развестись с ней!"

Глагольная форма на -аун² плюс связка пхий⁴. Данный тип сказуемого передает значение результативности, например: ту²ха²маса³най²ма эй⁴най²аун²пхий⁴ла²тэ² "(Дело дошло до того, что в итоге) он не мог ни есть, ни спать".

Отрицательная форма глагола плюс связка пхий⁴, например: ма ча³ма ма²пхий⁴тва³тэ² "Заболел" (букв: "стал нездоровым").

Удвоенная форма глагола плюс связка пхий⁴ (преимущественно письменный язык) или ни¹, например: ту²ха²чи⁴чи⁴ли⁴ли⁴ни¹нэй³тэ² "Он еще (очень) крепкий".

Глагольная форма на а- плюс связка пхий⁴, например: тхоу²ачхэ⁴алэ⁴коу²а³лоун²ка¹ати¹пхий⁴ти² "Этот факт все знает". Разновидностью этого типа является подтип с образованием суперлатива от а- формы при помощи -скоун³. Например; чано²ти²ати¹скоун³пхий⁴ти² "Я лучше всех знаю (это)". Связка в сказуемом этого типа часто опускается.

Последние из перечисленных типов не обладают, как можно видеть, какими-либо семантическими особенностями - они являются структурными вариациями связочного сказуемого.

Совершенно особое место занимает связочное сказуемое, состоящее из глагольной формы на а- плюс связка кхан². Это сказуемое передает значение пассивности - т.е. подлежащее предложения с таким сказуемым соответствует не субъекту, но объекту ситуации, обозначенной глагольной формой на а-. Например: ту²ти²айа⁴кхан²йа¹ти² "Он был избит". Глагольная форма на а- в сказуемом такого

типа в высокой степени обладает именными свойствами, в частности, может иметь при себе определение именного типа. Однако в то же время эта форма может управлять прямым дополнением, например: ту² ти² гаун³ коу² асхэ³ кхан² йа¹ ти² "Он был схвачен за голову". Вместо а-формы в сказуемом этого типа может выступать и нейтральная форма глагола, совпадающая с глагольным корнем.

К.Б.Кеппинг

ТАНСКИЙ И СУНСКИЙ "ЛЕС КАТЕГОРИЙ"

I. Китайская энциклопедия "Лес категорий" 類聚林 (далее ЛК) в настоящее время утеряна, и фрагменты ее сохранились только в материалах из Дуньхуана и Хара-Хото. Розыском сохранившихся фрагментов ЛК и их исследованием занимается известный японский ученый Кавагути Хисао 川口久太夫. За короткое время на эту тему им опубликовано несколько статей¹. В них Кавагути Хисао доказывает, что ЛК являлся источником сюжетов не только для китайской простонародной литературы, но также и для японской литературы на китайском языке, что такие произведения японской литературы, как "Маньесю", "Гэндзи моногатари", "Кондзяку моногатари", "То моногатари" черпали сюжеты и образы из ЛК.

В настоящее время нам известны следующие сохранившиеся фрагменты ЛК на китайском языке: I/ коллекция Пельо, инв. № P2635 (далее P2635) цзвани 9, частично 8 и 10, разделы с 32 по 38, датировка? (не позже 10 в. н.э.), хранится в Национальной библиотеке Парижа²; 2/ дуньхуанская коллекция в Ленинграде, инв. № № Дх-960 и Дх-6116 (далее Дх-960, Дх-6116), цзвань?, разделы 24 (окончание), 25 (начало), датировка 6-7 вв., хранится в ЛО ИВ³.

В Ленинграде хранится тангутский перевод ЛК⁴ (далее ТПЛК), состоящий из 10 цзваней, сохранились только цзвани с 3 по 10, разделы с 10 по 50, датируется концом 12 века. Таким образом, ТПЛК является, по-видимому, единственным источником, позволяющим почти полностью восстановить китайский текст ЛК.

Известно⁵, что существовало два произведения, называвшихся ЛК, частями которых могут быть P2635, Дх-6116 и ТПЛК. Это: I/ ЛК, автор 裴子野, три цзвани, зафиксирован в библиографическом разделе истории династии Тан - далее ЛК № I; 2/ ЛК, автор 于立政

Ю цзянань, зафиксирован в библиографических разделах истории династии Тан и истории династии Сун - далее ЛК № 2.

В данном сообщении нас будут интересовать, во-первых, является ли ТПЛК тем же произведением ЛК, что и P2635, Дх-960, Дх-6116, и, во-вторых, какому произведению ЛК - № 1 или № 2 - соответствуют сохранившиеся китайские фрагменты ЛК и ТПЛК.

П. P2635 по мнению Кавагути Хисао является фрагментом ЛК № 2⁶. Мы считаем, что ТПЛК также сделан с ЛК № 2⁷. Однако прежде, чем делать вывод, сравним P2635 с ТПЛК.

Первый сохранившийся раздел в P2635 - это 32 раздел, озаглавленный 能書 "Искусные каллиграфы"⁸. Соответствующий раздел в ТПЛК 及能書 *ria' ndze*² "Искусные каллиграфы" имеет порядковый номер 41, однако этот 41 раздел, как и 32 раздел в P2635, находится в 8 цзяни ТПЛК. Приводим состав (список имен героев рассказов) раздела "Искусные каллиграфы" в P2635 и в ТПЛК:

P2635, 8 цзянь, 32 раздел	ТПЛК, 8 цзянь, 41 раздел	杜度	см. кит. №
1 去鳥	1 房 趙	杜度	5
2 史蘇	2 蘇 蔣	杜 邈	?
3 李斯	3 舒 燕	張 芝	4
4 張芝	4 蔣 蔣	張 芝	8
5 杜度	5 胡 燕	曹 詵	9
6 崔寔	6 魏 蔣 湖	師 宜 官	10
7 梁鵠	7 薛 尹 敬	蒼 頡	?
8 蔡邕	8 蔡 蔡	崔 寔	6
9 曹詵	9 胡 蔡	梁 鵠	7
10 師宜官	10 房 蔣	鍾 繇	11
11 鍾繇	11 蔡 詵	胡 昭	12
12 胡昭	12 蔣 蔡	王 羲 之	13
13 王羲之	13 蔣 尹 敬	羊 欣	14
14 羊欣	14 蔣 蔣	蔣 詵	?
15 長安	15 蔣 妙	李	3
16 索靜	16 -		-

Как видим, в P2635 и в ТПЛК не совпадает нумерация разделов. Кроме того, существует различие и в составе самих разделов. Учитывая возможное отсутствие некоторых историй в P2635, обратимся только к составу раздела в ТПЛК. Здесь не хватает историй о 去鳥 長安 и 索靜.

Следующий раздел в P2635 - 33 раздел (9 цзянь) 善射

"Умелые стрелки на лука", Ему соответствует 42 раздел в ТПЛК
 箭 射 $khá^1 ric^1$ "Умелые стрелки из лука", так же, как в P2635,
 открывающий 9 цзвань:

P2635, 9 цзвань, 33 раздел	ТПЛК, 9 цзвань, 42 раздел
1 羿	1 羿 羿 甘 妮 см.кит.№ 2
2 甘 妮	2 庭 羿 庭 衛 "
3 庭 衛	3 庭 羿 庭 衛 (姜 叔) "
4 姜 由 基 (姜 叔)	4 庭 羿 庭 衛 (姜 叔) "
5 姜 由 基	5 庭 羿 庭 衛 "
6 姜 康	6 庭 羿 庭 衛 "
7 王 濟	7 庭 羿 庭 衛 "
8 魏 舒	8 庭 羿 庭 衛 ? "

Из приведенных списков видно, что в P2635 нехватает истории
 о 庭 羿 $then^1 ? - ?^9$. А в ТПЛК нет истории о 魏 舒 ;
 姜 由 基 в ТПЛК именуется 姜 叔 . Различен и порядок нало-
 жения историй.

Подобные расхождения (нумерация разделов, порядок наложения,
 наличие (отсутствие) историй в одном из произведений) между
 P2635 и ТПЛК мы видим и при сравнении других, сохранившихся в
 P2635, разделов. Однако эти различия - только внутри цзваней.
 Состав цзваней, т.е. названия разделов, входящих в ту или иную
 цзвань, совпадает.

Таким образом, P2635 и ТПЛК являются различными произведе-
 ниями. Возможно, что P2635 является более ранним ЛК, имевшим
 хождение при дин. Тан и зарегистрированным в ивэньчжи дин. Тан.
 Тогда как ТПЛК, вероятно, сделан с более позднего произведения
 ЛК, расширенного и дополненного в пределах тех же 10 цзваней,
 что и танский ЛК, но бывшего в наличии уже в дин.Сун и зареги-
 стрированного в ивэньчжи дин. Сун.

Следовательно, можно предположить, что существовало два
 произведения, называющихся ЛК, состоящих из 10 цзваней, автор-
 ство которых приписывалось 于 立 政: 10

I. Ранний ЛК, фрагментом которого является P2635, условно
 назовем его "танский ЛК № 2";

2. Поздний ЛК, с которого сделан ТПЛК, условно назовем его
 "сунский ЛК № 2".

III. При сравнении Дх-6116 с ТПЛК выясняется следующее. В
 Дх-960, Дх-6117 сохранился раздел 報 恩 "Воздаяние за милость"

под порядковым номером 25. В ТПЛК 25 раздел имеет другое название, но 35 раздел в 7 цзяни также называется 乾元 2² 2² "Воздаяние за милость". В 25 раздел Дх-960, Дх-6116 входят 9 историй: 孟軻, 魏顆, 伍子胥, 韓信, 程母, 楊寶, 孫桂, 陽公 и 毛寶. В 35 раздел ТПЛК входят следующие 16 историй: 程頤, 孟軻, 魏顆, 程頤, 魏顆, 魏顆. Таким образом, все дуньхуанские рассказы, за исключением одного - о 韓信 - вошли в 35 раздел ТПЛК. Причем сохраняется их порядок. Три истории о 田真, 曹娥, 荀倫, которые в Дх-960, Дх-6116 предшествуют 25 разделу, т.е., вероятно, находятся в 24 разделе, обнаружены нами в 34 разделе ТПЛК (7 цзянь), который называется 姦穢 men² sia¹ "Явление чудесного". В этом разделе 14 историй, причем пятой от начала является история о 田真, десятой - о 曹娥, одиннадцатой - о 荀倫. В отличие от Дх-960, Дх-6116, эти истории не идут одна за другой и не завершают соответствующий раздел. Из-за недостатка места мы не имеем возможности привести параллельные переводы из Дх-960, Дх-6116 и ТПЛК, однако можем сказать, что перед нами две совершенно разные версии смерти Шу - брата Сянь Луна; по-разному излагается и история, связанная с Лин Чжэ и Чжао Лунем.

Кроме того, между Дх-960, Дх-6116 и ТПЛК сохраняются все те различия, которые были отмечены нами при сопоставлении P2635 с ТПЛК (нумерация разделов, порядок изложения историй, наличие (отсутствие) тех или иных историй). К сожалению, в Дх-960, Дх-6116 не сохранилось указание на цзяни.

Как нам представляется, Дх-960, Дх-6116 не являются частью ЛК № I (автор 袁子野, три цзяни). Скорее всего Дх-960, Дх-6116 и P2635 являются частями одного и того же произведения, как мы его назвали "танского ЛК № 2", так как 1/ разница в нумерации соответствующих разделов между Дх-960, Дх-6116 и ТПЛК, с одной стороны, и P2635 и ТПЛК, с другой стороны, примерно одна и та же: в первом случае - 25-35 (報恩), во втором случае - 32-41 (報善); 2/ место обнаружения P2635 и Дх-960, Дх-6116 - одно и то же - Дуньхуан.

IV. Таким образом, проведенное исследование позволяет пред-

положить, что I/ известные в настоящее время фрагменты ЛК на китайском языке и ТПЛК являются частью произведения ЛК № 2 (автор 于立政, 10 цзаваней), 2/ китайские фрагменты P2635, Дх-960, Дх-6II6 являются частью одного и того же произведения - танского ЛК № 2, а ТПЛК сделан с более позднего произведения - сунского ЛК № 2.

Примечания:

1. 川口久雄: а) ソウゴトトある敦煌資料(日本文学との關係) — 岩波書店 文学, vol. 38, no. 12, December 1970 б) 敦煌本類林乙乙か國の文学 — 日本中國學會報, 第二十二, October 1970; в) 敦煌本類林系類書乙日本文学 — 金沢大学法文学部論集, 文学卷 18, 1970; г) 唐の類林の全容, 西夏語と夏身在り — 朝日, 1971, 10月 29日.

2. Сведения о P2635 взяты нами из статьи Кавагути-Хисао см. примечание № I, б, стр. 52.

3. Дх-960, Дх-6II6 опубликованы Л.Н.Меньшиковым, см.: Л.Н.Меньшиков. Фрагмент неизвестной лэйшу из Дуньхуана. КСИНА, № 59, М., 1965, стр. 76. Принадлежность фрагментов к ЛК установил Кавагути Хисао - см. примечание № I, в, стр. 3.

4. К.Б.Кеплинг. Тангутский перевод утраченной китайской лэйшу. - УП годичная научная конференция ЛО ИВ АН (краткие сообщения), М., 1971, стр. 16.

5. Там же.

6. См. примечание № I, б, стр. 55.

7. К.Б.Кеплинг. Тангутский перевод утраченной китайской лэйшу, стр. 17.

8. Кавагути Хисао пишет, что в P2635 отсутствует начало этого раздела; он предполагает, что нехватает историй о 蒼頡, 史籀 и других (см. примечание, № I, б, стр. 62).

9. Имя нами не отождествлено.

10. Вероятно и другое предположение: текст, послуживший оригиналом для ТПЛК, принадлежит не 于立政, а другому автору, неизвестному нам (ведь в ТПЛК не сохранилось указания на автора). Это значит, что существовал ЛК, не вошедший в китайские ивэньчжи.

ОБ АЛФАВИТЕ ЕЗИДСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ КНИГ

Говоря об оригинальности религии езидов и отмечая некоторые ее черты, Ч. Лоукотка в своей книге "Развитие письма", о религиозных книгах езидов и их письме пишет: "Большой неожиданностью явились открытие и публикация священных книг езидов, копии которых добыл некий католический священник арабского происхождения. Книги эти две: одна написана на арабском языке и арабским письмом, другая, что весьма поразило всех, никому неизвестными, якобы тайными, письменами, которые впоследствии дешифровал Битнер. Язык этого памятника - местный курдский диалект". Далее он пишет, что езидский алфавит этого памятника "содержит 33 буквы, по большей части производные от несторианского алфавита. Однако имеется и несколько собственных знаков типичных для курдского наречия данной рукописи, очевидно добавленных уже езидскими священниками".

Утверждение Ч. Лоукотки о происхождении езидского алфавита от несторианского алфавита нам кажется необоснованным. Напротив, есть основание говорить о некоторой общности езидского алфавита с арабским.

Общность между арабским и езидским алфавитами обнаруживается в первую очередь не в совпадении начертания букв, а в принципе составления самого алфавита.

Прежде всего в езидском и арабском алфавитах одинаково обозначается долгий гласный "а". Одно и то же написание используется для среднеязычного "а". В езидском алфавите имеется, видимо, под влиянием арабского алфавита, четыре знака (P, <, X, H) для обозначения целевого переднего зубозубного "z" (они соответствуют арабским ج , ز , ض и ظ).

В езидском алфавите нет графического различия, так же как и в арабско-персидском, между придыхательными k' , p' и непридыхательными k , p фонемами. В нем фонемы k , k' обозначаются графемой ξ , а фонемы p , p' - графемой \backslash . Фонемы t , t' в езидском алфавите обозначаются то графемой \perp , то графемой γ . В езидском алфавите краткие гласные e , i в середине слова не обозначаются - так же, как в арабском. Общность между арабским и езидским письмом обнаруживается так же в порядке написания тек-

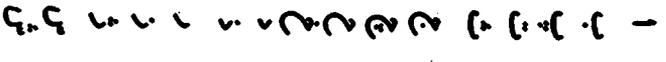
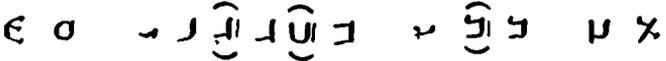
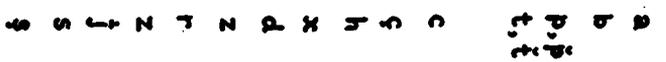
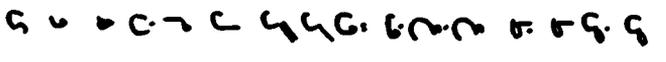
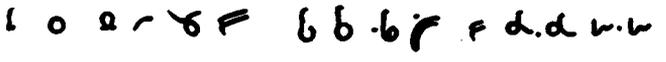
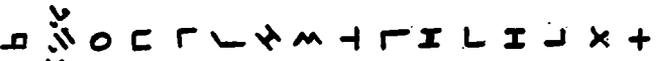
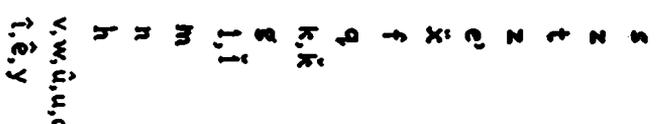
ста и чтения его, т.е. справа налево. При передаче курдского текста арабским алфавитом три буквы служат для обозначения нескольких гласных фонем. В езидском алфавите мы имеем то же самое. В них принцип и система обозначения соответствующих гласных почти одинаковы. Так, например, буква | в езидском алфавите обозначает долгую гласную "а" в любых позициях. Она графически совпадает с арабским алефом ا. В арабском алфавите буквой 9 обозначаются две гласные фонемы (о, и) и две согласные фонемы (ч, в). В езидском алфавите буквой > обозначаются гласные фонемы (о, и, û) и согласные фонемы (ч, в). Полная аналогия наблюдается и в обозначении фонем "î", "ê", "у". В арабском алфавите они обозначаются графемой ل, в езидском алфавите - графемой Ч, иначе говоря, в том и другом алфавите одним знаком обозначаются различные фонемы. Вместе с тем езидский алфавит в целом отличается от арабского. Отличие это состоит в графическом начертании подавляющего большинства букв. В этом отношении он выступает как самостоятельный и самобытный алфавит. Он достаточно ярко отличается и от несторианского (сирийского) и от еврейского алфавитов. Прежде всего отличие его от этих алфавитов обнаруживается в отсутствии надбуквенных и подбуквенных знаков. В езидском алфавите графическое обозначение фонем значительно отличается от графического изображения соответствующих звуков сопоставляемых алфавитов. В отличие от этих алфавитов езидский алфавит имеет следующие особенности. По начертанию его графемы состоят преимущественно из прямых линий и углов в различных положениях и комбинациях. Внешне это письмо создает впечатление письма как бы "квадратного". Недостаток графических знаков для изображения фонем курдского языка компенсируется изменением положения одного и того же графического знака. Например, графема П в езидском алфавите обозначает "г" (русское твердое и мягкое "р"), в перевернутом положении Ц обозначает "р". Графема Г в нем обозначает фонему "т", в положении J обозначает "е", в положении L - фонему "м". Графема Ш в нем обозначает фонему "з", в перевернутом положении П обозначает фонему "з" и т.д. и т.п.

Такая особенность езидского алфавита говорит о том, что он мог быть составлен основателем езидской религиозной догмы Шейхом Ади, который, по историческим сведениям, имел прекрасное арабское

образование, хорошо знал различные виды письма, и который был автором не только езидских религиозных книг, но автором ряда богословских книг на арабском языке (R. Leveau, *Enquête sur yezidisme*, Beirut, 1938). Изобретение езидского алфавита для фиксации езидских религиозных текстов, отражающих древние верования курдов, их представление о сотворении мира, их этические и религиозные нормы поведения, вероятно, преследовало цель сохранить езидизм как самостоятельную религию, отличающуюся от мусульманской религии, которая силой оружия завоевателей распространялась и насаждалась среди покоренных народов Ближнего и Среднего Востока с начала арабского завоевания. В силу кастовой организации езидского духовенства, религиозной замкнутости езидов, а также в силу постоянного их преследования изобретенный алфавит езидских религиозных книг не стал светским письмом и продолжал быть достоянием узкого круга привилегированного езидского духовенства.

Сравнительная таблица алфавитов

(В скобках даны знаки еврейского алфавита, применяемые при транслитерировании арабского текста).

	Арабский (применительно к курдск.яз.)
	Еврейский
	Сирийский
	езидский (Курдский)
	Латинско-Курдский
	Арабский
	Еврейский
	Сирийский
	езидский (Курдский)
	Латинско-Курдский

ФУНКЦИЯ ГЛАГОЛА " **گريان** " ("geḡyan") В ТЕКСТАХ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУРДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СЕВЕРНОМ ДИАЛЕКТЕ
(КУРМАНДЖИ)

В текстах памятников средневековой курдской литературы на северном диалекте - (Селим Слеман - "Юсуф и Зелиха" - XVI в., Ахмед Хани - "Мам и Зин" - XVII в., Харис Битлиси - "Лейли и Меджнун" - XVIII в.) часто встречается глагольная форма **گريا** (geḡya)¹ в значении вспомогательного глагола "становиться, делаться" (перс. "کردید") в составе сложно-именных глаголов.

Исследователям, занимавшимся вопросами курдской грамматики (на материалах северного диалекта), известно лишь одно значение глагола " **گريان** " - "geḡyan" (или " **گرين** " - "geḡin") - "ходить, бродить, гулять, искать"². Именно в этом значении глагол " **گريان**, **گرين** " ("geḡyan, geḡin") употребляется в северном диалекте (курманджи) современного курдского языка (срав. перс. "کردید").

Функцию вспомогательного глагола "становиться, делаться" в современном курдском языке (в северном диалекте) так же, как и в текстах более ранних, дошедших до нас, памятников (XIV-XV вв.) выполняет только глагол " **بون** " ("bûn").

Впервые с данной функцией глагола " **گريان** " ("geḡyan") мы встречаемся в литературных памятниках XVI-XVIII веков:

1. **فی الحال گریا ژ خواب بیدار**
Fi-l-hal geḡya ji xab bîdar

Сразу же пробудился он (стал пробудившимся) от сна

("Юсуф и Зелиха").

2. **هندی گریا ژ عشق بیمار**
Hindê geḡya ji 'işq bîmar Hindê geḡya qewwî giriftar

Он так занемог (стал больным) от любви,

Он так был охвачен (стал охваченным) /тоской/

("Юсуф и Зелиха").

3. **أما گریا محیر و مات**
Ema geḡya miheyyer û mat

Он стал изумленным и растерянным

("Юсуф и Зелиха").

4. واقف گریا بحال حاسد

Waqif geḡya bi halḡ hasid

Стал осведомленным завистник о /том/ деле. ("Мам и Эми")⁴.

5. اومه گریا هلال یکنب

Em meh geḡya hilalê yekzeb

Та луна стала ущербным месяцем ("Мам и Эми")⁵.

6. طاری گریا مه روهنیائی

Tarî geḡya me rûhnîyayî

Свет стал для нас тьмой ("Лейли и Меджнун")⁶.

Встречаются случаи употребления обоих глаголов - "گریان" ("geḡyan") и "بون" ("bûn") в пределах одного бейта:

مصری ژجی خوہ بونہ سالک عازم گریان گہانہ مالک

Misrî ji xihê xwe bûne salik 'azim geḡyan gihane malik

Жители Мысыра стали собираться /в путь/,

Отправившись /в дорогу/ (стали отправляющимися) и явились к малику.

Интересно отметить, что глагол "گریان" ("geḡyan") с данным значением встречается в цитируемых памятниках только в форме простого прошедшего времени⁷.

Во всех других временах и залогах употреблен глагол "بون" ("bûn"), который, однако, может встречаться и в простом прошедшем времени:

1. گویا کو زمین دیو مجلا

Gûya ku zemîn dibû micella

Земля словно бы стала озаренной блеском ("Юсуф и Зелиха").

2. بلکی بیتن ژ تہ جدایہ

Belk'ê bibitin ji te cidaye

Быть может, они окажутся разлученными с тобой

("Юсуф и Зелиха").

Уже к концу XVIII - началу XIX вв. форма эта, по-видимому, воспринималась, как архаизм. Так, в сокращенной версии поэмы Селима Слемана "Юсуф и Зелиха"⁸, переписчик стремился, по возможности, заменить форму "گریا" ("geḡya") более понятной, по-видимому, формой "بو" ("bû") или "بوہ" ("bûye). Так в рукописи поэмы Селима Слемана читаем:

وقتێ گریاژ خواب بیدار

Weqtî geṛya ji xab bîdar

В сокращенной версии (XVIII-XIX вв.):

وقتێ کو ژ خوی بویه هشیار

Weqta ku ji xewê bûye hîsyar

Наличие в текстах памятников средневековой курдской литературы глагольной формы "گریا", свидетельствующей об употреблении глагола "گریان" ("geṛyan") в функции вспомогательного глагола "становиться, делаться", можно, по-видимому, объяснить либо диалектным бытованием глагола "گریان" ("geṛyan") в данной функции и проникновением диалектных форм в литературный язык, либо влиянием классической персидской литературы, в которой соответствующий глагол "گردیدن" - ("gärdîdän") хорошо представлен, на современную ей курдскую.

1) В рукописях и не различается; таким образом, правильное чтение можно дать только исходя из контекста.

2) См. P. Horn, Grundriss der neupersischen Ethimologie, Strasbourg, 1893, s. 198; A. Justi, Kurdische Grammatik, S.-Pb. 1880, s. 233; S. A. Rhea, Brief Grammar and vocabulary of the Kurdish language of the Nakari district, Journal of the American Oriental Society, 1872, vol. X, No I, p. 128; A. Jaba, Dictionnaire Kurde-Français, S.-Pb. 1879, p. 361; Bedirkhan Kamuran Aali, Langue Kurde, Paris, 1953, t. II, p. 171; J. Blau, Dictionnaire Kurde, Bruxelles, 1965, p. 90; в словарях К. К. Курдоева (Курдско-русский словарь, Москва, 1960, стр. 273) и Ч. Х. Бакаева (Курдско-русский словарь, Москва, 1957, стр. 97) засвидетельствована только форма "geṛin".

3) Цитируется по рукописи поэмы Седима Слемана "Юсуф и Зейлиха" из коллекции А. Д. Жаба, хранящейся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), шифр - курд. 15; в настоящее время критический текст и перевод этого памятника готовится нами к изданию.

4) Цитируется по изданию: Ахмед Хани, "Мам и Зин", критический текст, перевод, примечания и предисловие М. Б. Руденко, Москва, Издательство Восточной литературы, 1962, стр. 149.

5) Там же, стр. 140.

6) Цитируется по изданию: Харис Битлиси, "Лейли и Меджнун", перевод, примечания и предисловие М.Б.Руденко, Москва, 1965, стр.

7) В говоре таджиков Вахио-Боло (дарвазско-ванджские говоры) наблюдается обратное явление: глагол "gardidan" в функции вспомогательного глагола "становиться, делаться" употребляется лишь в формах настоящего времени (*xurda pamegaga*); см. Н.А.Кисляков, Описание говора таджиков Вахио-Боло, сборн.Таджикистанской базы АН СССР, т.Ш, лингвистика, Москва-Ленинград, 1935, стр.35; А.З.Розенфельд, Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка, автореферат диссертации, Ленинград, 1966, стр.35.

8) Цитированная коллекция А.Д.Жаба в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина, шифры-курд.16 и курд.17. А.Д.Жаба неверно приписывал сочинение этой версии Харису Битлиси. Нами установлено, что это - сокращенная версия поэмы Селима Слемана, автором которой, судя по данным текста, был либо малоизвестный второстепенный поэт, либо грамотный переписчик (XVIII-XIX вв.).

Л. П. Смирнова

ИСФАГАНСКИЙ ГОВОР И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ДИАЛЕКТАМ ПОЛОСЫ г.ИСФАГАНА

В иранской диалектологии хорошо известна группа диалектов центрального Ирана, условно называемых диалектами полосы города Исфaghана. Это - наречия трех селений вблизи Исфaghана: Седе, Газ, Кафран¹, представляющие собой, по существу, самостоятельные языки.

Известен также еврейско-персидский диалект Исфaghана², который исследователи обычно выделяют вместе с седеи, газа и кафрани в одну группу в виду близости их грамматической структуры (Фараваши).

Язык, на котором говорит подавляющее большинство мусульманского населения г.Исфaghана³, предметом специального изучения не был. Отдельные языковые наблюдения имеются лишь в работах Ю.Н. Марра "Садек Молла Реджеб"⁴ и "Добавления к статье "Тегеранские

литературные впечатления⁵ и в его неопубликованных дневниковых записях, сделанных во время научной командировки в Иран в 1925 и 1926 гг.⁶.

Марр считал возможным сближать мусульманско-персидский Исфагана (далее исфаганский) с вышеупомянутыми диалектами: "испаганский тоже и городской один из диалектов вроде тех, что описаны у В.А. Жуковского" ("Добавления", стр.57). Однако, поскольку это положение Марра не было подтверждено конкретными материалами, вопрос об отношении исфаганского к диалектам полосы Исфагана, в том числе к еврейско-персидскому остается недостаточно ясным.

Ниже делается попытка дать краткую характеристику некоторых фонетических явлений и грамматических особенностей исфаганского просторечья сравнительно с диалектами полосы Исфагана. Материалом по языку мусульманского населения Исфагана служили записи, сделанные автором в Исфагане в 1969 г. с помощью исфаганцев - учащихся Строительного учебного центра, а также фольклорные материалы, опубликованные в журнале "Пейгаме новин"⁷.

В области ф о н е т и к и в диалектах полосы Исфагана согласные получили иное, нежели в исфаганском, развитие. Примером может служить начальное v: 1) v не перешло в b (veše, исф. beše "ребенок", vehter, евр.-перс. veuter, исф. behter "лучше" и др.), в исфаганском начальное v отмечается только в глагольных приставках var-, vā-; 2) v не перешло в g: vaštan (е.-п. vezaštan) "проходить", vātan "говорить"; сохранение z (не перешло в ǰ): zumā/zemā (е.п. zumāz), исф. dumā "зять", в е.п. тж. хезā "бог", bezār "брат", māzo "мать"; сохранение глухого t в др.-ир. группе xt: bart/bert о.пр.вр. глагола "нести", хит (е.-п. хит) о.пр.вр. глагола "есть" и др., в исфаганском - только в слове ārt "мука"; ǰ в е.-п., ž в диалектах = z в исфаганском: е.-п. žan, с., г. žen, исф. zen "женщина" и др.

i < u, отмечаемое в исфаганском в слове peni "колыбель", в е.-п. закономерно распространяется на все слова (pil "деньги", zid "быстро", pir "сын" и т.д.); падение начального h, отмечаемое в исфаганском в ряде слов (zār -hezār денежная единица, am -ham "тоже"), составляет специфику е.-п. (ar "всякий", ālā "теперь", amšāya "сосед", anā "хна"); в вокализме отметим также соответствие исфаганскому o в диалектах п.И. гласного e (исф. zobā, с. и е.-п. zebā "завтра", исф. bolan, е.-п. beland, г. belan,

с., к. belend "высокий", исф. хоб, с., г. хоб, е.-п. хав "хороший"), гласному o - гласного i (исф. айб, е.-п. вов с., г., к. вов "яблоко").

Примеры оглушения d, z в интервокальной позиции в исфаганском (хобāfesi, "прощание", qāseti "по делу") не находят аналогии в диалектах полосы Исфагана.

Оглушение согласных b, d в исфаганском в позиции перед или после глухого (zaf < zabt "отнимание", uxte как вариант uxde < uxorde "немного" противостоит озвончению согласных p, t после глухих в е.-п. (daxaxd "дерево", vaxd "время", o'axog "зверлид", Baxoan "Исфаган", e'vex "белый"). Последнее явление в е.-п., однако находит параллель в озвончении согласного k в исфаганском в позиции после глухого (she'gi "черный", a'gube "этаж").

Общим, в частных моментах, для исфаганского и диалектов п.И. является отражение литературного a в определенных позициях как ā (āsh "дядя", bānār "весна"), u (jūvāb "ответ", suvār "верхом") или i (zimin "земля", pinir "сыр"), лит. o как ā (исф. kālā "шапка", е.-п. fāz "брань") или i (исф. xarbizе, е.-п. arbize, г. ibize "дныя"), отсутствие вставного y при стечении двух гласных (исф. miā "волосы", е.-п. giā "дни") или употребление в качестве вставного согласного y (исф. migu'am/migucham "я говорю", е.-п. guchā "дни"), чередование r/l (исф. difal, е.-п. divāl "стена", исф. enjil, е.-п. anjil "инжир"), тенденция к стяжению и упрощению слов с выпадением отдельных согласных или целых слогов, упрощение групп согласных xt и zd с падением согласного t/d или его ассимиляцией (dax "друг", uszā "мастер"), озвончение согласных s, z в поствокальной позиции, предшествующий согласный - звонкий (исф. wegez, г. magaz "муха").

В м о р ф о л о г и и имен сколь-нибудь значительных различий между исфаганским и диалектами полосы Исфагана нет.

Имя существительное имеет две формы - форму единственного и форму множественного числа. Показателем формы мн.ч. является -ā: vešā (в диалектах vešā) "дети", šešā "глаза".

Падежные отношения выражаются посредством служебных элементов (предлоги, послелоги). Показателем прямого объекта при переходных глаголах служит -ā: исф. dax-ā vā kun "открой дверь", е.-п. meliā dāxim "мы имеем кошку". Варианты послелога -u/-gu в исфаганском могут быть объяснены влиянием общеразговорного

языка, в диалектах и в е.-п. после имен с исходом на гласный употребляется также $-gā$. В составе предлогов имеются некоторые отличия. В качестве примера упомяну предлог $bā$ "с" в исфаганском и ходе в е.-п. (с. $χo$) "с".

Изафетным показателем в исфаганском, так же как и в диалектах полосы Исфагана является $-ī$, в е.-п. $-ē$.

Некоторые расхождения наблюдаются в личных местоимениях и местоименных энклитиках (в скобках приводится соответствующая форма местоимения в диалектах п.И.): I ед.ч. man (е.-п. man , с., г., к. mi), I мн.ч. $mā/mābā$ (д.п.И. $mā$), 2 мн.ч. $šimā$ (е.-п. $šimā$, с. $šomā$ по Фарахани и $šimā$ по Хуковскому, г. $šimā$). Полная форма местоименных энклитик: $-am$ ($-om$), $-ed$ ($-od$), $-ē$ (е.-п. $-oē$, к. $-uē$ г. $-oē$, с. $-u$) в ед.ч. и $-emim$ ($-omim$), $-edim$ ($-odim$) во мн.ч. Помимо атрибутивной и объектной функций, характерных для исфаганского, в диалектах полосы Исфагана местоименные энклитики участвуют в образовании форм прошедшего времени переходных глаголов (см. ниже).

Существенное различие между исфаганским и диалектами полосы Исфагана наблюдается в системе г л а г о л а.

Глагольная система в исфаганском в современном ее состоянии близка к таковой в общеразговорном, и в конечном счете, в литературном персидском языке. Все временные формы образуются от основ наст. или прош. времени путем прибавления к ним личных окончаний и характерных для них префиксов. Особенности исфаганского глагола касаются главным образом фонетической стороны (тип сокращения при образовании основы и соответственно личных временных форм) и личных окончаний: окончание 3 ед.ч. имеет форму $-ed$, 2 мн.ч. $-ind$, 3 мн.ч. $-and$ (без отпадения d): $mimed$ "приходил", $bigirind$ "берите", $mixim$ "мы хотим" и т.д.

В диалектах полосы Исфагана одни глаголы (напр., $fergan$ "посылать", gat "становиться") имеют только основу наст. времени, от которой они и образуют все временные формы путем прибавления к ней личных окончаний, отличающихся от таковых в исфаганском. Другие глаголы (их подавляющее большинство) имеют основы наст. и прош. времени, образуемые самыми разными способами. Переходные глаголы при образовании форм прош. времени сохраняют пассивную конструкцию. В качестве личных показателей в ней используются энклитические местоимения, вставляемые между приставкой и гла-

гольной основой или же прибавляемые к концу основы. К этому еще следует добавить наличие или отсутствие тематических гласных и префиксов. Приведу примеры: с. ши *ker-ān-e* (е.-п. *ker-un-e*) "я делаю", *be-m-kat* (е.-п. *be-m-k'ārt*) "я сделал", *āte-m-e* (е.-п. *ārte-me*) "я приносил" и т.д.

Сравнение отдельных языковых фактов исфаганского и диалектов полосы Исфагана показывает неправомерность их отнесения к одной группе. Язык, на котором говорит сегодня мусульманское население Исфагана, является разновидностью персидского разговорного языка и может быть определен как персидский говор. С диалектами полосы Исфагана его сближают некоторые общие черты в области фонетики, морфологии имен и лексики. В то же время в фонетике и в глагольной системе заключено принципиальное различие между ними.

1) В.А.Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий. Часть вторая. Выпуск первый. Тексты. Словарь*, Петроград, 1922; *Vahrāme Faravāši, Tahlile sisteme fe'l dar lah'eye sedeyi*. - "Ma-ǰalleye dāneškedeye adabiyāt", vol.IO, No 3, Tehrān, 1342/1963, s.311-323; H.W. Bailey, *Persia II, Languages and Dialects*, EI, III, p.II26-II31; G.Morgenstierne, *Neu-iranische Sprachen*. - "Handbuch der Orientalistik", I, bd.IV, s.170-172.

2) R.Abrahamian, *Dialectes des Israelites de Hamadan et d'Isfahan et dialecte de Baba Tahir*, Paris, 1936; D.N.Mac Kenzie, *Jewish Persian from Isfahan*. - *JEAS*, pt. I-2, London, 1968, p.68-75.

3) Согласно переписи 1966 г., население Исфагана составляло 423.775 чел., из них армян - ок.5000 чел.(квартал Джольфа), евреев ок.4000 чел.(квартал Джубаре). В квартале Бидабад (с.-з.часть Исфагана) проживают луры, говорящие на своем языке, см. *Nonafar, Esfahan, Tehran, 1346/1967, s.7*.

4) Статьи, сообщения и резюме докладов, I, М.-Л., 1936, стр.3-17.

5) Труды Тбилисского Гос.ун-та, т.99, 1962, стр.50-57.

6) Архив ЛО ИВ АН СССР: Слова, записанные в Исфагане, арх.

"препятствовать", "посылать" и т.п., которые могут при определенных условиях приобретать побудительный характер. (Из всех глаголов со значением "посылать" только глагол "сей²" в сочетании с "хлу¹" (освобождать) может обладать такой способностью. Этот факт подтверждает общее происхождение глагола сей² и морфемы сей²). Таким условием является наличие в предложении зависимого предикативного члена, выражающего действие, побуждение совершить которое заключено в конечном сказуемом (конечным сказуемым выступает глагол, входящий в вышеупомянутую группу). Этот зависимый предикативный член бывает оформлен частицами предварительного сказуемого (т.е. неконечного сказуемого): йан², хнга², ау². Помимо этого предварительного сказуемого, в предложении имеется объект, обозначающий лицо, которое побуждает совершить действие, выраженное предварительным сказуемым. Этот объект оформляется частицей ко². (1916 кху¹ни¹хма² га²аин²ин²га¹лей¹мин³то¹бэ¹хма¹ па²вин² тай¹кхай¹йан² мьян²ма²си¹ти²то²мья³ко² сей²хлу¹лей²ти². В 1916 году по приказу английского короля бирманскую армию послали (с тем, чтобы она) приняла участие в сражении. (Мьявати, 1965, № 5, стр. 47). У³хла¹чо²ти² ма¹ма¹кхин¹хла¹ко² мьян²мьян² йан² коун²хма¹ тхвэ³тва³йа¹йан² ачан²пей³лей²ти². У Хла Чо посоветовал Ма Ма Кхин Хла поскорее уехать из Рангуна).

Дополнение это характеризуется еще и тем, что оно имеет две синтаксические связи: оно связано с конечным сказуемым объектно-предикативной связью, а с предварительным сказуемым - субъектно-предикативной.

Двойная связь дополнения в предложениях, где имеются глаголы с побудительным значением, отличает их от придаточных предложений цели, которые так же оформляются частицами йан², хнга², ау². Однако придаточные предложения цели имеют свое подлежащее, отличное от подлежащего главного предложения, в то время как в предложениях с глаголами, имеющими побудительное значение, формально имеется только одно подлежащее. (Пь²ту²лу²ту¹ти²най²нган² лу¹ла¹йей³ко² йа¹аун² тай¹кхай¹йа¹ти². Народ должен бороться, чтобы страна обрела независимость. В этом предложении предварительное сказуемое "йа¹аун²" (чтобы получила) имеет собственное подлежащее "най²нган²" (страна).

Одинаковое оформление придаточных предложений цели и зависимого предикативного члена при побудительных глаголах не есть явление случайное, если учитывать, что обе эти синтаксические

конструкции семантически очень близки друг другу. Можно предположить, что синтаксическая конструкция, выражающая побуждение, развилась в языке уже после того, как в нем были выработаны правила оформления придаточных предложений цели, и так как бирманские синтаксические средства достаточно ограничены, то семантически близкие конструкции получили там одинаковое оформление.

Мы склонны предположить, что конструкция эта (с зависимым предикативным членом, оформленным частицами $йан^2$, $аун^2$, $хнга^2$) появилась в бирманском письменном языке под влиянием пали (как впрочем и все другие конструкции с предварительными сказуемыми). Так в бирманском языке "ниссая" (пословный перевод с пали) употребляется конструкция: $\sqrt{то^3 хнга^2} + \sqrt{и^1}$, передающая палийскую конструкцию: $\bar{N}ауа + \sqrt{}$, которая, согласно авторам очерка "Язык пали", рассматривается как непарадигматическое образование со значением цели ("Язык пали", М., 1965, стр.113): ...Тата пийа путтака, чхи'хла¹сва²то³га², там, тин²ко², паббадждайа, йа¹хан²пью¹сейн²то³хнга², майам, нга²то¹ти², ануджанама, кхвин¹пью¹коун²и¹. Любимый сын, мы даем тебе разрешение, чтобы (ты) стал монахом. /Суванасама, лист 8 строчки 7-8/.

Таким образом, из существующих в современном бирманском языке двух форм выражения побуждения одна является исконно бирманской, а другая есть результат влияния пали на литературный бирманский язык.

И.Стеблин-Каменский

LANG 'ХРОМОЙ'

Входящее в состав прозвища, под которым жестокий хромец Тимур был известен в Европе, слово lang 'хромой' является по происхождению иранским. Оно принадлежит к тем немногим словам, которые вопреки закону арийского ротацизма сохранили (или восстановили) исконное индоевропейское l: например, тадж. (персидское)¹ lab 'губа' (немецк. Lippe), тадж. lesidan 'лизать', тадж. lof 'болтовня' (др.-иран. *lar=, русск. лепет) и др.

Чисто фонетически для тадж. lang 'хромой' восстанавливается др.-иран. *la-n-k= (корень lak с n-инфиксом, ср. тадж. bong < *va-n-k= 'крик, вопль' к корню vak 'говорить'²). Соответствующий др.-иран. lak индоевропейский корень lek, согласно словарю Ю. Покорного (IEW, 673), широко представлен в нескольких группах индоевропейских языков (кроме иранской) в значениях, которые хорошо соотносятся и с тадж. lang 'хромой'. Основные значения глагольного корня lek: 'гнуть(ся), болтаться, скакать, прыгать', в именах также названия ноги или ее частей.

Слово lang 'хромой' распространено во многих языках среднеазиатского ареала, как в иранских, так и в тюркских. Для ряда иранских языков, подвергшихся сильному влиянию таджикского языка, трудно сказать, является ли это слово заимствованием из таджикского или же исконным, как, впрочем, и во многих других случаях, когда фонетический облик соответствующих слов и их значения могут быть непосредственно возведены к древнеиранскому прототипу (согласно историко-фонетическим законам данного языка).

В одном из иранских языков, а именно в мунджанском, имеется однако самостоятельный дериват др.-иран. *la-n-k= : мундж. lóngiy 'хромой'³, в котором =o= является закономерным рефлексом др.-иран. a= краткого - ср. мундж. lond < *dantan= 'зуб', мундж. ron(ó) < *rapša= 'пять', мундж. (Индга) los < *dasa= 'десять'⁴. Мундж. lóngiy 'хромой' является основательным доводом в пользу исконно иранского происхождения тадж. lang, поскольку ни в одном из явных таджикских заимствований в мунджанском переход тадж. =a=→мундж. =o= не засвидетельствован.

Родственные тадж. lang слова имеются и в языках индоарийской группы: др.-инд. langa=, хинди, пенджаби lahgrā, непали laṅaro 'хромой'⁵.

Дериваты и.-е. lek 'болтаться, мататься' до сих пор не были отмечены для иранских языков, между тем они не исчерпываются только тадж. lang, мундж. lóngiy 'хромой', а представлены большим количеством слов. Этимологизация некоторых из них представляет определенные фонетические трудности, так как все они принадлежат к так называемым "дефектным" (defective words) словам (словам, обозначающим различные недостатки, телесные и др.). Слова такого рода могут подвергаться нерегулярным фонетическим изменениям в силу их экспрессивного употребления, деформации в составе рифмуемых композитов и по другим причинам⁶.

Корень lak можно видеть в тадж. laqidan (также lakidan, laq-qidan по говорам) 'болтать(ся), мататься', татск. laqistayn 'вихлять, болтаться', курд. leqin= 'мататься' и в памирских языках: вахан. lak=, laq= 'болтаться', мунд. laq= 'мататься, болтаться' (видимо, заимствования из тадж.). Этот же корень представлен в многочисленных рифмующихся дублетах, типа тадж. lak=lak 'волоочающийся, болтающийся', тадж. laq=daq 'болтающийся', распространенных и во многих других языках среднеазиатского ареала⁷.

Появление в этих словах увулярного (q), не характерного для собственно иранской лексики, можно объяснить экспрессивным употреблением соответствующих слов в качестве "дефектных". Две другие возможные причины появления увулярного смычного в иранской лексике — туркизация или арабизация — видимо, также не следует исключать, так как сходные основы встречаются и во многих тюркских языках и диалектах, и в арабском языке (арабск. laqqa 'трясти').

Однако заимствование из тюркских или арабского маловероятно, так как этот же корень lak с инхоативным (> непереходным) суффиксом =a= (др.-иран. *=-za=, и.-е. *=ake/o) представлен в тадж. lax'idan 'скользять'⁸, ягнобск. lake= 'ходить, бродить, вращаться', ишкашимск. laxa=, вахан. laxa=, руман. laxa=, сарык. loxa= 'ковылять, хромать'. Наличие этих весьма древних образований свидетельствует в пользу значительной древности корня lak в иранском и исключает возможность позднейшего заимствования его из тюркских диалектов или арабского языка.

Очень спорным представляется вопрос о принадлежности к этому же гнезду такого таджикского слова как lūkka 'рысь (конский аллур)' и фонетических вариантов как с l-анлаутом, так и с d-анлаутом (и соответствующих слов в других соседних языках: ягнобск. doq=doq 'тряска', язгулямск. duq=duq 'рысь, иноходь', язгулямск. dɔq=dɔq 'трусца' и др.)⁹, а также тадж. ling 'голень, нога' (соответственно белудж. lēng, шугнан. līng, вахан. ləng, сарык. lang и др.). Во всяком случае, "дефектная" природа др.-иран. lak позволяет предполагать различные нерегулярные деформации.

Возможно, что некоторые "дефектные" корни подвергались фонетическим деформациям и в праязыке. Так на индоевропейском уровне восстанавливаются три близких по значению и по фонетическому облику корня lek, leg^u¹⁰, leig^{II}, которые, в конечном счете, могут являться, вероятно, вариантами.

Таким образом, тадж. lang 'хромой', laqidan 'болтаться' и другие родственные слова иранских языков со значениями 'хромой; хромать; шататься, болтаться' восходят к и.-е. lek, представленному, следовательно, почти во всех известных группах индоевропейских языков.

1) Наличие соответствующих, совпадающих с таджикскими, персидских слов далее специально не оговаривается.

2) I. Gershevitch. Iranian words containing =ān=, - "Iran and Islam (in memory of V. Minorsky)", Edinburgh, 1971, 279.

3) Также lógly (по говорам), ср. мундж. lond, lod 'зуб' (по говорам) - по материалам А.Л. Гривберга.

4) G. Morgenstierne, IIFL II, 89.

5) R. L. Turner. CDIAL 10877.4; R. L. Turner. Etymological dict. of the Nepali, 545. Ю. Покорный относит др.-инд. langa= к и.-е. (s)lég= 'дряблый, вялый' (IEW, 959), что семантически представляется малоубедительным.

6) R. L. Turner. CDIAL, X; S. M. Katre. Problems of reconstruction in Indo-Aryan, Simla, 1968, 60.

7) Ср., например, в ванджских говорах: govī lak 'корова с шатающимися рогами', laqidan 'болтать', laqoʃa 'шаткий', lʔqidan 'трястись' - А.З. Розенфельд. Ванджские говоры таджикского языка, Л., 1964, стр. 100, 101.

8) *lak=s > lax̣= подобно *bak/g=s > bax̣= 'дарить, прощать'. Сюда же, видимо, и тадж. laʔqidan 'скользить', laʔqonak 'скользящий' с озвончением группы x̣.

9) Сопоставлено А.З. Розенфельд - Ванджские говоры..., стр. 101.

10) К этому корню относят др.-инд. laḥghati 'прыгает' (IEW, 660).

11) К leig тадж. (класс) olextan 'прыгать' - IEW, 667; P. Horn. Grundriss der neupersischen Etymologie, Strassburg, 1893, II.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Г.С.Шрон

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН СССР ЗА 1971 Г.^х)

1. Акимущикин О.Ф. К вопросу о традиции жанра искусственной кыссы в персидской поэзии. - В кн.: Иран. М., 1971, с.158-168.
2. Акимущикин О.Ф. Портрет Навои. - В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с.20-25.
3. Амусин И.Д. Кумран и кристаллизация новозаветного учения о *familia dei*. - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.73.
4. Амусин И.Д. Об одном кумранском разночтении "Любящие Йахве" вместо "Враги Йахве". - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.3-5.
5. Амусин И.Д. /Пер. с древнеевр. и арамейского, введение и коммент./: Тексты Кумрана. Вып. I - М., "Наука", Глав.ред. вост.лит., 1971-
Вып. I. 1971. 495 с. с факс.Библиогр.: с.455-491. Указатель источников: с. 425-451 (Памятники письменности Востока, XXXIII, I).
6. Amusin J. 4Q Testimonia, 15-17. - В кн.: Hommages a André Dupont - Sommer. Paris, 1971, pp. 357-361.
7. Amoussine J.D. Observatiunculae Qumranae I: "Les ennemis

х) В библиографию включены также работы за предшествующие годы, не вошедшие в предыдущий выпуск "Материалов..." (сб. "УП годичная научная сессия ЛО ИВ АН", М., 1971).

de Yahweh" ou "Ceux qui aiment Yahweh" dans l'Interpretation du Psaume 37. - "Revue de Qumran", 1971, t.7, fasc. 4, p.533-535.

8. Amoussine J.D. Observatiunculae Qumraneae, II: *Ἀφ᾽ ἑβραίων δὲ ἰσραηλῶν* dans le "Bello Judaico" (II, VIII, 7, I42) - "Revue de Qumran", 1971, t.7, fasc.4, p.535-545.

9. Amoussine J.D. Observatiunculae Qumraneae, III. Interpretation d'Osée (4Q I66, col.II). - "Revue de Qumran", 1971, t.7, fasc.4, p.545-552.

10. Баевский С.И. Незаданный словарь XV века "Шамил ал-лугат" в рукописной коллекции персидско-турецких словарей ЛО ИВ. - В кн. История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.39-41.

11. Бациева С.М. "Автобиография" Ибн Халдуна как источник для изучения его жизни и творчества. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.6-8.

12. Богословский Е.С. и Добкович И.В. Сиро-палестинская богиня *кайт* в древнем Египте. - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.22-24.

13. Большаков О.Г. и Монгайт А.Л. /Публикация/: Абу Хамид ал-Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу, (1131-1153 гг.) М., "Наука", Глав.ред.вост.лит., 1971. 135 с. с илл. и факс. (АН СССР. Ин-т востоковедения)

Большаков О.Г.: введение, пер., коммент. (с.7-83).

14. Большаков О.Г. Археологическое совещание в г.Фрунзе. - СА, 1971, № 3, с.308-309.

15. Большаков О.Г. Два вакфа Ибрагима Тамгач-хана в Самарканде. - в кн.: Страны и народы Востока. Вып.10. М., 1971, с.170-178, Библиогр.: с.178.

16. Большаков О.Г. Земледелие и аграрные отношения в УШ-Х вв. - В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971, с.109-146.

17. Борщевский Ю.Е. Географические разделы персидской всеобщей истории "Мухмал ат-таварих ва-л-кияс" (520/1126 г.) - УП ГНС ЛО ИВ АН, М., 1971, с.8-11.

18. Бурман А.Д. Бирманская драма середины XIX века (на материале пьес У Чин У и У Поун Ня). Автореф.дисс. ... канд.филол. наук. Л., 1971, 15 с. (ЛГУ им.А.А.Жданова).

19. Бурман А.Д. Некоторые особенности бирманской рифмы. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1971, с.140-145.

20. Васильев К.В. Из истории древнекитайских письменных памятников. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1971, с.15-24.
21. Васильев К.В. Некоторые черты западно-чжоуской религиозно-политической доктрины. - В кн.: Научная конференция: "Общество и государство в Китае". М., 1971, с.15-21.
22. Васильев К.В. Эпиграфические данные о государственном хозяйстве в Древнем Китае (X-VIII вв. до н.э.) - УП ГНС ЛО ИВ АН, М., 1971, с.52-54.
23. Васильева Е.И. Новое сочинение по истории иранского Курдистана ("Тарїх-и Банї-Ардалан" Хусрава б. Мухаммада Банї-Ардалана) - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.11-13.
24. Васильков Я.В. Махабхарата и устная эпическая поэзия, - НАА, 1971, № 4, с.95-106.
25. Вахтин Б.Б. и Фимман О.Л. Николай Иосифович Конрад. /Некролог/. - СТ, 1970, № 5, с.138-139.
26. Вахтин Б.Б. Заметки о повторяющихся строках в "Щицзине". - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II, М., 1971, с.146-148.
27. Воробьев М.В. О естественных науках в чжурчжэньском государстве Цзинь. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.145-149.
28. Воробьев М.В. "Правдивые хроники" чжурчжэньских императоров ("шилу"). - В кн.: Письменные памятники Востока. 1968. М., 1970, с.199-207.
29. Воробьев М.В. К вопросу определения древних китайских монет "5 му ("ушунань"). - ЭВ, т.20, 1971, с.15-28 с илл.
30. Воробьев М.В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия (по цзиньским источникам). - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1971, с.31-42.
31. Воробьева-Десятовская М.И. Сложные глагольные формы в тибетском языке УП-XI вв. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.219-224.
32. Ворожейкина Э.Н. Неизданные строки Анвари. - В кн.: Письменные памятники Востока. 1968. М., 1970, с.68-72.
33. Ворожейкина Э.Н. и Ниязов Х.Н. Персидская литература домонгольского периода в Рукописном собрании ИВ АН СССР. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.32-38.
34. Ворожейкина Э.Н. Об учебнике по восточным литературам

средних веков. Раздел "Литература Ирана". - НАА, 1971, № 6, с.141-144 (Созм. с А.Н.Болдыревым). См. № 228.

35. Ворожейкина З.Н. Четверостишия Камала Исмаила Исфahanи. - УП ГНС ДО ИВ АН. М., 1971, с.83-86, См. также № 228.

36. Газов-Гинаберг А.М. Звуковой символизм как универсалия. - УП ГНС ДО ИВ АН. М., 1971, с.124-126.

37. Горегляд В.Н. Об учебнике по восточным литературам средних веков. Раздел "Японская литература". - НАА, 1971, № 6, с.137-138. См. № 228.

38. Горегляд В.Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 5, М., "Наука", Глав.ред.вост.лит., 1971 132 с. с илл.

39. Горегляд В.Н. и Халин З.Я. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып.6. М., "Наука", Глав.ред вост.лит., 1971, 193 с. с илл. См. также № 228.

40. Грунтфест Я.Б. Новая работа по языку икноарабских надписей. - В кн.: Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. I. Л., 1971, с.27-35.

41. Грязневич П.А. /Пер. с англ. и примеч./: Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М., "Наука", 1971, 324 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

42. Гузев В.Г. Некоторые проблемы исторической фонетики турецкого языка. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.193-196.

43. Гузев В.Г., Дулина Н.А. и Тугушева Л.Д. IV Туркологическая конференция, посвященная 900-летию "Кутадгу билиг" Юсуфа из Баласагуна. - СТ, 1970, № 4, с.136-140.

44. Гузев В.Г. и Насилов Д.М. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности-неопределенности. - СТ, 1971, № 5, с. 21-25.

45. Гузев В.Г. О словообразовательных и словоизменительных свойствах некоторых турецких и староанатолийско-тюркских именных форм. - УП ГНС ДО ИВ АН. М., 1971, с.127-129.

46. Гузев В.Г. и Насилов Д.М. /Рец.на кн./: Иванов С.Н. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969. 203 с. - НАА 1971, № 3, с.187-192.

47. Гуревич И.С. Предлоги в китайском языке III-V вв. н.э. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1971, с.198-206.
48. Дандамаев М.А. Зависимые земледельцы в поздней Вавилонии. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.69-75.
49. Дандамаев М.А. Ахеменидское государство и его значение в истории древнего Востока. - В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с.94-104.
50. Дандамаев М.А. Гимиллу, раб храма Занна в Урукке (VI в. до н.э.) - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.59-60.
51. Dandamajev M.A. Die Rolle des tamkārūm in Babylonien im 2. und I. Jahrtausend v.u. Z. - В кн.: Beiträge zur sozialen Struktur des alten Vorderasien. Berlin, 1971, S.69-78.
52. Дандамаев М.А. /Рец. на кн./: Weisberg D.M. Guild structure and political allegiance in Early Achaemenid Mesopotamia. New-Haven. London, 1967, XVIII, 129 p. - ВДИ, 1971, № 2, с.129-135.
- ✓ 53. Демидова М.И. К вопросу о периодизации истории дуньхуанской книги. - УП ГИС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.13-16.
54. Джалилов О.Дж. К изучению курдских народных исторических песен. - УП ГИС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.86-88.
55. Дулина Н.А. О тюркологическом ежегоднике, издаваемом в Париже. - СТ, 1971, № 1, с.108-109.
56. Аслапов В.И., Дулина Н.А. и Медведева Л.Я. У Тюркологическая конференция в Ленинграде - СТ, 1971, № 4, с.132-138. См. также № 43.
57. Дунаевская И.М. Иерархия префиксальных показателей хаттского глагола. - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.74.
58. Дунаевская И.М. О последовательном размещении групп префиксальных показателей хаттского глагола. - УП ГИС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.129-130.
59. Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). - В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с.122-154.
60. Дьяконов И.М. Из исследований по хуррито-урартской филологии (Заметки по урартской эпиграфике. III) - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.5-7.

61. Дьяконов И.М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии) - В кн.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971, с.127-146. Библиогр.: с.146.
62. Diakonoff I.M. Hurrisch und Urartäisch. Vom Verfasser autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von K.Sdrenbek. München, R.Kitzinger, 1971. 173 S.
63. Diakonoff I.M. On the structure of Old Babylonian society. - В кн.: Beiträge zur sozialen Struktur des alten Vorderasien. Berlin, 1971, S.15-31.
64. Elanskaya A.I. The Encomium and the vita of St. Athanasius. - "Chronique d'Égypte", 1970, t.45, No 89, p.208-214.
65. Елисеев Д.Д. О некоторых средствах характеристики в корейской средневековой новелле пхесоль (XV-XVII вв.) - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.139-144.
66. Елисеев Д.Д. Пути корейской новеллы. /Вступит.статья/. - В кн.: Кимн также люди. М., 1971, с.7-15.
/Пер. с корейск./: Ким Со Ён. Чэсть рыбака. - Там же, с.93-101.
67. Елисеев Д.Д. /Факс. корейск.рукописи; пер., предисл. и коммент./: Чхое Чхун Джон ("Повесть о верном Чхое"). М., "Наука", Глав.ред.вост.лит. 1971, 129 с., 92 с. факс. (Памятники письменности Востока, 18).
68. Елисеева Н.В. /Пер. с перс./: Сохейли, Межди. В надежде на праздник. - "Звезда Востока", 1968, № 7.
69. Елисеева Н.В. Архив ираниста Ю.Н.Марра (1893-1935). - В кн.: История, культура, языки народов Востока", М.,1970, с.59-66.
70. Елисеева Н.В. УП научная сессия ЛО ИВ АН СССР. - НАА, 1971, № 6, с.231-234. См.также № 208.
71. Западова Е.А. "Океан и капля". /Сборник статей о бирманской литературе/. Рангун, Изд.Тапфей сапей, 1971, 316 с. (На бирманск.яз.).
72. Западова Е.А. Роман Пи Моу Нина "Ней Ньюо Ньюо". - "Пхониньбубья", Рангун, 1971, февраль, с.152-162. (На бирман.яз.).
73. Западова Е.А. Современный бирманский роман. - "Шумава", Рангун, 1971, январь, с.49-51. (На бирман.языке).
74. Зислин М.Н. Об одной оригинальной системе грамматики еврейского языка (XI-XII вв.) - В кн.: История, культура, языки

народов Востока. М., 1970, с.17-31.

75. Зислин М.Н. О некоторых отклонениях от норм тивернадской вокализации в рукописи неопубликованного сочинения "Мё'бр'айин". - УП ГИС ЛО ИВ АН, М., 1971, с.131-143.

76. Зограф Г.А. Всемирная конференция лингвистов. - НАА, 1971, № 4, с.238.

77. Зограф И.Т. Личные местоимения в китайских памятниках северной группы (Дань-Мин). - В кн.: Страны и народы Востока. вып. II. М., 1971, с.207-211.

78. Зограф Г.А. /Сост., предисл., примеч., пер.ред./: Сказки Центральной Индии. Пер. с англ. и сантальского Г.А. Зографа и Э.Е.Самойловой. Под общ. ред. Г.А. Зографа. М., "Наука", Глав.ред. вост.лит., 1971, 376 с. (Сказки и мифы народов Востока).

79. Gurov N.V. and Zograf G.A. Research activities of Leningrad Indologists. - "Soviet review", New Delhi, vol. 8, 1971, No 5, p.33-38.

80. Зограф Г.А. /Рец. на кн./: Vaudeville, Charlotte. L'invocation. Le Haripath de Dnyāndev. Paris, 1969, VI, 170 p.; ee же. Sour-Das. Pastorales. Trad. de la langue braj avec introd., notes et glossaire. /Paris/, Gallimard, 1971, 203 p. - НАА, 1971, No 6, с.208-210.

81. Какабадзе С.С. К изучению текста начальной части сборника "Картлис цховреба". - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.42-45.

82. Какабадзе С.С. Хроника ксанских эриставов начала XV в. - В кн.: Письменные памятники Востока. 1968. М., 1970, с.103-126.

83. Кальянов В.И. Калидаса - национальный поэт Индии, - В кн.: Мемориальный сборник, посвященный Калидасе. Карви, 1971, с.43-45. (На яз. хинди).

84. Каплан Г.Х. Употребление видо-временных глагольных форм аккадского языка в среднеассирийских законах. - УП ГИС ЛО ИВ АН, М., 1971, с.133-134.

85. Kaneva I.T. Participles in Sumerian. - МГО, 1970, Bd.16, Nt.4, S.541-565.

86. Келлинг К.Б. Перевод на тангутский язык китайского военного трактата Сумь Цзы. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1971, с.43-48.

87. Келлинг К.Б. Тангутский перевод утраченной китайской лэй-

му. - УП ГНС ДО ИВ АН. М., 1971, с.16-19.

88. Kepping K.B. A category of aspect in Tangut. Transl. with comment. by E. Grinstead. - AOr, 1971, vol.33, p.283-294.

89. Кинк Х.А. О некоторых особенностях искусства додинастического Египта. - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.16-18.

90. Кляшторный С.Г. По поводу этногенетических процессов в Восточной Азии. /Выступление/. - В кн.: Труды УП Междунар. конгресса антропологических и этнографических наук. Т.9. М., 1970, с.265.

91. Кляшторный С.Г. Эпоха "Кутадгу билиг". - СТ, 1970, № 4, с.82-86.

92. Кляшторный С.Г. Руническая надпись из Восточной Гоби - "Studia Turcica", Budapest, 1971, с.249-258.

93. Кляшторный С.Г. Руническая надпись из Улугхемского района. - "Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ", Кызыл, 1971, т.15, с.241-247.

94. Кляшторный С.Г. и Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып.10. М., 1971, с.121-146. Библиогр.: с.144-146.

95. Кляшторный С.Г. и Лившиц В.А. Сэврейский камень. - СТ, 1971, № 3, с.106-112 с илл.

96. Кляшторный С.Г. Темирсузская руническая надпись. - УП ГНС ДО ИВ АН, М., 1971, с.19-21.

97. Кляшторный С.Г. и Лившиц В.А. Тюрко-согдийский памятник из Южной Гоби. - УП ГНС ДО ИВ АН. М., 1971, с.58-60.

98. Козырева Н.В. Нормы потребления в Месопотамии старовавилонского периода. - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.46-47.

99. Колоколов В.С. Некоторые соображения о китайской иероглифической письменности и языке. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 11. М., 1971, с.222-229.

100. Кононов А.Н. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме "Кутадгу билиг". - СТ, 1970, № 4, с.3-12.

101. Кононов А.Н. Василий Владимирович Бартольд. (К сорокалетию со дня смерти). - НАА, 1971, № 1, с.221-222.

102. Кононов А.Н. Виктор Максимович Хирмунский как тюрколог. /Некролог/. - СТ, 1971, № 2, с.102-107, с портр.

103. Кононов А.Н. История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази "Родословная тюрков". - СТ, 1971, № 1, с.3-12.

104. Кононов А.Н. О некоторых типах бессвязного сложноподчиненного предложения в турецком языке. - Ст., 1971, № 4., с.3-12.

105. Кононов А.Н. О фюзии в тюркских языках - В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с.108-120.

106. Кононов А.Н. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). - В кн.: Вопросы тюркологии, Баку, 1971, с.94-101.

107. Кроль Ю.Л. О двух традициях отношения к материалу в ханьской литературе. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.124-131.

108. Кроль Ю.Л. Одна из текстологических проблем, связанных с главами 6 и 48 "Записей историка". - В кн.: Письменные памятники Востока. 1968, М., 1970, с.208-216.

109. Кроль Ю.Л., Заметки о философской аллегории Лим Дзе "История цветов". - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1971, с.149-159.

110. Кроль Ю.Л. Концепция "Китай-варвары" и "ассоциативное мышление". - В кн.: Научная конференция "Общество и государство в Китае". Вып. I, М., 1971, с.63-72.

111. Кузнецов Б.И. Формальные (морфологические) классы глагольно-именных форм маратхи. - В кн.: История, культура, языки народов Востока". М., 1970, с.210-218.

112. Кузнецов Б.И. Диакритика в письме "бал-бодх". - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.134-137.

113. Кузнецов Б.И. Очерк грамматики отглагольных имен языка маратхи (словообразование, морфология, функции в предложении). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Л., 1971, 16 с. (ЛГУ им. А.А. Жданова).

114. Курдоев К.К. Об авторстве и языке религиозных книг курдов XI-XII вв. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.22-24.

115. Кушев В.В. Первый нуристанский ученый и поэт. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.88-90.

116. Кычанов Е.И. "Гимн священным предкам тангутов". - В кн.: Письменные памятники Востока. 1968, М., 1970, с.217-231.

117. Кычанов Е.И. Из истории Приамурья и Приморья в первой половине ХУШ в. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.60-63.

118. Кычанов Е.И. и Лубо-Лесниченко Е.И. Монетное обращение в Хара-хото (по материалам находок). - В кн.: Страны и народы

Востока. Вып. II, М., 1971, с.49-54.

119. Кычанов Е.И. Тангутские изречения. - СЭ, 1971, № 3, с.113-119.

120. Кычанов Е.И. Тангуты и Запад. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып.10. М., 1971, с.157-162. Библиогр.: с.161-162.

121. Кусанов Е.У. Les guerres entre les Sung du Nord et le Hsi-Hsia. - "Etudes Song", 1971, No 2, p.103-108 avec cart.

122. Кусанов Е.У. A Tangut document of 1224 from Khara-Khoto. - АОН, 1971, t.24, fasc. 2, p.189-201.

123. Лемешева И.П. /Рец. на кн./: Рафиков А.Х. Историческая литература на турецком языке, хранящаяся в библиотеках Ленинграда. Сводный аннотированный каталог 1729-1963. Издат. отдел БАН СССР, 1968, 266 с. - НАА, 1971, Л., с.197-202.

124. Лившиц В.А. Согд и его столица Самарканд. - Самарканд в период завоевания Средней Азии Александром Македонским и борьба Согда за независимость. - В кн.: История Самарканда. Т.1, Ташкент. 1969, а.46-58 (Гл.П, разделы 3 и 4).

То же на узб.яз. - Самарканд тарихи. Биринги том. Ташкент, 1971, с.46-70.

125. Лившиц В.А. Хорезмийские надписи на ассуариях с некрополя Миздахкана. Приложение - В кн.: Ягодин В.Н. и Ходжайлов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, с.247-252.

126. Лившиц В.А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.5-16.

127. Лившиц В.А. и Оранский И.М. Изучение афганского языка в отечественной науке. - "Kabul", 1970, № 3, с.28-34, № 5, с.1-7

128. Лившиц В.А. Земледелие и аграрные отношения в период раннего средневековья (IV-VII вв. н.э.) - В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане (с древнейшего времени до присоединения к России. Ашхабад, 1971, с.79-108, (Гл.3).

129. Лившиц В.А. /Предисл. и подгот. к изд./: Бартольд В.В. Сочинения. Т.7. Работы по исторической географии и истории Ирана М., 1971, Предисл.: с 5-28. (Подгот. к изд.совм. с Е.В.Зеймаль). См.также № 94, 95, 97.

130. Лившиц И.Г. Надписи из Ахмира.-ЭВ, т.20, 1971, с.4-14 I л.илл.

131. Лундин А.Г. Государство мукаррибов Саба^а (Сабейский эпонимат). М., "Наука", 1971. 302 с. с илл.; 2 л. илл. Библиогр.: с. 253-258. (154 назв.). Указ. имен. собств., ив.-араб. слов и терминов, ив.-араб. надписей и эстампажей: с.260-279. Рез.на франц. языке.

132. Лундин А.Г. К столетию путешествия И.Халеви. - УП ГНС ДО ИВ АН, М., 1971, с.63-66.

133. Лундин А.Г. Сабейские межовые надписи из Джар ал-Лабба. - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.69-71.

134. Лундин А.Г. /Рец. на кн./: Repertoire d'épigraphie sémitique publié par la commission du "Corpus inscriptionum semiticarum. Tome VIII rédigé par J.Pirenne. Paris, 1968. 274 p. - ПС, вып.23(86), 1971, с.194-196.

135. Лундин А.Г. /Рец.на кн./: Tscinkowitz H., hrsg. Kleine Fragmente. T. I. Wien /u. a./ Böhlau, 1969. -- ВДИ, 1971, № 2, с.135-136.

136. Мартынов А.С. К проблеме обмена на фаньской периферии при династии Мин. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1971, с.80-87.

✓137. Мартынов А.С. О "персонализме" традиционных китайских воззрений на государство и государственный аппарат. - В кн.: Научная конференция "Общество и государство в Китае", Вып. I, М., 1970, с.131-139.

138. Мартынов А.С. О туземной тибетской администрации в эпоху Мин. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1971, с.55-63.

139. Мецнерская Е.Н. К вопросу о времени создания "Учения Адая". - УП ГНС ДО ИВ АН, М., 1971, с.90-91.

140. Мецнерская Е.Н. К изучению сирийских источников и греческо-славянских версий апокрифических легенд (на материале сказания об Авгаре). - ПС, вып.23(86), 1971, с.168-172.

141. Миклухо-Маклай Н.Д. О персидских переводах Абу Исхака Ибрахима ал-Истахри. - УП ГНС ДО ИВ АН, М., 1971, с.24-26.

142. Мусаэлян Л.С. Новые варианты курдского народного сказания "Замбильфром". - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.103-108.

143. Мусаэлян Л.С. Тематика курдских народных лирических

лесен - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.91-94.

144. Невелева С.Л. Мифология и антропонимия древнеиндийского эпоса (на материале 3 книги Махабхараты). Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. Л., 1971, 16 с. (ЛГУ им.А.А.Жданова).

145. Невелева С.Л. О понятии функции применительно к описанию мифологических единиц первого порядка (богов). - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.94-96.

Николаева Л.И. см. № 230.

146. Николаева О.С. Некоторые вопросы аграрного законодательства в документах пятидворок (конец ХУП-ХУШ в.). - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1971, с.88-94.

147. Ниязов Х.Н. К творческой биографии Фарид-ад-Дина 'Аттара. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.97-100.

148. Носова Н.И. Словообразование и формобразование с помощью префикса а - в бирманском языке. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II, М., 1971, с.230-234.

149. Оранский И.М. О формах 2-го лица множественного числа на -en/-in в персидско-таджикских говорах. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.201-206.

150. Oranskiy I.M. A folk-tale in the Indo-Aryan Parya dialect (A Central Asian variant of the tale of czar Saltan) - "East and West", NS, 1970, vol.20, No 1-2, p.169-178.

151. Оранский И.М. Из заметок о новых советских работах по иранской диалектологии. - НАА, 1971, № I, с.174-186.

152. Оранский И.М. Изучение памятников древнеиранской письменности в СССР (1917-1970) - В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с.38-70.

153. Оранский И.М. Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии: Ш. Этнографическая группа чистони, ее диалект и арго. - В кн.: Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М., 1971, с.66-69.

154. Оранский И.М. О связи периодизации истории языка с периодизацией памятников письменности (на материале истории иранских языков). - В кн.: Тезисы докладов и сообщений Совещания по вопросам диалектологии и истории языка (Книшинев, 10-12/XI-1971 г. М., 1971, с.124-126.

155. Оранский И.М. О термине "Мазанг" в Средней Азии. - В кн.: Страны и народы Востока, Вып.10. М., 1971, с.202-207. Библиогр.: с.206-207.

156. Оранский И.М. /Участие в работе/: Maunhofer M. und Dressler W. Indogermanische Chronik 17 a. - "Die Sprache" (Wien) 1971, Bd.17, Ht. I, S.74-120.

157. Орбели И.А. /Пер.с древнеарм./: Египте. О Вардане и войне армянской. Подгот. к изд., предисл. (с.5-22) и примеч. К.Н.Дзбабяна. Ереван, Изд.АН Арм.ССР, 1971. 192 с.

158. Орбели Р.Р. Грузинский перевод XVIII в. трагедии А.П.Сумарокова "Синав и Трувор". - "Мацне", 1971, № 2, с.33-44; 1 л. илл.

159. Орбели Р.Р. Некоторые вопросы истории грузинского Просвещения XVIII в. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.109-115.

160. Павловская Л.К. Пинхуа по истории Пяти династий. (Некоторые предварительные наблюдения над историческими источниками и приемами исследования их в пинхуа). - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.132-138.

161. Павловская Л.К. Пинхуа по истории пяти династий (О композиционных особенностях и месте среди других пинхуа). - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II, М., 1971, с.160-165. Библиогр.: с.165.

162. Пайкова А.В. К вопросу о возникновении беллетристического повествования в сирийской литературе. - ПС, вып.23 (86), 1971, с.173-178.

163. Пайкова А.В. Легенда о Евфимии как памятник сирийской художественной литературы. - УП ГНС ЛО ИВ АН, М., 1971, с.100-104.

164. Периханян А.Г. Арамейская надпись на серебряной чаше из Сисиана. - "Историко-филол.журн.", 1971, № 3, с.78-82, с илл. Рез.на арм.яз.

165. Rérikhianian A. Les inscriptions araméennes du roi Artachès. (A propos d'une récente trouvaille épigraphique en Arménie), - *Revue*, 1971, t.8, p.169-174.

166. Петрова О.П. Коллекция книг Дайкокуя Кодаи и ее значение для истории русско-японских культурных связей. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.51-58.

167. Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (Вторая половина XIX-начало XX в.). М., "Наука", 1971. 328 с. (АН СССР Ин-т востоковедения). Список лит.: с.317-327 (269 назв.)

168. Петросян Ю.А. Уставы тайных организаций общества "Единение и прогресс" как источник для изучения истории младотурецкого движения. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.66-69.
169. Петросян Ю.А. /Рец. на кн./: "Книга законов султана Селима I". Публ., пер. с турецк., вступит.статья и коммент. А.С.Тверитиновой. М., "Наука", 1969, 158 с. - НАА, 1971, № 2, с.222-223.
170. Петросян Ю.А. Методологические проблемы истории Востока и их обсуждение на методологическом семинаре. - В кн.: Методологический семинар и активизация научного творчества ученых. Л., 1971, с.54-65.
171. Пигулевская Н.В. Византия и Восток. - ПС, вып.23 (86), 1971, с.3-16.
172. Пиотровский М.Б. Состав и политическая направленность кахтанитского предания. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.69-71.
173. Полосин В.В. Этноним "булгары" в арабских источниках. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.26-29.
174. Прозоров С.М. Ал-Хасан б.Муса ан-Наубахти, "Шитские секты". (Исследование, пер., коммент.). Автореф.дисс. ... канд. ист.наук. Л., 1970, 20 с. (ЛГУ им.А.А.Жданова).
175. Прозоров С.М. Из истории религиозно-политической идеологии в раннем халифате. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.76-79.
176. Рагоза А.Н. Согдийские фрагменты из коллекции С.Ф. Ольденбурга. - В кн.: Письменные памятники Востока, 1968, М., 1970, с.142-154.
177. Ромодин В.А. Афганистан /главы по новой истории/. - В кн.: Новая история стран зарубежной Азии и Африки. Л., 1971, с.132-137; 408-418.
178. Ромодин В.А. Последние годы домусульманской истории кафиров Гиндукуша и политика Абдуррахман-хана (по "Сирадж ат-Таварих"). - В кн.: Страны и народы Востока. Вып.10. М., 1971, с.249-263. Библиогр.: с.263.
179. Ромодин В.А. Страница из истории эпохи пробуждения Азии. Новые данные о тайной организации конституционалистов в Афганистане. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.71-74.
180. Руденко М.Б. К происхождению рукописи персидской поэтической версии "Бахтмар-наме". - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.29-32.

181. Руденко М.Б. Курдская литература XУП века. - НАА, 1971, № 3, с.93-105.
182. Рудой В.И. К вопросу об "Абхидхармике" в брахманской традиции. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.34-36.
183. Рудой В.И. О тибетском эквиваленте термина "Vaibhāṣika". - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.32-34.
184. Русинова Э.С. "Письма армянина из Ирландии друзьям в Трапезунде". - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.104-107.
185. Савицкий Л.С. "Записи достигнутого" и "записи прослушанного" и их значение для изучения истории и литературы Тибета. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.46-50.
186. Савицкий Л.С. Тибетская литература XУП века (некоторые общие вопросы) - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.108-111.
187. Салахетдинова М.А. Хафиз-и Таныи и поэт Нахли. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.111-113.
188. Салахетдинова М.А. /Пер. с перс., предисл., примеч. и указатели/: Ходжа, Самандар Термези. Дастур ал-мулук. (Назидание государям). Факсимиле старейшей рукописи. М., "Наука", Глав.ред. вост.лит., 1971, 257 с., 190 л. факс. Библиогр.: с.209-211. Указатели имен собств. геогр.и топогр.назв.: с.212-218.
189. Смирнов Б.Л. О возможности выделения классов слов в древне-китайском языке на основе количественного анализа. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.225-231.
190. Смирнова Л.П. Заметки о культурной жизни Исфахана (1969). - УП ГНС ЛО ИВ АН, М., 1971, с.113-118.
191. Смирнова О.И. Некоторые вопросы критики текста ("Сборник летописей" Рашид ад-Дина, "Шах-наме" Фирдоуси и "История Бухары" Наршахи). - В кн.: Письменные памятники Востока. 1968. М., 1970, с.155-165.
192. Смирнова О.И. Очерки по истории Согда. М., "Наука", Глав.ред.вост.лит., 1970. 288 с. (АН СССР Ин-т востоковедения).
193. Смирнова О.И. К истории денежного обращения в Средней Азии середины УШ века. - "Обществ.науки в Узбекистане", 1971, № II, с.46-50.
194. Смирнова О.И. Места домусульманских культов Средней Азии (по материалам топонимики). - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 10, М., 1971, с.90-108. Библиогр.: с.107-108.

195. Смирнова О.И. Первые монеты из Усруманы. (Предварительное сообщение на юбилейной сессии ИА АН СССР 21.IV.1969) - ЭВ, т.20, 1971, с.59-64 с илл.

196. Смирнова О.И. Рунические монограммы на среднеазиатских монетах. - УП ГНС ДО ИВ АН. М., 1971, с.74-78.

197. Смирнова О.И. Туркологические заметки. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II, М., 1971, с.64-65.

198. Старкова К.Б. Памятники кумранской литературы (К исследованию идеологии кумранской общины). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1971, 24 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

199. Старкова К.Б. Учение о царе в кумранской общине. - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.72.

200. Стеблин-Каменский И.М. Историческая фонетика ваханского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971, 21 с. (ЛГУ им. А.А. Жданова).

201. Гронберг А.Л. и Стеблин-Каменский И.М. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукума. - В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии (тезисы докладов и сообщений), Л., 1971, с.54-55.

202. Стеблин-Каменский И.М. *Badakshānīca I.* - УП ГНС ДО ИВ АН. М., 1971, с.137-140.

203. Темкин Э.Н. Бхамача и его трактат о поэзии. - УП ГНС ДО ИВ АН. М., 1971, с.36-38.

204. Тер-Петросян Л.А. Место жития Милеса в сборнике Маруты Майферкатского. - УП ГНС ДО ИВ АН. М.; 1971, с.38-41.

205. Терентьев-Катанский А.П. Китайская легенда о драконе. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II, М., 1971, с.119-126.

206. Торопов А.А. К проблеме описания единиц языка и структурных групп лексики. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.232-241.

✓ 207. Торопов А.А. Сегментация китайского средневекового текста (на материалах текста "Цзинь бэнь Тунсу сяошэ"). - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II, М., 1971, с.247-251.

208. Троицкая А.Л. Каталог архива кокандских ханов XIX века. /Отв. ред. О.И. Смирнова/. М., "Наука", Глав. ред. вост. лит., 1968. 582 с.

Указатели: имен собственных и географических и топонимических названий (сост. О.П. Щеглова) - с.485-530.

Предметно-терминологический глоссарий (сост. Н. В. Елисеева /словник и указатель к нему/) - с. 531-573.

209. Троцевич А. Ф. Символы в языке корейской средневековой повести. - НАА, 1971, № 6, с. 122-126.

210. Тугушева Л. Ю. Древнеуйгурская поэзия. - СТ, 1970, № 4, с. 101-103.

211. Tugusheva L. Yu. Three letters of Uighur Princes from the MS collection of the Leningrad section of the Institute of Oriental Studies. - АОН, т. 24, 1971, fasc. 2, p. 173-187 with fasc.

См. также № 43.

212. Fichman I. F. Fünfzig Jahre Papyrologie und Erforschung der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte des griechisch-römischen Ägyptens in der Sowjetunion. - "Archiv für Papyrusforschung", Bd. 20, 1970, S. 133-144.

213. Fichman I. F. On the structure of the Egyptian large estate in the sixth century. - В кн.: Proceedings of the twelfth Intern. Congress of papyrology. Toronto, 1970, p. 127-132.

214. Фихман И. Ф. Городское и императорское землевладение в Оксиринхе IV-VI вв. - ПС, 1971, вып. 23 (86), с. 144-151.

215. Фихман И. Ф. Египетский город византийского времени (Некоторые предварительные итоги изучения социально-экономической истории города Оксиринха. - В кн.: Византийские очерки. Труды советских ученых к XIV конгрессу византистов. М., 1971, с. 125-151.

216. Фихман И. Ф. Ленинградская межинститутская византийская группа. - ВВ, т. 31, 1971, с. 302-305.

217. Фихман И. Ф. Рабы в византийском Оксиринхе. - УП ГИС ЛО ИВ АН, М., 1971, с. 78-80.

218. Фихман И. Ф. Социальный состав населения позднеегипетского города (по папирусам Оксиринха). - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл., Тбилиси, 1971, с. 34-36.

219. Fichman I. F. Die Bevölkerungszahl von Oxyrhynchos in bysantinischer Zeit. - "Archiv für Papyrusforschung", 1971, Bd. 21, S. 111-120.

220. Fichman I. F. In memoriam Peter Viktorovich Jernstedt. - "The Journ. of juristic papyrology", vol. 16-17, 1971, p. 257-260.

221. Fikhman I.F. In memoriam Otto Oskarovich Krüger. - "The Journ. of juristic papyrology", vol.16-17, 1971, p.255-257.

222. Fikhman I.F. Resultats préliminaires de l'étude des données sociales et économiques des papyrus d'Oxyrhynchos d'époque byzantine. - В кн.: XIVe Congrès International des études byzantines. Bucarest, 6-12 septembre 1971. Résumés Communications. /Bucarest, 1971/, p.200.

223. Fikhman I.F. Survey of Soviet papyrology and related disciplines. - "The Journ. of juristic papyrology", vol. 16-17, 1971, p.195-207.

224. Fikhman I.F. /Рец./: Зельин К.К. и Трофимович М.К. Формы зависимости в восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., "Наука", 1969. 244 с. - "Chronique d'Égypte", t.44, 1970, N 89, p.182-186.

225. Фихман И.Ф. /Рец.на кн.:/: Das Archiv des Petaus (P.Petaus), hrsg. von U. und D. Hagedorn, L.C. und H.C. Youtie. Köln und Opladen, 1969, 456 S., - ВДИ, 1971, № 2, с.157-161.

226. Фихман О.Л. Канровые особенности "Заметок из хижины Великое в малом" Цзи Юня. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып.II. М., 1971, с.185-191.

227. Фихман О.Л. Китай в Европе ХУП-ХУШ вв. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.116-123.

228. Фихман О.Л., Горегляд В.Н., Бросалина Е.К., Гуров Н.А., Болдырев А.Н., Ворожейкина Э.Н., Беляев В.И., Долнина А.А., Гарбузова В.С. Об учебнике по восточным литературам средних веков. /Рец.на кн.: Литература Востока в средние века. Под ред. Н.И.Конрада, И.С.Брагинского и Л.Д.Позднеевой. М., Изд-во МГУ, 1970, ч. I, 471 с.; ч.2. 463 с. - НАА, 1971, № 6, с.133-146.

О.Л.Фихман. написаны: вводная часть рецензии (совм. с А.Н.Болдыревым) и раздел "Китайская литература" (с.131-137).

См.также № 25.

229. Халидов А.Н. К идентификации автора одной арабской рукописи XII века. - УП ГИС ЛО ИВ АН, М., 1971, с.41-43.

230. Халидов А.Б. /Предисл. (с 5-22), подгот. к изд., примеч. и ред./: Крымский А.Б. История новой арабской литературы. XIX-начало XX века. М., Глав.ред.вост.лит., 1971, 794 с. (Подгот. к изд. совм. с Л.И.Николаевой).

Библиогр.: с.705-738. (Сост.Л.И.Николаева и А.Б.Хали-

дов). Указатели: имен и названий произведений и периодич.изданий - с.739-777. (Сост. Л.И.Николаева).

231. Ханин З.Я. По какому признаку осуществляется дискриминация японских парней? - УП ГНС ЛО ИВ АН, М., 1971, с.80-82.

232. Ханин З.Я. Проблема самми и ее изучение. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.95-100.

См.также № 39.

233. Циперович М.Э. Об авторстве собрания китайских изречений "Продолжение цзацзунь". - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II, М., 1971, с.192-197.

234. Цукерман И.И. Геминация согласных в хорасанском курмандж. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.140-144.

235. Чиллаев К. О передатчиках дастана "Абу Муслим-наме" по рукописям ленинградских собраний. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.118-121.

236. Чугуевский Л.И. Дуньхуановедение. - В кн.: Письменные памятники Востока, 1968, 1970, с.241-259.

237. Чугуевский Л.И. Заемные документы из Дуньхуана. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.43-45.

238. Чугуевский Л.И. Из истории издания восточных текстов в России в первой четверти XIX в. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II, М., 1971, с.280-294.

239. Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 10, М., 1971, с.147-156. Библиогр.: с.155-156.

240. Чугуевский Л.И. Рукописи неопубликованных работ А.В. Рудакова и материалы к ним. - НАА, 1971, № 4, с.218-220.

241. Шарафутдинова Р.Ш. Арабоязычные документы эпохи Шамиля из архива акад.Б.А.Дорна. - УП ГНС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.46-49.

242. Шарафутдинова Р.Ш. Принципы выделения предлогов в современном арабском языке. - В кн.: Восточная филология. М., 1971, с.191-204.

243. Шифман И.Ш. Городской строй палестинских обществ в первой половине I тысячелетия до н.э. (к вопросу о ближневосточных истоках эллинистической цивилизации). - В кн.: У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с.63-66.

244. Шифман И.Ш. Пальмирские Септимии, потомки Цепперы. (Из истории общественных отношений в Пальмире конца II - первой

половины III в. н.э.) - ЭВ т.20, 1971, с.35-45.

245. Шифман И.Ш. Социально-правовые группы в сирийском обществе эллинистическо-римского времени. - ВДИ, 1971, № 2, с.119-128. Рез. на англ.яз.

246. Шифман И.Ш. Социальные и экономические отношения в Сирии в I-III вв. н.э. Автореф.дисс. ... д-ра ист.наук. М., 1971, 34 с. (АН СССР Ин-т востоковедения).

247. Školjar S.A. L'artillerie de jet a l'epoque Sung. - "Études Sines", 1971, 2, p.119-142 avec ill. Bibliogr.: p.119-121.

248. Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1968-1970 гг. - УП ГИС ЛО ИВ АН. М., 1971, с.147-189.

249. Щеглова О.П. Персидская поэзия XIX века в литографских изданиях (по материалам ЛО ИВ АН и ЛГУ). - УП ГИС ЛО ИВ АН, М., 1971, с.49-51. См.также № 208.

250. Узбабян К.Н. Адонц и его книга "Армения в эпоху Юстиниана" /Предисловие/. - В кн.: Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. 2-е изд. Ереван, 1971, с.3-20.

251. Узбабян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. Ереван, "Айастан", 1971, 199 с. (На арм.яз.).

252. Узбабян К.Н. Анкийская рукопись 1298 г. - "Вестн.Ерев. ун-та", 1971, № 2, с.77-94. Рез.на арм.яз.

253. Узбабян К.Н. К происхождению имени "павликяне". - В кн.: Византийские очерки. М., 1971, с.213-235.

254. Узбабян К.Н. Некоторые проблемы изучения армяно-византийских отношений. - "Вестн.общ.наук АН Арм. ССР", 1971, № 3, с.36-45. Рез.на арм.яз.

255. Узбабян К.Н. Экскурсия в армянской надписи 1051 г. - ПС, вып.23 (86), 1971, с.104-113.

256. Узбабян К.Н. /Рец. на кн./: Adontz, Nicholas. Armenia in the period of Justinian. The political conditions based on the nahagar system. Transl. with partial revisions a bibliogr. note and append, by Nina Garsoian, Louvain, 1970. - ПС, вып.23 (86), 1971, с.196-197.

См.также № 157.

257. Юсупова З.А. Употребление первичных предлогов с местоименной энклитикой - ê в южном диалекте курдского языка. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с.207-209.

258. Исупова Э.А. К вопросу о курдском календаре. - УП ГНС
ЛО ИВ АН, М., 1971, с.144-146.

259. Якобсон В.А. Подневольные люди в Ассирии. - В кн.:
У Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докл. Тбилиси,
1971, с.57-58.

260. Jakobson V.A. Some problems connected with the rise of
landed property (Old Babylonian period). - В кн.: Beiträge zur
sozialen Struktur des alten Vorderasien. Berlin, 1971, S.33-37.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ - "Византийский временник".
ВДИ - "Вестник древней истории".
НАА - "Народы Азии и Африки".
НИИЯЛИ - Научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории.
ПС - "Палестинский сборник".
СА - "Советская археология".
УП ГНС ЛО ИВ АН - "УП годовичная научная сессия ЛО ИВ АН (Крат-
кие сообщения)".
СТ - "Советская тюркология".
СЭ - "Советская этнография".
ЭВ - "Эпиграфика Востока".
- АОН - "Acta Orientalia Hungaricae".
АОг - "Archiv Orientalni".
МИО - "Mitteilungen des Instituts fur Orientfor-
schung".
РЕАгг - "Révue des études arméniennes".

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

стр.

С.И.Баевский. Способы подтвердительного цитирования в ранних персидских словарях	3
Ю.В.Борцовский. К проблеме изучения персоязычной космографической и географической литературы: учет и классификация материала	8
Е.И.Васильева. Об одной родословной правителей курдского племени думбули	12 ^W
Я.Б.Грунтфест. Структура манских посвятительных надписей	17
М.И.Демидова. Дуньхуанские свитки тибетского периода (80-е гг. УШ в. - 40-е гг. IX в.)	22
И.М.Дунаевская. Иероглифическая надпись из района Нахичевани (предварительное сообщение)	25
С.Г.Кляшторный. Рунические надписи Хемчикбоома	27
А.Н.Козлова. Труд Мухаммада Казима как источник по истории Дагестана	30
А.М.Куликова. Новый документ о первом японце в России	32
В.В.Кумев. Уникальная афганская рукопись из собрания Матенадарана (к биографии неизвестного афганского поэта)	34
Н.Д.Миклухо-Маклай. К происхождению анонимов в средневековой литературе на персидском языке	39
Ж.С.Мусаэлян. Поэма "Замбильфром" в собрании курдских рукописей ГИИ	44 ^v
М.А.Салахетдинова. К датировке "Шараф-нама-йи нахи" Хафиз-и Таныша	48
Э.Н.Темкин. О толковании термина <i>бѣрара</i> в трактате Бхамачи "Кавулашайкага"	52
А.П.Терентьев-Катанский. Имена людей, связанных с книжным делом, в тангутской коллекции ДО ИВ АН	58
Л.И.Чугуевский. Хозяйственные документы буддийских монастырей в Дуньхуане	61
О.П.Щеглова. Об одном из переписчиков литографированных книг	65

Э.А. Юсупова. Образцы текстов на южном наречии курдского языка	68
---	----

ИСТОРИЯ

О.Д. Берлев. Не замеченный до сих пор финикизм в отчете Венамуна о поездке в Библ	73
К.В. Васильев. Социальный аспект централизаторской политики, проводившейся древнекитайскими царствами в период Чуньцзо	75
Я.В. Васильков. К реконструкции ритуально-магичес- кой функций царя в архаической Индии	78
М.В. Воробьев. Средневековая Маньчжурия в русской и советской историографии (1917-1970)	81
Н.А. Дулина. Изменения в Османской дипломатии (тридцатые годы XIX века)	86
Г.Д. Иванова. Первые сведения японцев о русском народничестве	90
⊕ Е.И. Кычанов. Что такое "Новые законы"?	93
А.Г. Лундин. Религия и организация общества в древней Южной Аравии	98
⊙ А.С. Мартынов. Категория "хуа" в системе традицион- ных китайских политических представлений	102
Ю.А. Петросян. Документальное свидетельство неле- гальной антиправительственной пропаганды среди моряков турецкого флота в конце XIX века	105
М.Б. Пиотровский. Арабские племена в предании о йеменском царе Ас'аде ад-Камиле	108
В.В. Полосин. Новые материалы для биографии акаде- мика Френа	111
В.А. Ромодин. "Автобиография" Абдуррахман-хана и ее переводы	115
О.И. Смирнова. Авестийское višara в топонимике верхнего Зеравшана	120
И.Е. Фадеева. К характеристике деятельности Мидхат- паши в Болгарии в 1864-1868 гг.	125
И.Ф. Фихман. Оксирихские курналы	130

З.Я.Ханин. О некоторых проблемах истории японских парней и путях их изучения	стр. 134
И.Ш.Шифман. Цари Эдома (к характеристике общественных отношений в Южной Палестине во второй половине II тысячелетия до н.э.)	136
С.А.Школяр. О развитии и соотношении понятия и термина "артиллерия" в Европе и Китае	138

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О.Ф.Акимункин. О второй редакции "Диван-и Хафиз"	143
М.А.Болдырева. Некоторые черты художественно-образительных средств поэзии Ситора Ситуморанга	145
А.Д.Бурман. Некоторые представления бирманцев о характере королевской власти (на материале бирманской драматургии XIX в.)	148
З.Н.Ворожейкина. Четверостишия Камал ад-дина Исмаил в Исфахани. "Стансы" о зульфах	151
Н.Б.Гафурова. К истории изучения творческого наследия индийского поэта-реформатора Кабира в Индии и в Европе	156
Е.Н.Межерская. Сирийская легенда об Авгаре и ее использование в качестве апотропеического текста	159
С.Л.Невелева. К вопросу о триаде (интерпретация Махабхараты)	160
Э.С.Русинова. Восток в творчестве У.С.Мозма	164
К.Чиллаев. К вопросу о жанровых особенностях дас-тана "Абу Муслим-наме"	167

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А.Маруф. О словарях курдского ученого Гиви Мукриани	171
✓ М.Н.Боголюбов. Персидское название янтаря	175
А.М.Газов-Гинзберг. Имена-повторы со вставкой -м- в неродственных языках	177
В.Г.Гузев и Д.М.Насидов. О соотношении типов изафета в турецком языке	180
И.С.Гуревич. Слова со значением места (или времени) в китайском языке Ш-У вв.	184

	стр.
В.В.Касевич и Н.И.Носова. Глагольные формы в функции предикативного члена в бирманском языке	189
○ К.Б.Кепинг. Танский и сунский "Лес категорий"	191
К.К.Курдоев. Об алфавите езидских религиозных книг	196
М.Б.Руденко. Функции глагола گریان ("gegyan") в текстах средневековой курдской литературы на северном диалекте (курманджи)	200
Л.П.Смирнова. Исфаганский говор и его отношение к диалектам полосы г.Исфaghана	203
О.С.Сорокина. О выражении побуждения в современном бирманском языке	208
И.М.Стеблин-Каменский. Lang'хромой'	210

БИБЛИОГРАФИЯ

Г.С.Шрон. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1971 г.	214
---	-----

Подписано к печати 3/Х-1972 г. А-08621.
Объем 15 п.л. Тираж 200 экз. Зак. 381. Цена 70 коп.

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"

Москва, Центр, Армянский пер., 2